

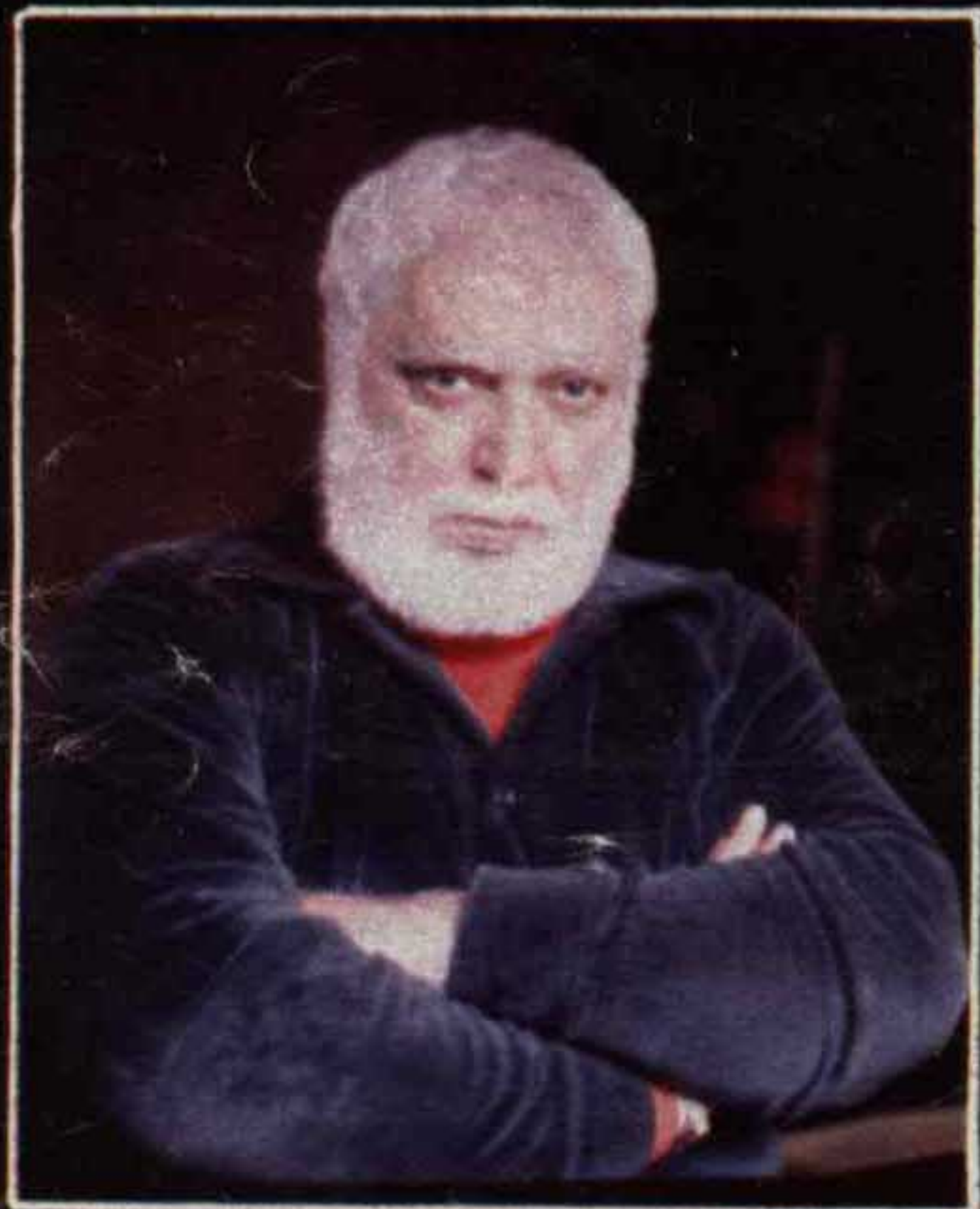
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 25 ИЮНЬ 1988

**В ГОРОДЕ
ИЖЕВСКЕ...**

**ХОРЕН АБРАМЯН:
ПОИСК ПРАВДЫ**

**ПРЕМЬЕРА РУБРИКИ
«АЗБУКА ГЛАСНОСТИ»**

**«ВЕСЕЛАЯ ДРАКА
КРАСОК»**

86

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 25 (3178)

18 — 25 ИЮНЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ

(ответственный
секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Любовь Немкова — чемпионка мира и Европы по высшему пилотажу. (См. в номере материал «Высота».)

Фото Андрея ГОЛОВАНОВА

Оформление **А. А. КОВАЛЕВА**
при участии **Т. А. НОВРУЗОВОЙ**

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

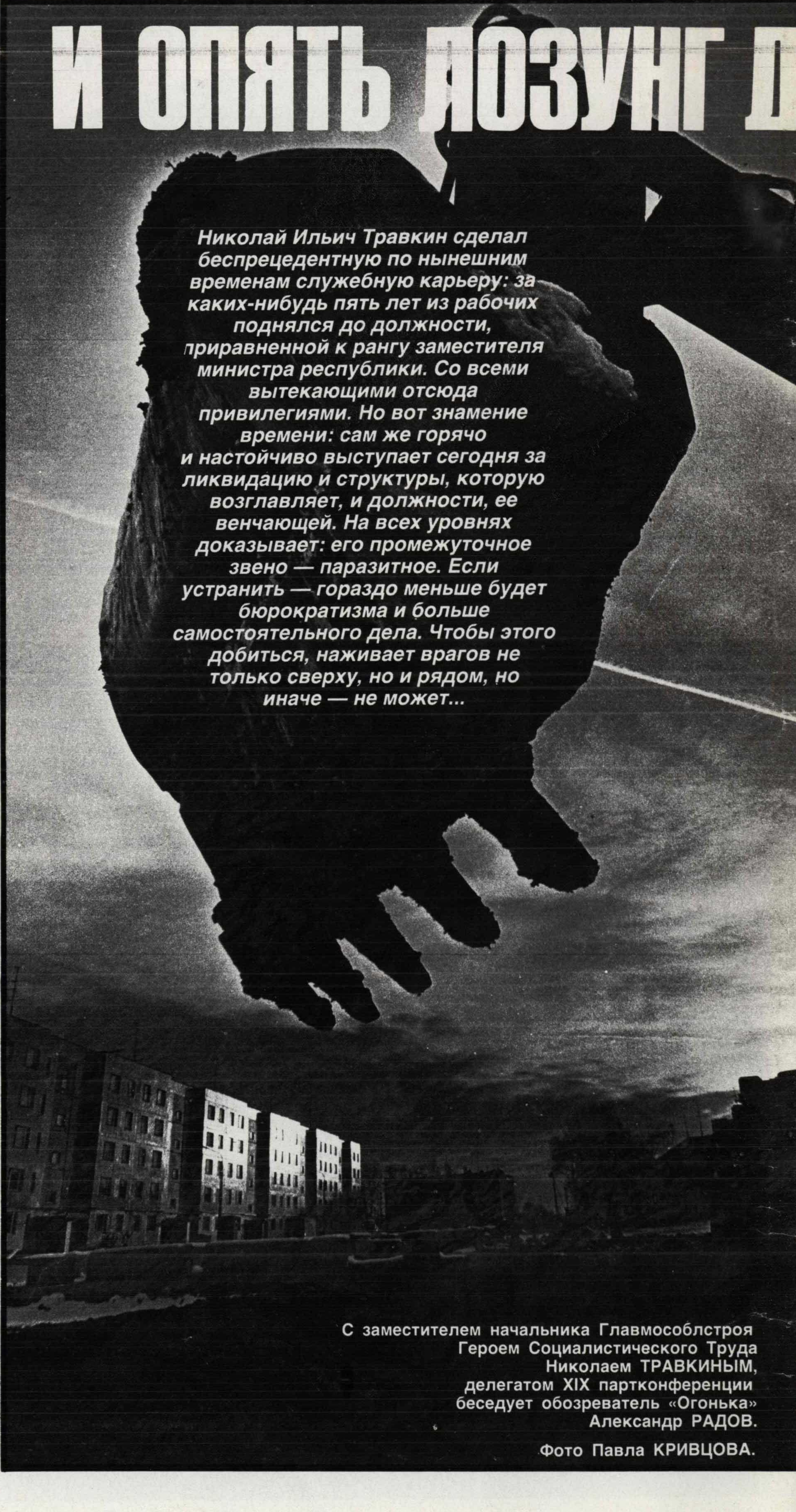
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 30.05.88. Подписано к печати
14.06.88. А 00357. Формат 70 × 108%. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл.
кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2491.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В.И.Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

**Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.**

И ОПЯТЬ ДОЗУНГ Д

Николай Ильич Травкин сделал беспрецедентную по нынешним временам служебную карьеру: за каких-нибудь пять лет из рабочих поднялся до должности, приравненной к рангу заместителя министра республики. Со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Но вот знамение времени: сам же горячо и настойчиво выступает сегодня за ликвидацию и структуры, которую возглавляет, и должности, ее венчающей. На всех уровнях доказывает: его промежуточное звено — паразитное. Если устранить — гораздо меньше будет бюрократизма и больше самостоятельного дела. Чтобы этого добиться, наживает врагов не только сверху, но и рядом, но иначе — не может...

С заместителем начальника Главмосoblстро-
Героем Социалистического Труда
Николаем ТРАВКИНЫМ,
делегатом XIX партконференции
беседует обозреватель «Огонька»
Александр РАДОВ.

Фото Павла КРИВЦОВА.

...НЯ: «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!»

Н

иколай Ильич, в этой вашей позиции — истинный демократизм. Но не пострадает ли дело? Девять трестов, которые входят в состав возглавляемого вами объединения, разве не нуждаются если не в руководящем, то хотя бы в координирующем органе?

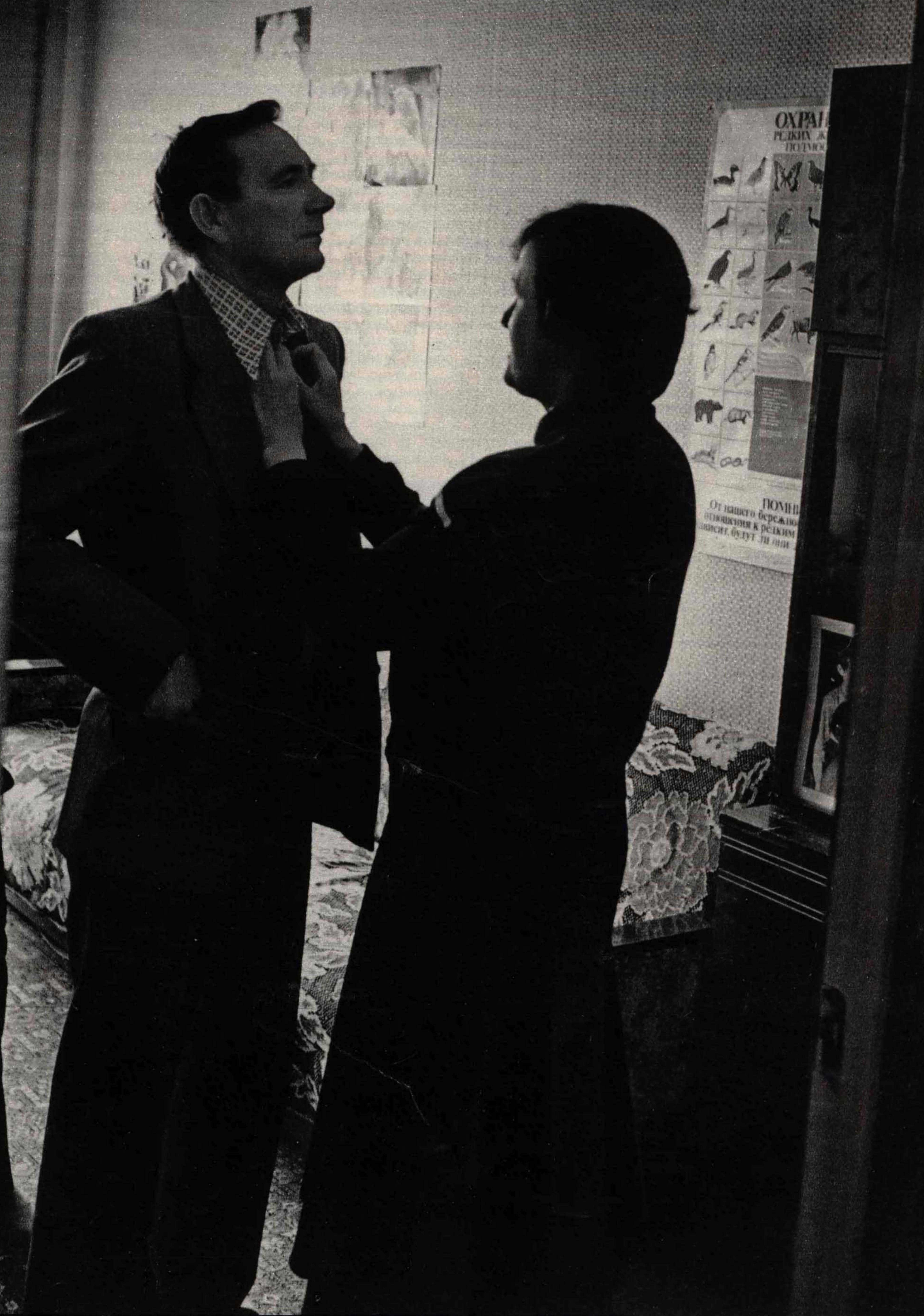
— Если и нуждаются, то должны прийти до этого сами. Вот у нас часто пишут: главк на хозрасчете. Но только такой главк может считаться на хозрасчете, который образовался снизу! То есть добровольно создан хозяйственно самостоятельными предприятиями или объединениями. Предположим: девять строительных трестов соглашаются держать в Москве тридцать управленцев для решения таких-то и таких-то вопросов. А рассуждают так: ага, мы будем за свой счет содержать, но за это будем с них спрашивать. Это значит — не командовать нами будут, а решать наши вопросы. Тут, как видите, принципиально иная ситуация. Будь моя воля, я б ликвидировал сейчас все средние, то есть промежуточные звенья. А если они действительно нужны — они непременно вырастут и очень быстро, но уже снизу. Тут и была бы демократизация производства. Ведь именно так образовались в двадцатые годы синдикаты.

— Хорошо, а куда денется персонал этих ликвидированных органов?

— Не пропадет, без работы не останется... Куда пойдет, к примеру, Травкин? Да найду я куда пойти. Опять вернусь в трест. И замы мои найдут применение. Ведь сегодня жуткий дефицит на опытные кадры руководителей. То же и с плановиками, экономистами. Самое интересное, что в зарплате не проиграют. Займутся конкретным делом вместо паразитических функций. А это в корне изменит управленческую атмосферу. Ведь что такое сталинизм в управлении? Когда все держится на страхе. И это, к сожалению, осталось. Возьмите руководителя любого ранга. Что им движет сегодня? Только страх. Причем страх исключительно перед вышестоящими. Он только и слышит: на бюро райкома или обкома заслушаем, на исполкоме, на заседании народного контроля и тому подобное. Что же это за демократические органы, которые держатся только на страхе? Ведь для этого и многочисленный аппарат, чтоб быть во всеоружии, когда пригласят на ковер. Не для дела собирается информация, а ради того, чтоб успешно отбиться...

— Но ведь страх перед вышестоящими существовал исключительно потому, что они и назначали, и снимали, и награждали, и наказывали... Переход к выборности должен бы ситуацию поменять?

— Правильно: выдвигают лидеров снизу. Но снимают-то их до сих пор сверху! Как рассуждают: вы ставьте, а мы будем спрашивать, мы спрос усилим... Полное извращение принципов демократического управления. Ведь если существует у вышестоящих возможность командовать — сразу происходит разворот здравого смысла: кто для кого? кто кого кормит? кто кого содержит? Право давать команды делает в глазах тех, кем командуешь, хо-

званием положения, если даже существуешь за его счет... Тут и есть основное условие появления бюрократизма. Но вот что удивительно. Мы сегодня громим бюрократа ведомственного, не отдавая себе отчета, что бюрократизм территориальный — он гораздо сильнее, многочисленнее, вреднее. Сколько сегодня повсюду контор! И ведь они непрерывно размножаются. Разделился, к примеру, госбанк на шесть разных банков. И теперь в любом районном городишке — все шесть банковских контор. Если даже промышленности в нем нет — представительство промышленного банка непременно есть. И так в любой сфере — в просвещении, здравоохранении, милиции... Гидра бюрократизма стремительно разрастается. Пытаемся обрезать ее по ведомственной вертикали, а по местной горизонтали упускаем. Кто за нее может взяться на территории? Только Советы, но преобразованные.

— Каким образом?

— А вот каким. Все предприятия района переводятся на хозрасчет, но одновременно. Что такое переводятся на хозрасчет? Здесь два шага, два этажа. Коллективный подряд — это возникновение Советов рабочих. Хозрасчет — это вся власть Советам! Включая тут и начальников, и директора, которых выдвинул и выбрал коллектив, и только он с них спрашивает. Когда на всех предприятиях, во всех учреждениях сформируются Советы, то кто будет командовать на территории? Районный Совет, куда войдут полномочные представители низовых Советов. За счет чего будет теперь существовать территория? За счет отчислений от прибылей предприятий. И первое, чем займется такой представительный, в полной мере полноправный и полномочный Совет, — сокращением аппарата. Все бы оценил. Надо ли, к примеру, на пятнадцать тысяч жителей иметь триста милиционеров? А может, сами станем порядком наводить? С помощью дружины? Народной милиции?

— Идея интересная, естественным образом вытекающая из самой логики последовательного хозрасчета. Но не кончилось бы дело вульгарным экономизмом. Территория — это не столько предприятия и конторы, сколько главным образом население, которое в городах живет обычно не в тех районах, в которых работает. Кто защитит его интересы, их наилучшим образом выразит? Представители коллективов, которые сами живут в других местах? Нет, если уж иметь дело с вашей моделью — я б ее дополнил: создал бы двухпалатный Совет: в одном — избранные представители трудовых и творческих коллективов, действующих на территории, в другом — выборные представители населения, всех представленных на территории социальных групп. Причем я б не отдавал предпочтение ни одной из палат.

— Ваше уточнение принимаю. Но обратите внимание — плюсы будут и на конкретных предприятиях. Сегодня мы никуда не можем деться от шефской помощи. Со всех предприятий сгоняем людей на сельхозработы, на стройки, овощные базы и т. п. А во что это обходится — никто на это не ответит. Сегодня никого не интересует баланс рабочего времени в районе. А без него разве можно руководить районом? Умножь рабочие часы на количество трудоспособного населения и можешь от этой печки плясать. Прикидывать: сколько требуется человеко-дней, чтоб накормить район, все необходимое построить, удовлетворить потребности в услугах и т. п. И уж тут ясно станет — откуда куда перераспределять... Уж после этого можно реально претендовать на разработку и осуществление социальной программы района.

— Этот процесс «советизации» — не приведет ли к гигантскому возрастанию местничества? К обособлению регионов?

— Но ведь и на областном уровне такие Советы будут существовать.

А туда попадут люди, делегированные из районов. Их общей задачей будет — защищать интересы всей области и т. д. Но будет это проходить не как сейчас, когда какой-то дядя просчитал и все механически проголосовали, потому что им наплевать. А вот когда будут распределять на различные нужды не нечто из анонимной казны, а тобой и твоим коллективом заработанное, — тут будет совсем другое отношение.

— Значит, вы считаете, что все это можно осуществить, сохранив в неизменности все существующие на сегодня формы взаимоотношений с вышестоящими инстанциями, с бюджетом, с законом?

— Эти формы придется, конечно, менять, но сам по себе отказ от казенных и заформализованных сессий, на которых спят равнодушные до общественных нужд люди, многое переменит. Кстати, чтобы сам Совет не имел тенденции к загниванию или бюрократизации — отзыв депутатов должен осуществляться так же элементарно, как у нас в хозяйственных советах. Довод будет: ты плохо защищаешь в Совете интересы трудового коллектива. А обычно отзывают лишь при крупных ЧП — в тюрьму посадили, из партии исключили...

— Итак, только по такому принципу выборный орган территориальной власти только и сможет наводить порядок снизу? А предприятие сможет тогда реально влиять на процессы, происходящие на территории?

— Именно так! Взять в свои руки власть на производстве — это мало что изменит, если не распространить ее на социальную сферу. Представьте: у вас в микрорайоне участились кражи. От населения пошли жалобы во все инстанции. Их, конечно же, переслали в исполком и милицию, а милиция стала заботиться не о том, чтобы сумочки не воровали, а о том, как бы благополучнее отписаться. И никто напрямую не вышел на начальника милиции и не

спросил, почему ты не навед порядок. А все потому, что нет сегодня механизма, через который это можно спросить. Если же Совет будет организован по-новому, то женщине, у которой сумочку вырвали возле дома, достаточно будет поделить бедой на своем рабочем месте. И все сработает: хозяйственный совет уполномочит своего представителя на ближайшей сессии сделать начальнику милиции запрос. Все будет очень конкретно: запрос от жизни, от реальной женщины...

— Вы, конечно же, замечали, что любой хозяйственный руководитель даже при мельчайших проблемах бьет челом перед вышестоящими инстанциями, хотя 80 процентов подобных вопросов можно решить на территории. Не столько выпрашивая, сколько кооперируясь с соседними предприятиями. Я писал как-то о совете директоров, двадцать лет существующем в Бердянске. Там нашли такую форму кооперации сил на территории, которая для всех выгодна — для крупных предприятий и мелких, для богатых и бедных. Там все получалось, поскольку горком партии сделал совет директоров своим органом. Но ведь это тоже ненормально — несвойственная для него работа. А вот новому райсовету это было бы больше с руки.

— В Волоколамском районе тоже создали совет директоров. Туда попал и управляющий 18-го треста, который на хозрасчете, и директора других предприятий, которые на хозрасчет не переходили. И вот такое большинство решило: 18-й трест должен отремонтировать рынок. Но он этого делать не будет. Потому что такое решение через его хозсовет не проходило и он, следовательно, не уполномочивал управляющего этот вопрос решать. Да и в создании этого органа хозсовет треста не участвовал. Это значит — кооперация не состоится...

Кстати сказать, когда Советская власть сформируется на основе сове-

тов трудовых коллективов, кооперация может существовать не только внутри районов. Она станет межтерриториальной. На любом предприятии сегодня сбои из-за недопоставок со стороны. Может ли вмешаться исполком? Сегодня бесполезно — представитель исполкома, даже его председатель, не имеет сегодня полномочий над предприятием, действующим на его территории. А при новом порядке Советская власть из Бердянского района напрямую решает все вопросы с Советской властью на территории Волоколамского района.

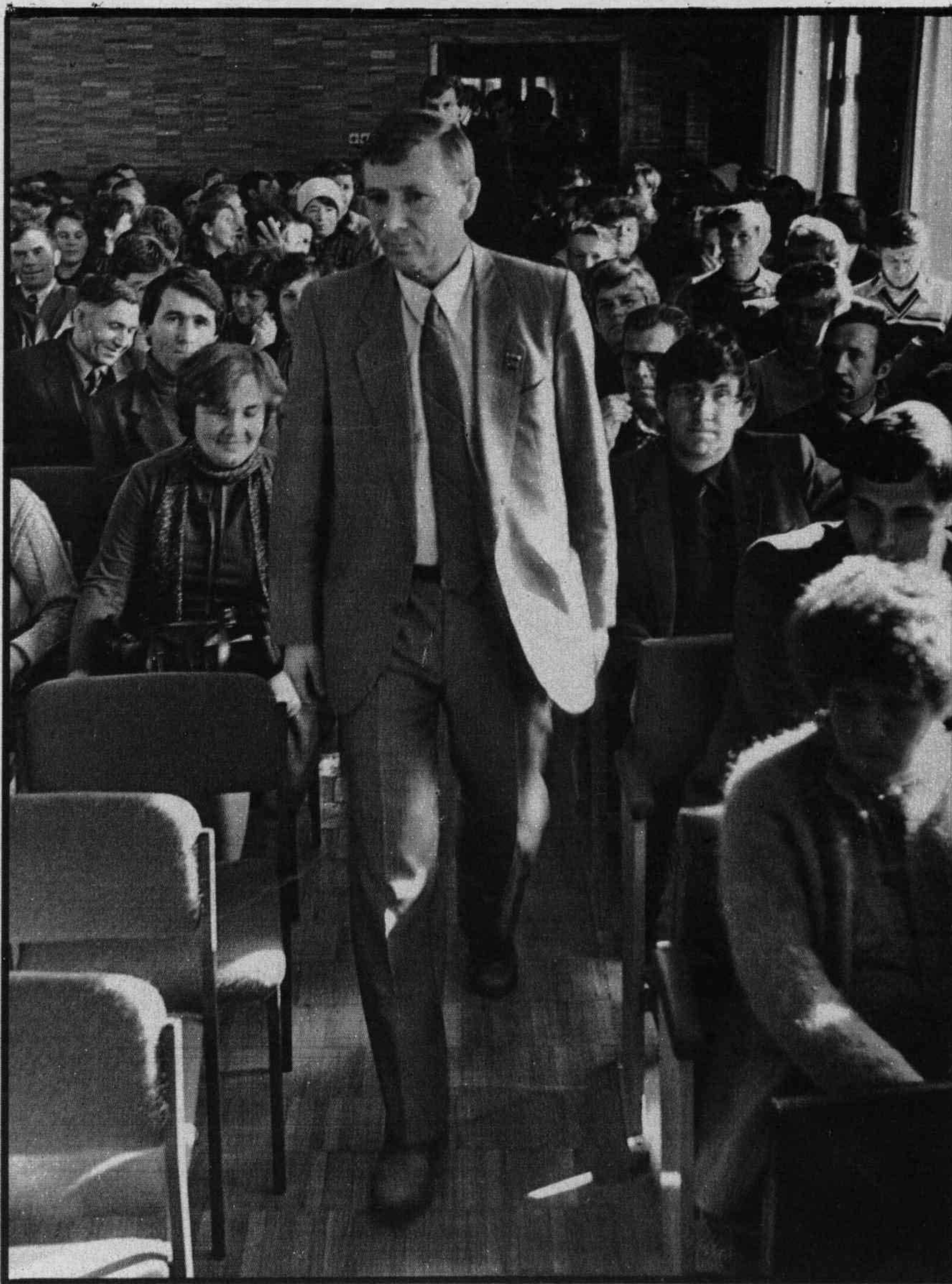
— И в государстве появится хозяйственная горизонталь, которая значительно разгрузит хозяйственную вертикаль, резко ускорит ход экономических процессов, сделает их экономичными. А самое главное — реально освободит партийные органы для функций политического руководства. А сегодня чем они занимаются? Что-то добывают, пробирают, проталкивают, распределяют... И поэтому им не до людей, их проблем и забот; вырвать бы план!.. Но подскажите: кто даст толчок созданию истинных Советов — полномочных и представительных, напрямую связанных с трудовыми коллективами? И в 1905 году и в 1917-м у царских бюрократов не спрашивали: разрешите создать Совет. Почему же сейчас ждем, когда бюрократы разрешат осуществить лозунг «Вся власть Советам!»?

А в те годы Советы брали власть в руки, потому что знали — никто не поможет! В масштабе всей страны была ситуация безысходности: либо мы это сделаем, либо перестанем существовать! Вот такая именно ситуация должна существовать на любом предприятии, чтоб, как за спасительную соломинку, схватилось за хозрасчет, за хозяйственный совет!

— Николай Ильич, вы знаете, что меня смущает? Конструкция, которую вы сейчас изобразили, — она какая-то железобетонная, состоящая из одного каркаса. Получится, что вместо одной пирамиды — дряхлой — мы поставим гораздо более совершенную, но тоже пирамиду и тоже единственную. А ведь чтобы возникали конфликты — имею в виду позитивные, как источники развития, — тут нужны по крайней мере две соперничающие структуры. Опыт такой есть, и он замечательный. Имею в виду калужскую «турбинку», где возник, как помните, «калужский вариант». Но была там одна подробность, которую редко кто вспоминает: умнейший человек, бывший директор завода, а ныне заместитель министра Прусс догадался рядом с административной пирамидой поставить пирамиду рабочего самоуправления и уравнил их в правах, чтобы были во всех вопросах друг другу оппонентами. Тут-то и пошли позитивные конфликты, которые на сегодня отовсюду у нас изгнаны, — мы их страшно боимся, а потому норовим замазать, сгладить все противоречия, предпочитая хорошей ссоре дурной мир. Именно поэтому, я считаю, калужская «турбинка» все никак не угомонится, продолжая рваться и рваться ввысь...

А обычно у нас некому и не с кем конфликтовать: руководство полновластно, ему никто не может быть не только оппозицией, но даже оппонентом. И потому власть так легко распоясывается. Даже если она народная, состоит действительно из авторитетных в народе людей. Не случится ли так с новыми Советами?

— Нет, не случится. Конфликты будут, но будут внутри Совета. Там постоянно будут сталкиваться интересы. Но чтобы это было, нужны рамки полного хозрасчета. Без всяких оговорок. Без игры. И даже без переходных этапов. Но брат — я в этом убежден — не отрасли, а территории. И пока не будет Советской власти на территории, делать чистку в отдельных отраслях или сферах бесполезно. Вместо одних бюрократов можно посадить других, более изощренных. Нет, нужна подлинно народная власть, а уж она все приведет в норму.

КТО НАМ ЛОМАЕТ КРЫЛЬЯ?

Александр БОЛОТИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

«ГРОМКОЕ ДЕЛО» ЗОТОВА, О КОТОРОМ И ПО СЕЙ ДЕНЬ ВСПОМИНАЮТ В ТАМБОВЕ, ВОЗНИКЛО, КАК ГОВОРИТСЯ, НА РОВНОМ МЕСТЕ, ФАКТЫ ПРОТИВ НЕГО ЯВНО СФАБРИКОВАНЫ, И ДОЛГОВРЕМЕННАЯ КАМПАНИЯ «ПО ВТАПТЫВАНИЮ ЧЕЛОВЕКА В ГРЯЗЬ» ВЕЛАСЬ ПЛАНОВЕРНО И ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО — ТАК ПИШУТ АВТОРЫ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

В редакционной почте мы наткнулись на это письмо из Тамбова. В нем рассказывалось, что начальник крупной областной организации — передвижной механизированной колонны агропрома Лев Петрович Зотов, — человек, по мнению авторов, сравнительно молодой, но знающий, инициативный, обладающий деловой хваткой, проявил хозяйственную самостоятельность и независимость в сельском строительстве, за что впал в немилость высшего областного начальства, устроившего на него гонения. Раздвигая обличительные факты, изложенные в анонимке, местные власти сурово расправились с Зотовым. Он был снят с работы, исключен из партии, а несколько позже против него возбуждено уголовное дело, после чего народный суд Советского района города Тамбова за хищения осудил его на семь лет лишения свободы с конфискацией имущества и лишением права занимать руководящие должности, связанные с материальной ответственностью, сроком на пять лет.

Далее, как, увы, еще нередко бывает, судебная машина дала обратный ход. Президиум областного суда отменил приговор и переквалифицировал действия Зотова как халатное отношение к исполнению служебных обязанностей, снизив ему меру наказания до двух лет лишения свободы с обязательным привлечением к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора. В письме подчеркивался очень тревожный факт: в течение семи месяцев Зотов незаконно содержался под стражей.

Возможно, с чисто юридической точки зрения эту историю не отнесешь к разряду уникальных — судебные ошибки пока нередки, в той же почте «Огонька» можно встретить более острые и замысловатые сюжеты из судебной практики. Нас заинтересовало иное, а именно необычная постановка вопроса, поднятого авторами письма. Сводилась она к следующему: «...вот и нет человека — умелого организатора, способного специалиста, перечеркнута человеческая судьба, растоптано будущее молодого руководителя. Ну и кто от этого выиграл — общество, дело? Не кажется ли вам, что сейчас, когда перестройка резко обозначила противоборство сил созидателей и сил, не желающих и не умеющих созидать, кому-то очень выгодно ломать судьбы самых заметных, энергичных, творчески мыслящих работников?»

В чьих же руках оказалась эта судьба, кому и почему было угодно именно так ею распорядиться? Конечно, ответ на этот вопрос надо было искать в Тамбове...

ДЕФИЦИТ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

«Смысл бюрократизма нашего, господа, состоит в незабвенном правиле: никогда ничего не делать ради дела — а только ради резона».

*Эдвард Радзинский
«Лунин, или Смерть Жака».*

5 декабря 1986 года в 9 часов вечера за Зотовым захлопнулась дверь одиночной камеры изолятора временного содержания. Новоиспеченный узник уныло осмотрел крепкие бетонные стены, небольшой топчан, приткнутый к одной из них, зарешеченное окно под потолком. Неожиданно ярко бил в глаза свет от лампочки, тоже оплетенной толстой проволокой... Зотов нащупал в кармане куртки перчатку, попытался просунуть ее под проволоку, чтобы защититься от света. Потом присел на топчан. И тотчас навалилась гнетущая тишина. Теперь можно было крепко обо всем подумать...

Тучи над ним начали сгущаться чуть ли не с первых дней его работы в должности начальника ПМК. Это он сейчас прекрасно понял, а тогда, как и любой нормальный человек на его месте, никакого значения не придавал ни анонимкам, поступавшим на него в различные инстанции, ни многочисленным ведомственным ревизиям, которые будто вал за валом накатывались для всесторонней проверки деятельности его предприятия.

А, собственно говоря, почему ему надо было кого-то бояться — ведь дело, которое он взял в свои руки, удавалось. Когда впервые переступил порог площадки ПМК, кругом было запустение — бурьян по колено. А вот прошло немного времени, и уже устроен аккуратный механизированный двор. Опять же сумел Зотов сплотить коллектив, научил людей жить не сиюминутной выгодой, но долгосрочной перспективой, доказал необходимость своей материальной базы. «Крепкий хозяин», — поговаривали между собой степенные директора совхозов, съезжавшие со всей тамбовской округи, чтобы посмотреть, как исправно действуют вновь построенные на площадке растворобетонный узел, колерная мастерская, выпускающая меловую пасту и шпаклевку, цех по производству декоративной гипсовой плитки, пропарочные камеры... так необходимый сельскому строительству материал переставал быть дефицитным.

К Зотову потянулись люди. На ПМК резко вырос объем строительно-монтажных работ, улучшилось качество возведения объектов. С новым начальником было приятно работать. Нравился его принцип: «Если хочешь, чтобы тебя уважали — научись уважать дру-

гих». Начала выполняться социальная программа, значительно улучшились условия труда. Да и заработки у рабочих были выше, чем в среднем по области. Работать в ПМК стало престижно, а сам Зотов постепенно превращался в заметную фигуру. Хотя растущий с каждым днем его авторитет многим не давал покоя...

Гнетущая тишина в камере, как будто остался один во всем мире. Вот так же в одиночке до самой смерти отбывал свой срок один из героев тамбовской земли, блестящий кавалергард времен Отечественной войны, а впоследствии знаменитый декабрист Михаил Лунин. В детстве отец Зотова — старый фронтовик, прошедший войну от «звонка до звонка», не раз говорил, что у декабристов неплохо было поучиться не только мужеству и стойкости, но и благородству, высоким понятиям о чести и совести, презрению к фискалам, завыстникам, интриганам... Оглядывая камеру, Зотов улыбнулся, вспомнив мрачную шутку Лунина, обращенную к тюремщикам: «Позвольте мне вас принять в моем гробу».

Когда вникаешь в «Дело Зотова», читаешь копии судебных постановлений, жалоб, ответов на письма, невольно приходит ощущение какой-то предсказуемости дальнейшего развития событий, как будто все проигрывалось по плотному, заранее написанному и хорошо отрепетированному сценарию, — уж больно очевидна была механика построения «громкого дела», избирательность цели, направленность удара, хотя у исполнителей ролей в этом сценарии далеко не всегда сходились концы с концами.

Признаться, и я не верил, что в хаосе инструкций, учета, нормирования, тарифов, разрядов, отчетов Зотов, как, впрочем, и любой другой хозяйственник, мог бы остаться непорочным. При нашем обилии бумаг зацепка придирчивому глазу всегда найдется. Но вот беседа с лучшим, по общему мнению, ревизором области — начальником отдела ревизии хозорганов Контрольно-ревизионного управления Минфина РСФСР по Тамбовской области Л. И. Денисовой.

— Меня часто вызывали в обком КПСС, — говорит она, — давали конкретное задание проверить ПМК, проверить Зотова. Ездил, проверял... За все годы не было установлено ни одного финансового нарушения, наоборот, всегда производил благоприятное впечатление порядок в отчетной документации. Об этом я в обкоме неоднократно докладывала, но доводы мои, очевидно, во внимание не принимались.

Утром, после бессонной ночи, Зотов увидел через окошко камеры, как идет снег. Крупные хлопья летели к земле, а ему, наверное, казалось, что это не снег, а анонимки падают на его голову

со всех сторон и не тают, увы, а подшиваются в пухлое досье, заведенное чьей-то недоброй рукой. Неизвестный бытописатель жизни Зотова, отчаявшись найти огрехи в производственной деятельности, теперь тщательно препарировал малейшие оттенки его личного существования: на ком женился, как получил квартиру и приобрел автомобиль, какую дачу построил на садовом участке.

Факты и фактики тщательно подшивались в дело. Потом на их основе была составлена лаконичная, но грозная справка партийной комиссии обкома партии. Это был приговор коммунисту Зотову. Экстренно собранное в 7 часов утра бюро Советского РК КПСС города Тамбова в течение нескольких минут, не вникая и не обсуждая, Зотова из партии исключило. Шок ли нашел на членов бюро, или было просто каждому ясно, что начальника ПМК вот-вот арестуют?

Признаться, с чувством определенной неловкости, как к людям, повинным в неумышленной аварии, шел я к работникам правоохранительных органов, по чьей вине Зотов в течение семи месяцев незаслуженно вкушал горечь тюремной похлебки. Ошибка есть ошибка, брак в работе радости никому не доставляет... Что там будет, что прочтется в их глазах, мучимых понятными угрызениями совести?

Как наивно оказалось подобное предположение, какими разными были наши точки зрения на происшедшее! Не было там никаких угрызений, тем более совести! Другое дело, что воздвигли крепкую стену своей непогрешимости все те, кто занимался делом начальника ПМК. «Была б моя воля — я бы и сейчас Зотова посадил», — жестко отрезал в разговоре со мной старший следователь городской прокуратуры И. И. Терещенко — человек опытный и в жизни, и в своей профессии, но, очевидно, так и не понявший за свою долгую юридическую практику, что бывают случаи, когда и подсудственный может оказаться невиновным.

Надо отдать должное Ивану Игнатьевичу, он добросовестно сделал все, чтобы упрятать Зотова за решетку. Не только старался, но и мобилизовал из своего арсенала наиболее эффективные для этого средства. Вряд ли Терещенко слышал реплику из той самой пьесы, где его земляк декабрист Лунин едко заметил: «У нас без доносов нельзя, у нас без доносов, как без снега земля вымерзает». Но если и слышал об этом когда-нибудь, то иронии не уловил, понял все в буквальном смысле. Любопытно в этой связи письмо некоего Адамова — бригадира шабашников, обвинявшегося в преступном сговоре с Зотовым. Приведу его дословно, сохраняя покаянный стиль автора:

«В тюрьме следователь Терещенко предъявил мне обвинение по статье 93прим., но тут же успокоил, что это сделано якобы фиктивно — главное, произвести очную ставку между мной и Зотовым, а после этого я буду на свободе. Прокурор города В. Н. Солопов дал мне лично слово коммуниста, что 31 декабря 1986 года я буду дома, лишь бы я на очной ставке подтвердил то, что они мне диктовали (я понимаю, что это низко, подло, но вы поймите меня, я впервые в жизни был в тюрьме, не знал законов, а меня обещали отпустить, и шел на все ради этого). Перед тем, как состоялась очная ставка, я был тщательно «подготовлен» следователем Терещенко, какие будут вопросы и что я должен говорить. Вот так и состоялось мое окончательное падение... Из тюрьмы меня не выпустили. Спустя время Терещенко мне сказал: «Я понимаю твоё состояние и не буду тебя больше беспокоить, того, что у нас уже есть, хватит, чтобы Зотова убраться лет на десять, а тебе, я говорю честно, будет три года «химии» — вот возьми чистые бланки от протокола допроса, подпиши их, и я тебя не буду вызывать до суда. Я и подписал...»

Это признание было сделано обвиняемым Адамовым еще до окончания следствия, фигурировало в суде, но, как видим, участи Зотова не облегчило. Странно, но куда денешься от впечатления, что народный судья Нина Михайловна Малютина его игнорировала, упорно закрыв глаза на, мягко сказать, «нечистые» приемы дознания? Она и сейчас, после отмены вынесенного ею приговора более высокой судебной инстанцией, виноватой себя не чувствует, смотрит мне прямо в глаза, спокойно и надменно. И помощь у нее, как нельзя кстати, в лице непосредственного начальника — председателя районного суда А. Д. Золотухина, человека более молодого, нежели Терещенко, и с манерами более приятными и обходительными... Вот он-то вдруг ничтоже сумняшеся мне и объявил, что якобы «презумпция невиновности» нами заимствована из буржуазного права, как бы намекая, что пора кончать с пережитками прошлого...

Задумаешься поневоле, кто вершит над нами суд, кому Фемида доверила судьбы людей. Не о таком ли правовом нигилизме говорилось на февральском Пленуме ЦК КПСС?

УРОКИ ДЕМОКРАТИИ

«Николай Борисович поднял смывочек. — Первая вещь называется «Прощание с номером гостиницы в Тамбове», — объявил он так, словно имел в виду не только Данилова, но и невидимых слушателей, возможно, притихших где-то рядом.

Он стал играть, но никаких звуков Данилов не услышал: Прощание с гостиницей, видно, было элегическое, что-то произошло у Земского в Тамбове, смывочек проплывал мимо струн на малом от них расстоянии в задумчивости и грусти».

Владимир Орлов
«Альтист Данилов».

...Ах, как легкомыслен был Алексей Максимович Горький, однажды обронив о Тамбове, что город похож на скучный сон. Неглубокое, осмелюсь заметить, наблюдение. Хотя влоруп поправиться — конечно, время меняет характер и нравы городов. Мне же кажется, что за толстой каменной кладкой старинных тамбовских домов, как и за более легкими перекрытиями современных зданий, сегодня нередко бушуют демонические страсти, за которыми, словно звон скрежетаемых шпаг, угадывается столкновение различных мнений, убеждений, оценок, жизненных позиций... Непросто, а главное, небескровно это столкновение.

Не первый раз приезжая в командировку по письму человека с критикой в адрес местных должностных лиц, ощущаю гнетущую атмосферу насто-

женности, неприязни, а то и скрытого противодействия, как будто бы залез в чужой огород считать грядки, а хозяин тут же за частоклом наблюдает за тобой с раздражением: «Ну, что он там копается, какое ему дело до моего огорода?» Индей раз даже проверяешь себя: а не преувеличены ли эти ощущения? Ан нет... Чего стоит хотя бы «дружеское напутствие» одного из руководителей Тамбовской областной прокуратуры — в разговоре он невзначай заметил: «Вы у нас в городе будьте поосторожней, возможна любая провокация». Тогда, откровенно, не придавал этой фразе особого значения... Но, сопоставляя факты, вникая в тончайшие нюансы истории с «ликвидацией Зотова», неожиданно для себя обнаружил, что постигаю особую методологию, выработанную здесь для расправы с неугодными, и сразу становится ясно, что мой доброжелательный собеседник был далек от шуток.

С самого начала «Дело Зотова» не было однозначным, за молодого начальника ПМК на разных этапах заступались и руководители областного управления сельского хозяйства, и партийное бюро организации, которую он возглавлял, и даже некоторые представители правоохранительных органов... Заместитель начальника отдела Тамбовского областного БХСС подполковник милиции Вячеслав Матвеевич Блинов, сам опытный сыщик, спец по так называемым хозяйственным делам, с момента возбуждения уголовного дела пытался предотвратить ошибку следствия. Видел, что не туда палку гнут, да и партийная совесть не позволяла человеку отвести в сторону глаза. Чем это для него обернулось — другой вопрос. И вообще где они сейчас, зотовские заступники? Одних сняли, других усмирили, третьих примерно наказали в назидание остальным... Не так-то просто противоборствовать всеильным!

Вот сидит передо мной бывший бравый военный Николай Стефанович Чеплыгин. Сын бойца 1-й Конной армии, до войны скромный тракторист-прицепщик, а потом солдат. Кандидатскую карточку носил в гимнастерке, защищая Москву, в партию вступил под Сталинградом... Был четыре раза ранен, контужен, все выдержал фронтовик на пути с первого по последний день войны, следы пуль зарубцевались, а вот проникающее ранение от грязной анонимки по сей день не заживает. Он уже не бравый офицер, он «потерпевшая сторона».

Будучи в свое время заместителем начальника областного управления сельского хозяйства по кадрам, Чеплыгин в расправе над Зотовым занял принципиальную позицию — взял да и заявил во весь голос, что, мол, судите невиновного... И тут же на него впервые в жизни начали поступать анонимные жалобы.

В истории с Чеплыгиным случилось то, что случается редко... Анонимщик был пойман с поличным, и это установлено соответствующим актом почерковедческой экспертизы. Им оказался некто Н. В. Чекунов, человек с сомнительной репутацией, с «придуманной» для получения льгот легендой о военной инвалидности, за что против него было возбуждено уголовное дело, и только Указ об амнистии помог Чекунову избежать заслуженного наказания.

Казалось, все стало на свои места, но куда там... По непредсказуемой логике на защиту анонимщика горой стал... обком партии в лице ответственного работника партийной комиссии И. И. Алабичева. Ветераны партии, войны и труда рассылают повсюду письма, они требуют наказать Чекунова, ибо амнистия если и прощает участника войны, то не может освободить от ответственности коммуниста за клевету и преступные действия. Но все напрасно... С Чекунова сняты обвинения, в том числе и только что наложенный партийный выговор, а Чеплыгин вынужден уйти с работы с занесением партийного взы-

скания в учетную карточку. Попробуй объяснить подобные метаморфозы!

«Фантазмагорический композитор» из романа Владимира Орлова Николай Борисович изобрел новое направление в искусстве, так называемый «тишизм», утверждая, что традиционная музыка — «ложь и побрякушка», нотные знаки — отживающий анахронизм, а будущее за такой музыкой, какая будет звучать лишь внутри каждого из слушателей. С одной стороны, она тишина, а с другой — самая что ни есть истинная внутренняя музыка с полной свободой выбора мыслей, звуков и чувств. Вот и остается гадать, какая музыка играет внутри каждого из тех, кто вопреки очевидному обвиняет невиновного, выдает подлость за благородство, провозглашает глупость и опускает глаза на здравый смысл...

В городе Тамбове не принято произносить слово «анонимка», здесь ему придумали более спокойное, нейтральное звучание: «письмо без подписи». Куда ни глянь — повсюду эти безымянные послания, не самые лучшие образчики эпистолярного жанра — в милиции, прокуратуре, советских и партийных органах, как будто их штампует какая-то дьявольская фабрика с целевой программой и заданием по валу. И задумываешься поневоле, а не потому ли так плодovit тамбовский анонимщик, уверенный до недавнего Указа, что в инстанциях его скромная цидулка от машинки со слепым шрифтом найдет встречные благосклонность и понимание, послужит поводом к очередному разбирательству и подобающих в таких случаях выводах. Ведь что получается... Всех пострадавших участников этой истории постигла подобная участь — писали анонимки на Зотова, Чеплыгина, Блинова... Каждое письмо без подписи с готовностью рассматривалось, по каждому и выносилось суровое решение.

В процессе подготовки этого материала выяснилось, что благосклонного внимания тамбовских анонимщиков не избежал и автор этих строк. Письмо за подписью жены Адамова с грязными обвинениями в адрес работников «Огонька» ушло в высокие партийные инстанции. Естественно, приехав снова в Тамбов, я разыскал Адамову, естественно, убедился, что ничего подобного она не писала, естественно, взял с нее об этом расписку. Более того, стало известно, что подобную проверку уже сделала областная прокуратура. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что эта анонимка не уничтожена, а приобщена к «Делу Зотова и якобы его сообщников» как вполне достоверный документ. Спрашивается: какой резон? Заодно хочется сделать предупреждение: «Будьте внимательны, товарищи! Анонимщик тоже перестраивается».

86 человек подписали письмо в редакцию в защиту Зотова — рабочие, инженеры, техники, бухгалтеры, машинистки... Попробуй каждого расспроси. А не проще ли собрать рабочее собрание и высказаться всем, кто о чем думает, — с таким предложением обратился я в партийное бюро ПМК и, получив согласие, в назначенный день и час приехал в организацию... Но случилось в общем-то маловероятное, никак не вписывающееся в арсенал нынешних демократических завоеваний. Приемник Зотова, начальник колонны А. И. Попов категорически запретил какие-либо собрания, тем более в здании ПМК, ссылаясь при этом на строгую установку райкома и обкома КПСС. Был поздний час, люди, оповещенные объявлением, после работы не расходились, на улице шел сильный снег, страсти накалялись... Посовествовавшись с членами партбюро, решили во избежание стихийного митинга перенести все на завтра.

На следующий день в местной гостинице «Тамбов» случилось ЧП... Вечером ко мне в номер постучали сначала двое, представились, что из ПМК, попросили разрешения пригласить своих

товарищей, выяснилось, что приехал целый автобус... Поднимались на второй этаж, проходили в небольшой номер, шаркали сапожниками по аккуратным гостиничным половикам, бушлаты и брезентовые робы складывались в ванной, строгая дежурная, очевидно, от изумления потерявшая дар речи, то ли ретировалась, то ли побежала «согласовывать», и только молоденькая, дежурившая в тот вечер горничная потом мне призналась, что незаметно, на всякий случай подсчитывала количество гостей — их оказалось без малого сорок человек.

Что там элгии Николая Борисовича с его «тишизмом», скучным Моцартом и меланхоличным Гайдном, у меня в номере бушевали громоподобные вагнеровские тембры, дрожали люстры и посуда в серванте, повсюду виднелись пышные бороды и задубелые от мороза скулы, пахло оттаявшим ворсом подшлемников и гарью электросварки... На скромной гостиничной кровати, застеленной казенным одеялом, где грезились мне по ночам одинокие командировочные сны, теснились в ряд бульдозеристы вперемешку с механизаторами, люди стояли, плотно набившись в маленьком коридоре, сидели на полу, облепили стол и холодильник... Впечатляющим оказался урок демократии по-тамбовски!

Когда дошло дело до выборов председателя собрания, я высказался, что, мол, не надо протокола и так все ясно, со мной не согласились, говорили громко, но в общем-то организованно. Рабочий класс защищал Зотова.

«Разве нормальный человек способен написать анонимку? — рубил рукой воздух очередной оратор. — А ведь из-за этих подметных писем постоянно «трясли» ПМК, — возможно, это дело рук бездельников со 2-го этажа конторы, которых Зотов заставлял трудиться, как положено, или им подобных». «Он имел право спрашивать с людей, потому что все объекты были полностью обеспечены материалами, без работы никто не сидел, заработки были стабильно высокие». «Зотова боялись лодыри и пьяницы, он их не жаловал, но даже они понимали, что начальник ПМК был всегда справедлив». «При Зотове начали строить жилье, люди впервые почувствовали о себе заботу». «То, что произошло с Зотовым, не ошибка — это умышленная расправа, произвол и беззаконие, виновные за это должны ответить...»

Грозные молнии сверкают сегодня на тревожных дорогах перестройки. Управленческий аппарат, долгие годы отлаженный в режиме работы только «сверху-вниз», сдавать позиции не собирается, что ему «обратная связь», «встречные потоки», бюрократии гораздо удобнее безоговорочное послушание низов, насаждаемое мелкой опекой и оскорбительным надзором, нежели самостоятельность и инициатива масс.

Странное дело, но трагедия Льва Зотова случилась не в какие-то стародавние времена, а уже после апрельского Пленума и после съезда, в середине 1986 года, но ни один механизм уже тогда провозглашенной демократизации не сработал, чтобы защитить человека от дурных наветов, клеветы и произвола. Справка о якобы допущенных злоупотреблениях Зотова была составлена в кабинетах партийной комиссии при обкоме КПСС, после чего получила статус неоспариваемого документа. Пускай партийное собрание ПМК выразило недоверие к изложенным в ней фактам, пускай партийное бюро этой организации в полном составе единогласно проголосовало за резолюцию: «со справкой парткомиссии не согласиться» — именно она послужила основанием для исключения Зотова из партии — для разбирательства потребовалось, как помните, всего несколько минут. Вспомним, что сказал Михаил Сергеевич Горбачев на опять же февральском Пленуме ЦК КПСС: «Мы видим,

с каким трудом преодолевается один из застарелых, глубоко укоренившихся пороков — приверженность многих партийных комитетов, их аппарата методам командования, стремление всем диктовать, за всех решать. Чего тут только не пускают в ход!»

Когда на человека долгое время собирают досье, по-своему фиксируя каждый его шаг, каждое движение, каждый поступок, невольно может создаться впечатление о глубоко проделанной работе. Но во имя чего эта работа? Во имя дела? Или во имя резона, о котором говорил декабрист Лунин? Видел я пухлые папки с описанием всех зотовских грехов, комментировать их не собираюсь, но тот, кто бы решился объективно и всесторонне проверить их содержание, уверен, наткнулся бы на, мягко говоря, неточности, фальсификацию, передержки, а главное, на явную предвзятость. Вот показывают мне контрольные замеры, чертежи дачи, построенной на садовом участке даже не Зотовым, а его тещей, — вот, мол, оно, нарушение. Я перед этим не поленился, съездил на тот участок, видел хоромы, воздвигнутые там различными руководителями областного ранга, — дача, о которой речь, и в подметки им не годится, спрашиваю, естественно: «А почему их не проверяете, не обмеряете?» В ответ следующее: «А зачем? На них же анонимок не поступало...»

ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ В ХРАМ...

«Убийство? — высоко подняв брови, переспросил Сенека. — Скажи лучше: защита государственных интересов, и тогда ты сможешь улыбаться».

Дежё Костоллани

«Нерон, кровавый поэт».

Пусть не вздрагивает читатель — ни о каких кровавых расправах речь далее не пойдет, время не то, и люди не те... Но хотим мы или не хотим, на далеко не безоблачном горизонте наших жизненных устремлений все чаще возникает отнюдь не риторический вопрос: а не пора ли предъявить счет бессмысленной жестокости?

Пока этот материал готовился к печати, Зотов получил из Москвы извещение о том, что заместитель председателя Верховного суда РСФСР внес протест в президиум Тамбовского областного суда по поводу вынесенного им приговора... уже в отношении халатности. С момента ареста Льва Петровича до сегодняшнего дня, когда приговор отменен, прошло долгих пятнадцать месяцев, которые вряд ли назовешь лучшим периодом в его жизни, тем более почти половину этого времени пришлось отсидеть в тюрьме. Кто компенсирует ему тяжелые моральные потери, кто возместит не только материальный ущерб, но и глубокие душевные раны, боль и страдания родных и близких, потерянное здоровье?

Можно предположить, что ошибка с Зотовым — единственный, исключительный случай, вопиющее, во всем лишь досадное недоразумение? Как бы не так... Примерно такая же участь постигла еще одного неугодного специалиста из здешних краев — директора совхоза «Краснозвездинский» Мучкапского района Александра Николаевича Кондакова. Тот тоже слыл толковым хозяином, в рот вышестоящим не заглядывал. Прокуратура его «поймала» на внедрении коллективного подряда. Позже также выяснилось: следствие велось предвзято, человек ни за что ни про что пять месяцев отсидел в тюрьме. Трижды его дело рассматривалось в суде, и трижды суд принимал решение оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

Кондакова пыталась защитить «Советская Россия», опубликовав статью «Как судили подряд». «Правда» процитировала такие строки его письма: «После последнего суда уже прошло три месяца, а я по-прежнему не восстановлен ни на работе, ни в партии. Неужели у нас на Тамбовщине свои законы,

неписанные? Ибо как понять, что у тех, кто меня оговаривал, даже волосинка с головы не упала, а я так и остался без вины виноватым!»

После этих публикаций в редакции вышеназванных газет наведася следователь Тамбовской областной прокуратуры А. И. Немчинов. Пробовал защищать честь мундира, требовал опубликовать опровержение. Лично я удостоился более высокой чести. Сразу после моего отъезда из Тамбова в редакцию «Огонька» приехал секретарь Тамбовского областного комитета КПСС В. Е. Зверев. Предупредил: «Не того человека берете под защиту. Может быть, Зотова и впрямь незаконно привлекли к уголовной ответственности, но из партии исключили правильно». Странная реакция секретаря обкома, курирующего административные органы. Не он ли в том числе несет ответственность за брак в работе тех самых органов?

Председатель коллегии по уголовным делам, заместитель председателя Тамбовского областного суда Николай Николаевич Абашин — человек, по моему убеждению, способный трезво и объективно оценить происходящее, не без горечи посетовал, что следственная машина прокуратуры частенько сбивается на односторонний ход, как принято говорить, обвинительного уклона. В результате уже с начала года несколько дел областной суд отправил на доследование. Да, в случаях с Зотовым и Кондаковым нарушена социалистическая законность, но разве только этими случаями исчерпываются промахи работников прокуратуры!.. Мой собеседник готов был назвать еще несколько подобных дел.

Подумалось, как же легко и просто следственный аппарат прокуратуры может быть использован для удовлетворения чьих-то амбиций или местнических интересов. Подобная практика напоминает игру в одни ворота, где обвиняемый в любом случае — пострадавший. Достаточно арестовать человека, посадить его за решетку, а там видно будет: найдутся весьма веские доказательства для осуждения подсудимого — хорошо, нет таковых — пожалуйте, как говорится, освободите помещение... Извиняться, поверьте, не станут. Да только человек уже смят, стерт... Кондаков, например, был исключен из партии по обвинениям, которые суд напрочь отменил уже в первой инстанции. Теперь при условии, что для него все будет хорошо, сколько потребуется ему еще сил и времени, чтобы восстановить свое доброе партийное имя. Не здесь ли стержень точно выверенной системы для расправы с неугодными, механизм которой способен действовать только в условиях полной безнаказанности должностных лиц, владеющих правом санкционировать неоправданный арест?

Кому-то это выгодно, более того, кто-то грудью готов встать на защиту «аппарата устрашения». На одной из встреч с секретарем обкома партии В. Е. Зверевым в Тамбове присутствовали руководители областного управления внутренних дел, суда и прокуратуры, партийные работники. Я честно высказал свою точку зрения на происходящее: неизвестно, в каких целях пытались сфабриковать «громкое дело» Зотова, действовали при этом предвзято — пренебрегли законностью. Некоторые из присутствующих на этой встрече со мной согласились. Тогда секретарь обкома, вникший в существо вопроса, завел речь о правомочности привлечения к партийной ответственности следователя прокуратуры и судьи. И здесь буквально взвился из-за стола заведующий отделом административных органов обкома Ю. А. Шутин: «Я не согласен с вами, Вячеслав Егорович, выходит, приехал корреспондент — мы все и лапки вверх...»

Вот и весь расклад... Не оттого ли так спокойно смотрели мне в глаза вершители судьбы Зотова, когда я наивно пытался отыскать на их лицах следы

покаяния? Не здесь ли первопричина? Кстати, именно Ю. А. Шутин жестоко рассчитался с подполковником милиции В. М. Блиновым за его якобы «вмешательство» в дела следствия, походя, при случае обвинив офицера в сращивании с преступником, а потом, опять же пользуясь приемами недобрыми, сомнительными, добился понижения его в должности.

...Наверное, Зотову пришлось все-таки труднее, чем другим. «Понимаете, — говорил мне бывший начальник областного управления сельского хозяйства Сергей Макарович Филимонов, — я, например, был фигурой: член областного комитета, депутат и так далее... А кто такой Зотов в масштабе области? Работник среднего звена, не более того... А ведь им лично занимался председатель партийной комиссии при обкоме КПСС, сам Н. П. Коротков — человек с железной хваткой и непререкаемым авторитетом, к тому же Герой Социалистического Труда. Вообще удивляюсь, как Зотову удалось открутиться от тюрьмы...»

Много и я слышал о Николае Петровиче Короткове, видел его портрет в местном краеведческом музее, затем довелось встретиться с ним лично, беседовать... Первое впечатление: волевой, властный руководитель, готовый непоколебимо защищать чистоту партийных рядов. Правда, люди, работавшие с ним в бытность его первым секретарем Сосновского райкома партии, имели о нем и другое мнение, а именно: деспотичен, капризен, злопамятен... Но, абстрагируясь от его прежних и настоящих заслуг, не принимая также во внимание бытующую поныне людскую молву, как соизмерить с сегодняшним днем методологию его действий? Уж на такой-то должности никак не может быть слепой функционер или бездумный страж порядка.

...Как страшный сон будет вспоминать жена Зотова, Людмила, тот день, когда ее прямо из музыкальной школы, где она работает преподавателем, забрали и отвезли на машине в обком партии. Допрос вел лично Коротков. «Будете выгораживать мужа — посадите мать» — примерно в таком тоне шел «разговор по душам», касавшийся будто бы лишних метров на садовом участке. Даже истерика и нервный припадок, случившийся с женщиной в стенах обкома, не смогли сдержать служебный пыл допрашивающего.

Вызывал Коротков к себе и Михаила Колодина, молодого шофера ПМК, в то время кандидата в члены КПСС, посадил его за стол, достал чистый лист бумаги: «Пиши, сынок, все про Зотова и Филимонова, припомяни, куда их возил, и не жалей, а то они тебя посадят». «Когда я ему ответил, — вспоминает Колодин, — что ничего компрометирующего Зотова и Филимонова сообщить не могу, Коротков стал стучать ногами, кричать на меня. Потом я узнал, что в это время его помощник прямо на работе допрашивал мою жену, тоже пытался чего-то выведать...»

Поразительная узнаваемость ситуации... Волевой нажим, неразборчивость в выборе средств для «выбивания» нужных «показаний», жесткие методы избличения, ничего не имеющие общего с уважением к личности, к чести и достоинству человека. Но тогда возникает главный вопрос: а партийны ли по самой сути своей такие методы?

...Посмотрим правде в глаза, постараемся понять жизнь такой, какая она есть. Разве дело только в тамбовских коллизиях? Возвращаясь к роману «Альтист Данилов» и припоминая, что действовали там еще хлопобуды или будохлопы из Настасьинского переулочка — инициативная группа хлопот о будущем. Хлопобуды примеряли себя к будущему, опасаясь из него выпасть, ведь всякие перестройки и ломки — это разрушение, вслед за которым наступит новое качество... А сможем ли мы соотвествовать? — вот в чем тревога вопроса... Чиновника, никогда ничего не

делавшего, а только поучавшего, как делать, нынешняя подвижка догм и стереотипов поневоле заставила задуматься, а не зашатались ли ножки кресла, в котором долгие годы было так спокойно и сыто дремать? Вот и встрепенулся он, активизировался, все, что шевелилось под ним не в ту сторону, сразу попало в разряд врагов, поскольку пользы он никогда не приносил, любое возражение ему кажется опасным.

Стираются от частого употребления, теряют свой изначальный смысл весьма полезные для общего дела слова, такие, например, как «дисциплина» и «порядок». И так ими вертят, и сяк... Только уместно спросить тех, у кого они заготовлены на любой случай жизни: ради чего дисциплина, ради кого порядок?

Перед отъездом из Тамбова меня принял второй секретарь обкома партии Лев Михайлович Щербаков. Говорили обо всем и о Зотове в частности... Очевидно, в качестве комментария к его судьбе была мне рассказана притча о некоем здешнем «начальнике газификации», на которого писались анонимки, и, как положено, шли за ними одна за другой проверки; а проверялся каждый газовый ввод, каждый подсобный штучер... «И что вы думаете, не выдержал человек, умер. Вот так-то, — заключил свой рассказ мой собеседник, глядя мне в глаза и ласково пожимая руку, — никто нам без дисциплины жить пока не разрешил!»

Сидя в большом обкомовском кабинете, я попытался представить себе 1918 год, каким его рисуют на картинах и показывают в кинофильмах, — оставившиеся заводы и фабрики, паровозы без топлива, повсюду голод, разруха, тиф... Известно, как был беспощаден Ленин ко всякого рода проявлениям контрреволюции — саботажникам, спекулянтам, казнокрадам, взяточникам... Но именно в те страшные для республики июльские дни 1918 года рукой Ильича написаны следующие слова: «Теперь же, со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян... дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе». Что здесь еще можно добавить...

Оторопь берет, когда исчезает различие между правдой и ложью, когда слово не имеет ничего общего со смыслом, который в него вложен. Не на почве ли такой словесной эквилибристики долгие годы взращивалась двухслойная мораль: говорить одно, а думать и делать другое? Как легко уживается жестокость с такой моралью.

В 1953 году мне было 14 лет. Хорошо помню муроме мартовское утро, когда с первым входом Левитана в эфир моя мама, честнейший и добросовестный работник, пулей вылетевшая со службы в конце 40-х за якобы «космополитические настроения», вдруг высочила простоволосая на лестничную клетку, и в тон ей буквально завыв весь подъезд нашего многоэтажного дома. В этом жутком хоре, доподлинно известно, были голоса тех, кто немало пострадал от долгого пребывания у власти «великого вдохновителя» и «организатора», чьи следы родных и близких затерялись на далеких воркутинских этапах. Помню, как хоронили затоптанных толпой на Трубной площади — сколько их было в те дни... Чего же теперь нам бояться инфляции авторитетов — экстаз слепого поклонения мы уже пережили.

Безнаказанность пьянила тех, кто в памятные всем времена безжалостно топтал души, карал и казнил невинных, нисколько не задумываясь о последствиях. Безнаказанность пьянит и сейчас некоторые горячие головы, так и не понявшие, что перестройка — это прежде всего воплощение в жизнь ленинских предствлений о социализме, ленинского стиля руководства.

Тамбов.

Как коммунист, считаю себя вправе высказать предложения на XIX партконференцию.

Предлагаю провести изменения в системе выборов партийных руководителей. Настоящая система антидемократична, это доказала жизнь. Необходимо поставить вопрос о прямых выборах партийных руководителей всех рангов — от секретаря первичной организации до Генерального секретаря. Конечно, такая система предполагает борьбу за голос. Думаю, что в сегодняшних условиях это будет именно здоровая борьба открытых аргументов и фактов, стало быть, борьба за лучшие условия жизни для людей.

О Советах. Не потому ли пошатнулся авторитет поселковых и местных Советов, что, по существу, они не обладают законодательными функциями, а стало быть, неправы. Пример. Предприятие не выполняет решение исполкома. Вопрос выносим на заседание. Но руководитель наше мнение игнорирует, и оно остается на бумаге. А все потому, что исполком не вправе объявить нерадивому руководителю выговор. Вот вам и вся полнота власти.

Нужное и толковое дело — выборы по многомандатным округам. Правда, многие после избирательной кампании сетовали на то, что в результате эксперимента часть председателей в Ягоднинском районе потерпела фиаско. Заметная часть. Да, наверное, были среди избранных председатели люди, которые по своим деловым и моральным качествам должны и могли остаться на этой должности. Но почему не остались? Часто голосовали по принципу: «Начальник? Вычеркиваем!» Сказался дефицит доверия.

Да, были, наверное, избраны и люди случайные. Но винить в этом саму систему, которую предлагал эксперимент, было бы неверно. Дело в другом — в подходе к осуществлению эксперимента, а подошли к нему формально.

На мой взгляд, регистрация кандидатов должна проводиться за год до выборов, за это время кандидат и его доверенное лицо представляют свою программу будущей деятельности депутата. И без таковой программы кандидата не регистрировать. А начинать предвыборную кампанию предлагать за полтора года, срок полномочий депутатов продлить до пяти лет, так как вновь избранный председатель исполкома осваивается в обстановке примерно год-полтора.

Может быть, все эти предложения спорные. Но твердо уверен, что до тех пор, пока наши депутатский корпус будет оставаться на том же уровне, пока не будут реализовываться полномочия местных органов власти, мы не продвинемся ни на шаг вперед на пути к демократизации работы Советов.

Валерий Дмитриевич ХОЛОДОВ
п. Ягодное Магаданской области

Сегодня уже никого не удивит рассказом о том бедственном положении, в котором находится большинство памятников архитектуры и многие центры исторических горо-

дов, о том, что Закон об охране памятников продолжает бездействовать, что доски «Охраняется государством как всенародное достояние» нередко являются горькой насмешкой.

На недавно закончившемся Всесоюзном совещании реставраторов прозвучало немало дельных предложений, среди которых главное — создание Госкомитета по охране памятников, аналогичного уже существующему по охране природы. Однако даже если таковой будет создан, вряд ли окажется возможным спасти многие тысячи церковных зданий, особенно в сельской местности, большинство которых уже превратились в руины или же используются под гаражи и мастерские (печальные последствия антирелигиозной борьбы 30-х годов!). Даже в Ленинграде пустуют не менее десяти храмов, в Новгороде около половины из всех существующих занято складами.

Мне кажется, нет лучшего способа отметить 1000-летие крещения Руси и сделать важный шаг по исправлению тех несправедливостей, каковы были допущены по отношению к церкви на протяжении многих послереволюционных лет, как бесхозные церковные здания предложить верующим и патриархии для их восстановления. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Я имею в виду Данилов монастырь в Москве, Толгский под Ярославлем и Оптину Пустынь, но это капля в море. Нужно во что бы то ни стало спасти то, без чего русский пейзаж неминуемо лишится своей особой поэтической неповторимости. Восстановление памятников церковной архитектуры могло бы стать частью огромной работы, которую еще предстоит сделать по возрождению тех деревень, что еще недавно были бездумно объявлены неперспективными. Вот огромное поле для совместной деятельности атеистов и верующих. Сохранение и преумножение материальных и культурных ценностей своей земли — прекрасная форма воспитания истинного патриотизма.

М. И. МИЛЬЧИК,
кандидат искусствоведения
Ленинград

С осени 1941 до конца апреля 1945 года я был заключенным немецко-фашистских лагерей. Сначала в оккупированной Латвии, потом в Штуттгофе, в концлагере Магдебург-Польте — филиале Бухенвальда. При транспортировке в Заксенхаузен сбежал и скрывался до прихода Советской Армии.

Во время заключения в одном из рижских концлагерей сотрудничал с латвийской партизанской бригадой, о чем имею соответствующие справки партархива при ЦК Компартии Латвии. Справок из концлагерей с указанием срока пребывания в них, естественно, не имею, ибо, во-первых, концлагеря таких справок не давали, что общеизвестно, во-вторых, потому что я бежал. Множество документов подтверждают факты моей биографии, касающиеся деятельности в партизанском движении. До недавнего времени я не подозревал, что потребуется справ-

ка о том, что я действительно был в таком-то концлагере. Причина крайне прозаическая. Управление торгами Рижского горсовета дало льготы на получение продуктов узникам лагерей наравне с инвалидами войны. Мои партизанские характеристики, в которых везде упоминаются концлагеря, оказались недостаточными — требовали заявления двух свидетелей. Я их получил (нотариально заверенные). Мне заявили, что этого недостаточно, нужна более официальная справка из Красного Креста или еще лучше из концлагеря. Что же, писать в ФРГ, ГДР, Польшу? А между тем товарищи из управления торгами не сомневаются, что я действительно был в концлагерях, ситуация же предельно ясная, и в то же время как понимать и расценивать их требования? Я расцениваю только как издевательство.

Л. А. МАЙ,
доктор химических наук,
главный научный сотрудник
Института неорганической химии
АН Латвийской ССР
Рига

Вот какой разговор произошел у меня в отделе кадров после демобилизации:

— Ваша специальность?
— Механик по электрооборудованию самолета.
— Очень хорошо. А вы, конечно, член партии?
— Нет.
— Извините, тогда вы нам не подходите. Нам нужно укреплять парторганизацию, райком запретил принимать беспартийных...

Глушесть ситуация. Стало быть, можно быть плохим специалистом, тупицей, но членом партии, и тебе «зеленый свет». А ведь в армии мне доверяли боевую технику, людей... Проработав год инженером по грузоподъемным механизмам, я уволился. Мой бывший главный инженер, рекомендуя меня на новую работу, «забыл» сказать, что я беспартийный. Согласитесь, нормальный человек и не подумает, что «это» может играть основную роль при найме. Оказывается, играет... Когда мне рассказывали о подобном, я не верил.

Какое же будет уважение к райкомовским работникам, если они дают такие указания? Не из-за того ли многие вступают в партию, чтобы жить полегче, чтобы должность получше? Сегодня мы говорим, что учимся демократии. Встречали ли вы хотя бы одного директора беспартийного? Уверен, что нет. Да и, как видите, рядовому беспартийному не на всякую работу устроиться.

Немного о себе. Родился в 1938 году, образование среднее специальное (военное), майор запаса, сын — в университете, дочь в музыкальном училище, жена работает в библиотеке. Все устроилось хорошо. И как бы хотелось, чтобы сегодня во всем был честный подход, чтобы людей ценили не только за их принадлежность к партии, а за деловые качества. Вот это и будет подлинная демократия.

Иван Кузьмич САМБОРСКИЙ
Винница

В преддверии XIX партконференции считаем своим долгом выразить поддержку выступлению А. Гельмана в газете «Советская культура». Вместе с тем хотим отметить следующее. Заявления творческих союзов в защиту реальной перестройки еще не являются фактором ее необратимости. Вызывает тревогу молчаливая позиция крупнейших трудовых коллективов, их парторганизаций. Считаем, что такая позиция ведет к формализации выборов делегатов на предстоящую партконференцию.

Для укрепления гарантий перестройки предлагаем следующие дополнительные меры:

1. Восстановить Центральную контрольную комиссию (ЦКК) для осуществления контроля за функционированием партийного аппарата и уровнем демократичности принимаемых решений.

2. Издавать достаточно широкодоступный еженедельник, публикующий информацию о деятельности отделов ЦК КПСС, назначениях, перемещениях, увольнениях их работников, полные тексты постановлений и инструкций, принимаемых ЦК партии и его отделами.

3. Ввести выборы Генерального секретаря, а также секретарей партийных организаций всех уровней (из двух и более кандидатур) прямым тайным голосованием, с обязательным изложением программ.

4. Восстановить обязательность партучета руководства партии в трудовых коллективах.

5. Публиковать политический доклад до съезда партии и начинать непосредственно с прений по докладу.

6. Проводить публичные телевизионные дебаты о возможных путях развития общества с участием членов Политбюро и Секретариата ЦК и ведущих публицистов, экономистов, философов, общественных деятелей при сопутствующем опросе общественного мнения.

7. Издавать накануне съездов и конференций «Дискуссионный листок», где любой коммунист мог бы открыто изложить свою позицию по стоящим перед страной проблемам.

Политический клуб «Современник» объединяет обществоведов-марксистов, студенческую и рабочую молодежь. Ставит перед собой задачу всемерно способствовать перестройке и обновлению социалистического общества, участвовать в разработке и практическом применении передовых социально-политических идей.

Члены клуба «Современник»
Минск

Кроме традиционных данных о дате и месте рождения, национальности, о социальном происхождении, родном языке, учебе и трудовой деятельности, сотрудники нашего института должны указать в автобиографии следующие сведения. Об отце: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, где и кем работал или работает, партийность, имел ли судимость. То же самое о ма-

тери, указав девичью фамилию, о братьях и сестрах, как проживающих отдельно, так и вместе. Если женат (замужем), отразить данные жены (мужа). Сведения о своих детях и родителях жены (мужа): отце, матери, братьях, сестрах указать в такой же последовательности, как данные о своих родителях. В заключение я должен сообщить о родственниках, проживающих за границей (если они есть), и о своих связях с ними.

Вот такие подробности мы должны указать в автобиографии, которую требует для обновления личного дела начальник отдела кадров института. Хочу знать: кому и для чего нужны данные о моих родственниках? Что, сегодня времена Сталина? К чему эта письменная «гласность» о моих близких?

А. А. АДИЛОВ,
зав. кафедрой Института
искусств имени М. А. Алиева
Баку

С гневом и возмущением прочитал я в вашем журнале «Саночки» Г. С. Жженова. Оба эти громадных чувства были обращены к себе.

Я гневался на себя за то, что обласкан обществом, могу пользоваться привилегиями воевавшего и раненого, меня к праздникам поздравляют ветеранские комитеты и пионеры; освобожден от всех налогов; в анкетах перечисляю свои ордена и медали; могу без очереди стричься и покупать внуку бананы и все такое... Да, мне посчастливилось быть там. Но в то самое время, когда мой одноклассник и одноклассница — не в пугающем судейском, а в рабочем смысле — актер, прекрасный Георгий Степанович подытал в нечеловеческом мире презрения, отторгнутости от всего людского, в забвении всех прямоходящих и моем в их числе. Всех, кроме своей мамы. О, господи!..

Ведь я, как и мои соратники по войне, имею право с чувством причастности повторять неслыханно благородные слова женщины, прошедшей те же круги ада, что и Георгий Степанович, но нашедшей в себе жалость к другим, чтобы сказать: «Никто не забыт, ничто не забыто». Для такого великодушия надо быть поэтом. Ольгой Берггольц. Но я не сомневаюсь, что в этих «никто» и «ничто» она оставила место и для судьбы своей, и Георгия Степановича, и миллионов, миллионов безвинно несчастных.

Будучи Человеком и сохранив за собою право на эту большую букву на виду у нелюдей, Георгий Степанович в мыслях и сердце искал в них — нашел время и место! — хоть что-нибудь, крохи, следы, пусть с маленькой буквы, но человеческого. И представьте — находил! Пробивался! Я живо воображаю, что «гражданин начальник» по кличке «Ворон» сегодня жив (а почему бы нет?), тогда он может считать, что Жженов подарил ему Покаяние. И еще у меня есть, вернее, теплится надежда, что один из ваших читателей, дорогая редакция, который опять-таки с гневом и возмущением откликнулся на публикации о Вавилове, Бухарине и прочих «врагах» и «гадах», на охрану которых в «системе Дальстроя» он, бедняга, подорвал свое здоровье и перенес клещевой энцефалит, что он что-то переосмыслил. Да что я, в самом деле! Ну, хотя бы призадумается. Кто такие для него бухарины, вавиловы и прочие частички лагерной пыли? А тут — артист, любимец миллионов!.. При чем миллионы? Его собственный любимец!.. Он знает его лицо и обожает его героев во всех фильмах... И что же? И Жженов враг? Гад?

Вот на что мой дорогой Георгий Степанович внушил мне надежду.

Зиновий ГЕРДТ,
актер

Р. С. Товарищи, пережившие ужас репрессий и беззакония! Организуйтесь, объединитесь в «Общество жертв сталинизма». Назовите его иначе, но с этой сутью. Вам легче будет поддерживать друг друга. А мы, не разделившие и разделившие вашу участь, выступая с предложением о сооружении мемориала жертвам сталинских репрессий, должны наконец от слов перейти к делу. Поддерживая коллективное выступление ученых в № 23 «Огонька», я все-таки смею задать вопрос: сколько еще мы будем говорить впустую о том, что пора открыть в Госбанке номер счета для сбора средств на мемориал? Упорное нерешение этого, на мой взгляд, самого несложного вопроса безнравственно.

Еще совсем недавно мы были уверены в правильном интернациональном воспитании населения нашей страны. И как ушат воды на наши головы было сообщение о националистических выступлениях в Алма-Ате, Сумгаите и т. д.

Не вызывает ли у вас удивление объявление в «Рекламе» (специальное приложение к газете «Вечерний Кишинев») в разделе «Знакомства», где женщина с разносторонними вкусами, 164 см роста желает познакомиться с мужчиной, могущим стать верным спутником жизни, но обязательно славянином, молдаванином или евреем? Обратите внимание, что не только с хорошим человеком, но обязательно конкретной национальности. Если ты не «славянин», но хороший человек, в мужья себя не предлагай! Мне кажется, не только невеста, но и печатный орган показали свою ограниченность.

Также непонятно, кому нужна графа «национальность» в карточке, заполняемой в читальном зале библиотеки. Может быть, для обоснования, что граждане той или иной национальности больше всего читают художественную литературу, или, к примеру, для того, чтобы тупок в библиотеках Молдавии не обслуживать?

М. Л. ЗЛОТНИКОВ,
главврач санэпидстанции
Дубоссары Молдавской ССР

Не могу понять, с каких пор утвердилось в армии уродливая традиция — издеваться над новобранцами. Причем делают это не какие-нибудь дореволюционные унтеры, а свои же братья — солдаты и матросы, бывшие ученики школ, в которых учат одним и тем же предметам, внушают одни и те же идеалы. Ну бог с ней, со школой. Но ведь всегда считалось, что если и бесится парень до армии, то уж после службы вернется другим человеком, серьезным, познавшим, что такое настоящее товарищество.

Держу в руках копию приговора военного трибунала Владивостокского гарнизона. В нем подробно написано, как некто Бизов С. А., родившийся 8 февраля 1966 года, русский, член ВЛКСМ, образование среднее, являясь начальником (по воинскому званию) матросов Шакирова, Балакая и Лезова, изо дня в день избивал их. За что? За то, что вовремя не принесли сигареты, не приготовили чай. За день до увольнения в запас этот Бизов в очередной раз ударил моего сына, матроса Лезова. Это было 30 ноября прошлого года. 1 декабря Бизов уехал, а 4-го мой сын оказался

в госпитале по поводу разрыва селезенки. Операция не помогла, и на следующий день он скончался.

За полгода службы на катере сын пользовался авторитетом у командования части, готовился стать (по моему наказу) кандидатом в члены партии, был награжден грамотой в честь Военно-Морского Флота и досрочно сдал по специальности на матроса II класса. За эти месяцы сын в письмах даже не намекал, как ему было трудно служить в коллективе, в котором оказался. Потом уже, будучи на суде, я узнал, какая была обстановка на военном катере — ни дружбы, ни дисциплины. Бывший капитан катера признался, что авторитетом он не пользовался, об обстановке докладывал во все инстанции, но ему помощи не оказывали.

Находясь в части, я понял, почему мой сын, бывший школьный комсомольский вожак, молча сносил побои «старика» и только при случае делился с матросом с другого катера. Да потому, что не видел в своих командирах умных руководителей, товарищей, защитников.

Военный трибунал приговорил Бизова к девяти годам лишения свободы в ИТК усиленного режима. Но разве от этого легче моей семье или семье того же Бизова? Я пишу не для того, чтобы вызвать сочувствие к моему горю. Я хочу задать вопрос: почему в нашей армии и флоте такое возможно? Куда смотрят офицеры, коммунисты, комсомольцы? С каких пор опасность армейской службы определяется не спецификой военного дела, а отношениями между разными возрастными группами внутри воинского подразделения? У меня подрастает второй сын, через шесть лет придет и ему пора идти в армию. Поверит ли он высоким словам о боевом товариществе, о братской взаимопомощи, зная о судьбе старшего брата? Трагедия с моим сыном не единственная. Какие меры принимает Политуправление нашей армии, чтобы восстановить здоровую моральную атмосферу в солдатской среде?

В. В. ЛЕЗОВ,
начальник хозяйственного цеха
завода «Красная Этна»
Горький

В органах государственного и партийного аппарата широко прижилась целая система льгот и преимуществ: спецбуфеты и столовые, спецполиклиники и санатории, госдачи, персональный транспорт...

К тому же руководители района, города часто не проживают там, где работают, поэтому откуда им знать, как обстоят дела со снабжением, как работают торговля и сфера услуг, общепит, поликлиники? Мне кажется, назрела необходимость по-новому подойти к оценке их труда. А именно: оплачивать их труд так же, как и труд любого другого члена нашего общества — только заработной платой, исключив «невидимые» доходы от привилегий, приобретенных в застойные годы. Нужно заплатить министру две тысячи — заплатим, директору предприятия тысячу — тоже заплатим, пусть подсчитают экономисты. Но при этом руководящий работник покупает продукты в том же магазине, где покупаю и я, и вы, и остальные, лечится в общих поликлиниках и т. д. Вот тогда наши избранники лучше будут знать жизнь и, уверен, приложат все силы, чтобы ликвидировать пресловутую теневую экономику. Да и принцип социальной справедливости будет соблюден, и вера в успех перестройки окрепнет.

Ю. М. КУТЕЙНИКОВ
Петродворец

■ Работаю гидом-переводчиком. Каждую неделю бываю с иностранными гостями в соборах Московского Кремля — Успенском, Благовещенском и Архангельском. Каждый раз поражаюсь своим соотечественникам, которые в храме не снимают шапку. Бороться с этим бесполезно. Один в ответ на замечание снимет, другой посмеется над тобой, да еще нахамит. Билетеры и сотрудники музеев вообще не обращают на это внимания. Говорят, что это ведь музей, а не храм. Люди! Что это? Бездуховность, хамство, дикость или варварство?!

Михаил ШПАГИН
Москва

С интересом прочли в газете «Правда» 9 июня 1988 года полемические заметки А. Неверова «Надо ли динамитом?». Нам тоже кажется, что не надо. Мы учимся демократии, постигаем законы уважительного отношения друг к другу в процессе спора, и даже самым своим тоном статья в «Правде» нас обрадовала.

Заверяем, что и в дальнейшем позиция «Огонька» по всем вопросам будет столь же ясной и, конечно, в такой же степени подлежащей обсуждению. Хотелся еще одного: чтобы интересовал не только тон наших ответов, но и тон, в котором позволяют себе писать о вопросах перестройки в культуре и других сферах такие издания, как, скажем, «Молодая гвардия», «Москва» или «Наш современник».

А то ведь обидно: возникает положение, когда старые, многие годы пропагандируемые «застойные» взгляды ругать уже неинтересно и как будто даже неудобно, а взгляды новые, противостоящие «застойным», разумеется, не всегда бесспорные, поругивать куда интересней. И привычней.

Мы все учимся демократии. И продолжаем считать, что неверно убеждение, будто кое-кого демократии уже не научишь. Что если попробовать и их?

Огоньковцы постоянно стремятся видеть в зеркале гласности и себя, и других. Без изыятий. Но ведь бывает, как в отчете («Правда» 4 июня 1988 г.) о недавнем пленуме МК КПСС, где избирали делегатов на XIX партконференцию: «Ю. Н. Афанасьеву пришлось дать обстоятельные ответы на вопросы и критические замечания... «Немало острых вопросов... было задано первому секретарю правления Союза кинематографистов СССР Э. Г. Климову»... А вот, скажем, писателей А. С. Иванова, М. Н. Алексеева или Ф. Ф. Кузнецова, предложенных для избрания и избранных на конференцию, «острыми вопросами» не тревожили... Не беспокоили, судя по отчету, и многих других, чьи кандидатуры «выдвигались» так, как в памятные годы.

Верные ленинским традициям гласности, мы готовы исправлять свои ошибки, осознавая не только смысл, но и причины каждой. Но, принимая и уважая внимание к своим позициям, мы продолжаем задумываться о принципах, на которых это внимание строится.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Наш адрес:
Москва,
101456, ГСП,
Бумажный проезд, 14.

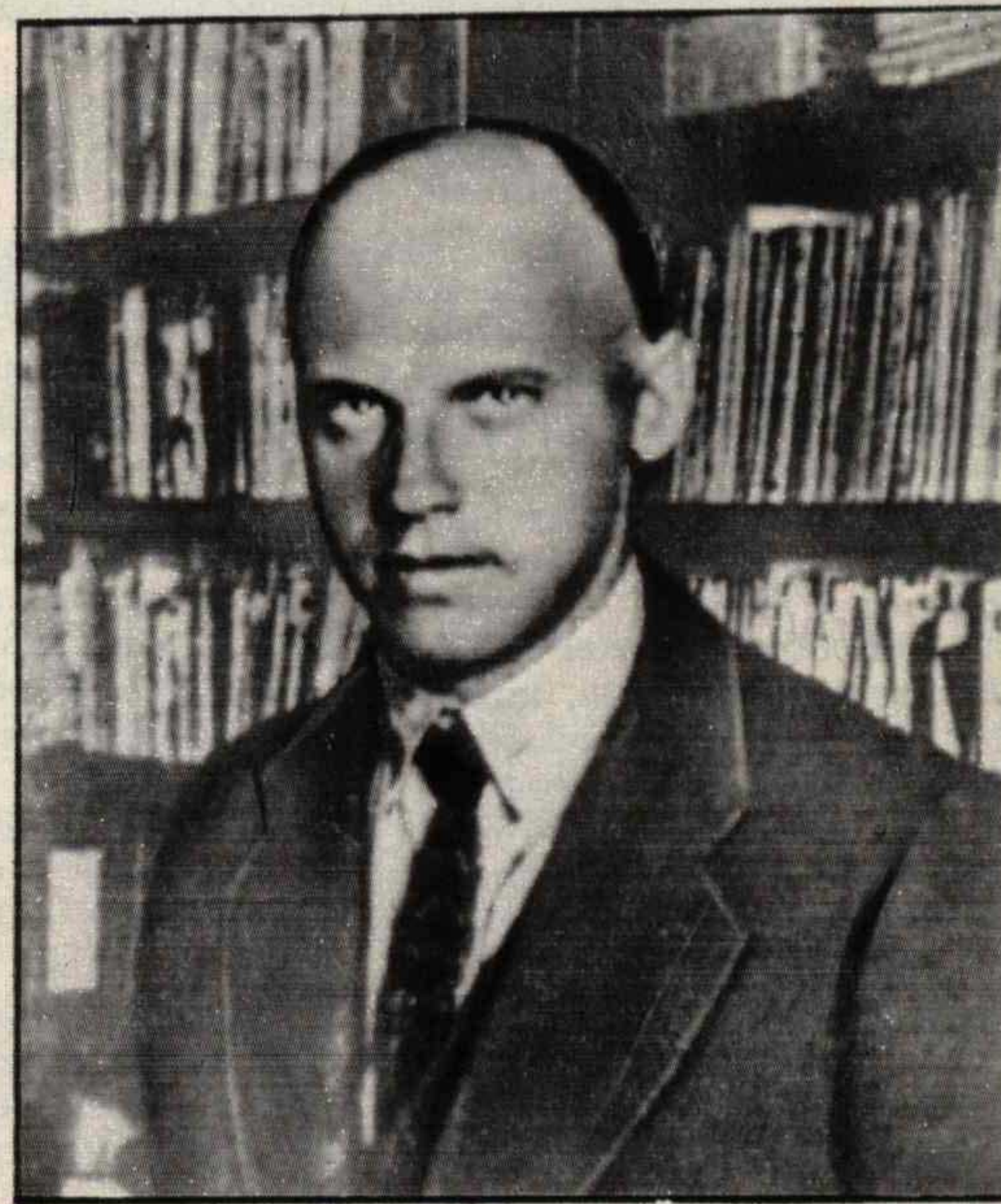

1886—1961

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА УДАЛЬЦОВА

СОБРАНИЕ
РУССКОЙ
ЖИВОПИСИ

XX
ВЕК

1889—1938

АЛЕКСАНДР ДАВИДОВИЧ ДРЕВИН

Года через два-три монографии, посвященные творчеству Надежды Удальцовой и Александра Древина, выйдут на основных европейских языках... кроме русского. Такова прочно установившаяся традиция. Быть может, в нарушение этой традиции лет через десять — двенадцать наконец какие-то из них переведут на русский язык.

Тогда-то и советские любители искусства смогут познакомиться с творчеством двух мастеров из наиболее интересных представителей русской дореволюционной и советской художественной культуры — Надежды Удальцовой и Александра Древина.

Продолжается плодотворный, важный исторически и человечески благородный процесс «снятия с полок». И, кажется, пришла пора, когда можно говорить о прошлом нашего искусства, акцентируя свое внимание не столько на реабилитации некоторых важных явлений искусства прошлого, сколько о его значении для настоящего. Пришло время отказаться от непосредственной эмоциональности восприятия и заняться спокойным обсуждением профессиональных проблем.

Когда, к примеру, современный нам «любитель искусства» четким почерком вырисовывает в книге отзывы на художественной выставке слова: «Этого мазилу-врага надо немедленно уничтожить вместе с его «произведениями», становится ясно, что его «крик души» — выражение стойкой общественной традиции, при которой существует спокойная уверенность в возможности уничтожения человека по известному принципу: «А не нравишься ты мне — и все!» Пусть за то, что не так покрасил свой холст, не так провел линию, не так выразил свое мнение об этом цвете и об этой линии... И уничтожали. В том числе сотни художников и теоретиков искусства. Как говорится, «обрывалась жизнь». И не дано пока еще успокоиться пеплу Клааса...

В 1938 году «оборвалась жизнь» одного из интереснейших живописцев периода становления искусства новой эпохи — Александра Давидовича Древина.

Сын рабочей латышской семьи, он формировался своеобразно и необычно для своей среды. Впрочем, сама эта необычность становилась вполне традиционной для той эпохи.

Дата его рождения — 15 июля 1889 года. Место — Вендене (ныне — Цесис) — один из живописнейших уголков природы, прозванный «латышской Швейцарией». Шестилетним он оказывается на рижской городской рабочей окраине. Грязь, бесприютность, какая-то особая пустота надолго потрясли его. Может быть, оттого так мучительно было его постоянное стремление к истинной красоте мира. Она занимала его мысли и в пору самых, казалось бы, отвлеченных живописных экспериментов.

«Тяготы жизни моих родителей, — писал художник позднее, — их постоянная тревога за жизнь не могли не отразиться на мне. Влияние улицы, от которого мои родители, занятые работой, не могли меня оградить, было сильно, в особенности в районах рижских окраин; их апатство всем известно, но какой-то инстинкт самосохранения останавливал меня в решительные моменты».

Кое-как окончил училище и во исполнение давней романтической мечты поступил в мореходное училище. Случайности во многом определили судьбу Древина. Случайно попал в сферу влияния революционных рабочих и был арестован в 1906 году...

Случайно в школе познакомился с мальчиком, занимавшимся живописью. Увлёкся настолько, что забыл о мореходстве и начал писать «этюды с природы», без всякого учителя, так как товарищ мой был тоже самоучкой. Никого из художников мы не знали».

Но вот уже вполне целеустремленно он в 1908 году поступает в Рижскую художественную школу, которой тогда руководил известный художник-живописец Вильгельм Пурвит. Здесь он видит настоящее искусство, впервые знакомится с полотнами импрессионистов. След от потрясения ими останется в душе очень надолго. Своеобразен путь раннего искусства художника по сравнению с тем, что происходило в русском искусстве предреволюционных лет. Русских же художников Древин все еще не знает совсем.

«Знакомство и сближение с ними

произошло после того, как латышский стрелковый полк выдвинул меня на работу в национальный латышский комиссариат, — рассказывал художник, — тогда же я принимал участие на выставке в Кремле, устроенной стрелками, где я выставил примитивы и беспредметные работы».

Его беспредметные работы живописны, смелы, дерзостны. Пожалуй, этими свойствами он близок русским авангардистам. Но одновременно, еще в 1915 году, его «Автопортрет» или, скажем, цикл живописных работ «Беженки» (1916) свидетельствует о прочных связях с искусством фигуративным, глубоко и конкретно эмоциональным. Эти полотна сдержанны, почти монохромны по цвету. Их общий пафос — драматизм.

А в 1918 году Древин, впервые вместе с русскими художниками, выставил свои произведения на 1-й выставке профессионального Союза живописцев. Он сразу привлекает к себе внимание. Им, например, живо заинтересовался К. Малевич. В. Татлин приглашает его работать в ИЗО Наркомпроса (отдел изобразительного искусства Наркомата народного просвещения).

Он в эпицентре московской, а следовательно, российской художественной жизни. А главное — попадает в сферу выдающихся людей русской художественной культуры XX века. Вместе с В. Кандинским, Р. Фальком и А. Родченко он работает над проектом музея живописной культуры (отсутствие которого, замечу кстати, так болезненно ощущается в наши дни). Он входит в состав «Акранов» (Ассоциация крайних новаторов в живописи), работая там вместе с А. Весниным, А. Родченко, В. Степановой и Н. Удальцовой. Одновременно он становится членом ИНХУКА (Института художественной культуры). А с 1920 года приглашен в качестве профессора в первый советский художественный вуз — ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), где преподавали выдающиеся художники времени (впоследствии причисленные, как правило, к лику «врагов»). Эта активность не мешает художнику раскрываться и новой стороной своего искусства.

Его связи с жизнью становятся все

более непосредственными, прямыми. В атмосфере беспредметных или конструктивистских поисков и концепций он все чаще обращается к идее единства искусства — жизни в ее живописной интерпретации. Он заявляет: «Современная живопись, ее формы потеряли свое значение... поскольку хорошо написано, постольку и хорошо, и ее качество ни от какой новой формы не зависит». И далее: «Новой формы нет, есть только новое в нашей психологии». Охотник, путешественник, неистово чуткий в восприятии природы, ее могучей внутренней энергии и всепроницаемости, он ищет не просто адекватное, но «слитное» ее пластическое выявление.

1920 год — и еще одно событие, чрезвычайно важное и для творчества художника — его женитьба на Надежде Андреевне Удальцовой. Важное не только прямым жизненным смыслом («удачный брак»). Был создан еще один творческий тандем, плодотворный, взаимопитающий и, как ни странно, последовательно продолжающий одну из заметных традиций тех лет. Характерны в этом отношении такие важные для русского искусства «пары», как Наталия Гончарова и Михаил Ларионов, Ольга Розанова и Алексей Крученых, Варвара Степанова и Александр Родченко — маленькие, но вполне определенные «ячейки» русской художественной культуры.

Во всяком случае, Удальцова и Древин оказались творчески необходимыми друг другу. В их новых тенденциях было заметно единство, во многом неожиданное, если учесть различия в формировании и развитии их творчества на предшествующих этапах...

В Москве Н. Удальцова с шестилетнего возраста. Росла многогранно одаренным человеком. Блестяще окончила одну из московских гимназий. «Детство было замкнуто, что приводило к внутренней углубленности. Много читала. Внешний, светлый мир пришел вместе с гимназией. Учение, подруги оторвали от искусства», — читаем в автобиографии художницы. После гимназии предстоял выбор пути. Хотелось и в университет, но искусство «перетянуло». Стала посещать художественную школу, руководимую К. Ф. Юоном.

Шел 1906 год. Жизнь воспринималась остро, беспокойно.

Становилось ясно, что традиционная российская художественная педагогика, художественная школа тех лет не способна ни в малой степени утолить жажду нового восприятия мира. Недаром же, по понятию тех лет, российская школа соответствовала смыслу распространенного тогда теста. Спрашивалось: «Что такое воробей?» Полагалось отвечать: «Воробей — суть соловей, окончивший консерваторию».

Как и многие талантливые художники ее поколения, Н. Удальцова отправляется за рубеж в поисках более плодотворного метода. В 1908 году она впервые посещает Дрезденскую галерею, где особо сильное впечатление производит могучее искусство Тинторетто. По возвращении она впервые знакомится с собранием С. И. Щукина. «Знакомство с французами в собрании Щукина произвело потрясающее впечатление, — отметит художница. — Это искусство — творчество. Это не фотография и не скучное, жалкое отображение. Сезанн, Ван Гог, Гоген — искусство создания новых неведомых форм — новое видение мира».

Русская художественная жизнь оживлялась, активизировалась. В Москве открывались все новые и новые студии, самые разнообразные по направленности поисков «правды образа»...

...Почему-то русский авангард до сей поры продолжал у нас «числиться» за формализмом, шарлатанством и т. д. Тогда как пора давно было понять закономерность появления этого искусства на своем месте в своем времени.

Н. А. УДАЛЬЦОВА. НАТЮРМОРТ С МИМОЗОЙ. 1949.

ДЕКОРАТИВНАЯ КОМПОЗИЦИЯ. 1916.

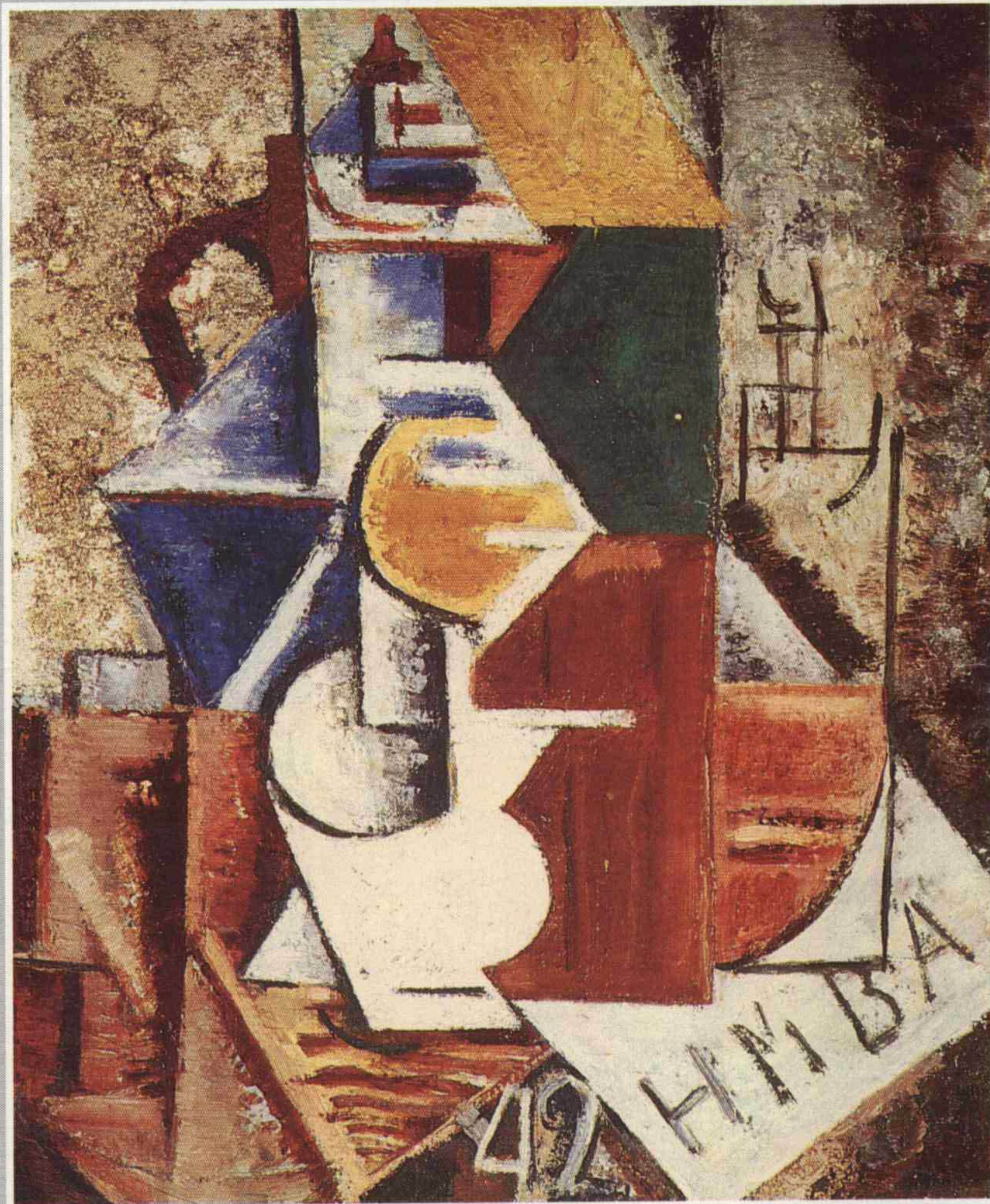
АЛТАЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ. 1932.

Пора понять также, что с точки зрения идеи борьбы с отживающим, уходящим и т. д. русский авангард является, по существу, одной из вершин критического искусства, явлением, корнями своими уходящим в недра критического реализма.

В нем, однако, сильна и созидательная устремленность. Ведь искусство уже и по самой своей природе — суть созидание. Это сполна осознается Надеждой Удальцовой. Потому-то она, как и другие ее наиболее чуткие к происходящему современники, стремится к наиболее широкому изучению самых разнородных тенденций, ведущих к новым выразительным результатам.

«В 1912 году — Париж. Здесь в мастерской, где преподавателями — А. Метценже и Ле Факонье, стали определяться мои стремления и поиски, — вспоминает Удальцова. — ...осознание мира явлений, ясность построения, знакомство с композицией пространства, валёром, соотношением больших масс — все это было тем, что так долго и настойчиво искалось. Это было не скучное, ненужное копирование моделей — это было, как мне тогда казалось, творческое искусство. В Париже я прожила около года как зачарованная. Город в кубах домов своих и пирамидах виадуков, с дымами поездов, с аэропланами и дирижаблями в воздухе рисовался фантастическим живописным явлением подлинного искусства. Архитектура домов с их охристо-серебристым тоном воплощалась в кубистических построениях Пикассо. Были частые посещения Лувра, изучался Пуссен, Леонардо да Винчи, голландцы, особенно их фактура, рисунки эпохи Возрождения: Рафаэль, Микеланджело. Лишь теперь, собрав в сознании все прошлое: и кубизм, и непосредственное

Продолжение на вкл. 3.

СИНИЙ КУВШИН. 1915.

Сергей ЧЕКМАРЕВ

1910—1933

В 1956 году Луконин показал мне рукопись Чекмарева, попавшую ему в руки из самотека «Нового мира». Со страниц повеяло юношеской чистотой, неподдельной талантливостью, которую так рано оборвала смерть. «Гляди, уже по Лиственной, где институт мясной, тревожною, таинственной повеяло весной» (цитирую по памяти). Мы сразу полюбили незнакомого нам Сергея Чекмарева, полюбили его любовь к сложной девушке Тоне, к голубым глазам телят башкирских степей, где Чекмарев работал зоотехником. Несмотря на некоторую рыхлость любительства, отдельными кусками, интонационными поворотами Чекмарев уже прикасался к настоящей поэзии. Мне кажется, он не успел стать крупным поэтом. А вот хорошим человеком успел стать.

Отчего же стучит мое сердце
Громче его копыт?
Еще далеко до дому,
Я косматую вижу зарю,
И я говорю Гнедому,
Я ему говорю:
— Гнедой, погляди-ка на степь
За эти вон горы, туда...
Кобылу саврасой масти,
Наверно, ты помнишь, да?
...Гнедой, ты, наверно, понял,
Ты понял ли, мой Гнедой?
Какая хорошая Тоня,
Какой ее взгляд молодой!..
Ременной подпругой сжала

Мне сердце тугая боль.
О, Гнедой, она убежала,
Убежала от нас с тобой!
Она забрала ребенка
И усакала в Москву,
Оставила Даше гребенку,
А нам с тобою — тоску.
К белой бумаге неба
Приложена солнца печать,
Подняться на облако мне бы
И до Москвы докричать:
«Ах, Тоня! Как сердцу горько,
Как хочется быть с тобой.
Когда за сюзевою горкой
Встает закат голубой!..»

Еще и день не начался,
Еще и туман над водой,
Но я уж в седле качался,
И шел подо мной Гнедой.
Я как будто удобно уселся,
Накормлен, напоен и сыт.

ПОЭТИЧЕСКАЯ
АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

Ведет Евгений ЕВТУШЕНКО

Василий НАСЕДКИН

1895—1940

ОБОЗ

Жизнь людская разной кройки:
Тот — богат, а этот — бос.
Потому-то вместо тройки
Мне мерещится обоз.

Ночи, дымные метели,
И в метель, в пути таком
Вместо ласковой постели
Дровни с мерзлым хрептугом.

Дровни плачут, режут, месяц
Жесткий снег под храп гнедих...
Хорошо, как светит месяц,
Хорошо, как не потух.

При перечитывании его небольшого наследия само собой сорвалось у меня с языка: мал золотник, да дорог. Город не выбил из Наседкина деревенскую суть. Под мужика он не подделывался, а был им. Поэтому Наседкин был поистине близок к Есенину, хотя и не лез к нему в задынные дружки. Многие стихи Наседкина трогают и по сей день. Был незаконно репрессирован.

А потухнет, станет жутко.
Заблудился — не помочь.
И вся жизнь ненужной шуткой
Вдруг представится в ту ночь.

Дома, темная с испугу,
Мать осветит образа
И не раз на светлый угол
Вскинет грустные глаза.

Выйдет в сени. Степь гогочет.
Словно жернов крутит снег.
Где-то глухо вскрикнет кочет,
Ни пути, ни звезд, ни вех.

Что-то станет и случится,
Каждый час, как сто недель,

И всю ночь в окно стучится
Зяблой странницей метель.

Лишь наутро просветлеет.
У окна лежит сугроб,
И глядит, и жутко веет,
Как огромный белый гроб.

...Так всегда. Одним попойки,
А другим, кто сердцем прост,
Тяжкий труд с больничной койкой
Да затерянный погост.

Но, влекомый новой долей,
Я за тех, кто шел со мной
В бездорожном русском поле
За обозами зимой.
1925

Владимир ЛИФШИЦ

1913—1978

КВАДРАТЫ

И все же порядок вещей нелеп.
Люди, плавящие металл,
Ткущие ткани, пекущие хлеб,—
Кто-то бессовестно вас обокрал.

Не только ваш труд, любовь,
досуг —
Украли пылкость открытых глаз;
Набором истин кормя из рук,
Уменьше мыслить украли у вас.

На каждый вопрос вручили ответ.
Все видя, не видите вы ни зги.
Стали матрицами газет
Ваши безропотные мозги.

Вручили ответ на каждый вопрос...
Одетых и серенько и пестро,
Утром и вечером, как пылесос,
Вас засасывает метро.

Владимир Лифшиц не был крупным живописцем в поэзии, зато был блестящим тонким графиком стиха. Начал в ранних 30-х с метафор, близких конструктивизму. Стихи Лифшица о гражданской войне в Испании мы, мальчишки, учили наизусть. После войны, прибегнув к классическому приему литературной мистификации, создал цикл стихов, якобы написанных английским поэтом Джемсом Клиффордом. Позднее сам автор и открыл тайну происхождения «этого английского поэта, возникшего в моем воображении и материализовавшегося в стихах, переводы которых я предлагаю вашему вниманию».

Вот вы идете густой икрой,
Все, как один, на один покрой,
Люди, умеющие обувать,
Люди, умеющие добывать.

А вот идут за рядом ряд —
Ать —

ать —
ать —
ать,—

Пока еще только на парад,
Люди, умеющие убивать...

Но вот однажды, среди мелких дел,
Тебе дающих подножный корм,
Решил ты вырваться за предел
Осточертевших квадратных форм.

Ты взбунтовался. Кричишь:
— Крадут!..
Ты не желаешь себя отдать.

И тут сначала к тебе придет
Люди, умеющие убеждать.

Будут значительны их слова,
Будут возвышенны и добры.
Они докажут, как дважды два,
Что нельзя выходить из этой игры.

И ты расквашешься, бедный брат.
Заблудший брат, ты будешь прощен.
Под песнопения в свой квадрат
Ты будешь бережно возвращен.

А если упорствовать станешь ты:
— Не дамся!.. Прежнему
не бывать!..
Неслышно явятся из темноты
Люди, умеющие убивать.

Ты будешь, как хину, глотать тоску,
И на квадраты, словно во сне,
Будет расчерчен синий лоскут
Черной решеткой в твоём окне.

Сергей СПАССКИЙ

1898—1956

Примыкал к футуристам. Мастер четкого, крепкого стиха, без своего личного почерка, но с общей высокой поэтической культурой. Автор интересных воспоминаний «Маяковский и его спутники», нескольких повестей и романов.

Толпятся густо завтрашние трупы
На улицах в плену дневных трудов.
На небе воют бомбовозов трубы.
Хрустя, крошатся кости городов.
И пыль Европы слоём светлой марли
застлала солнце.

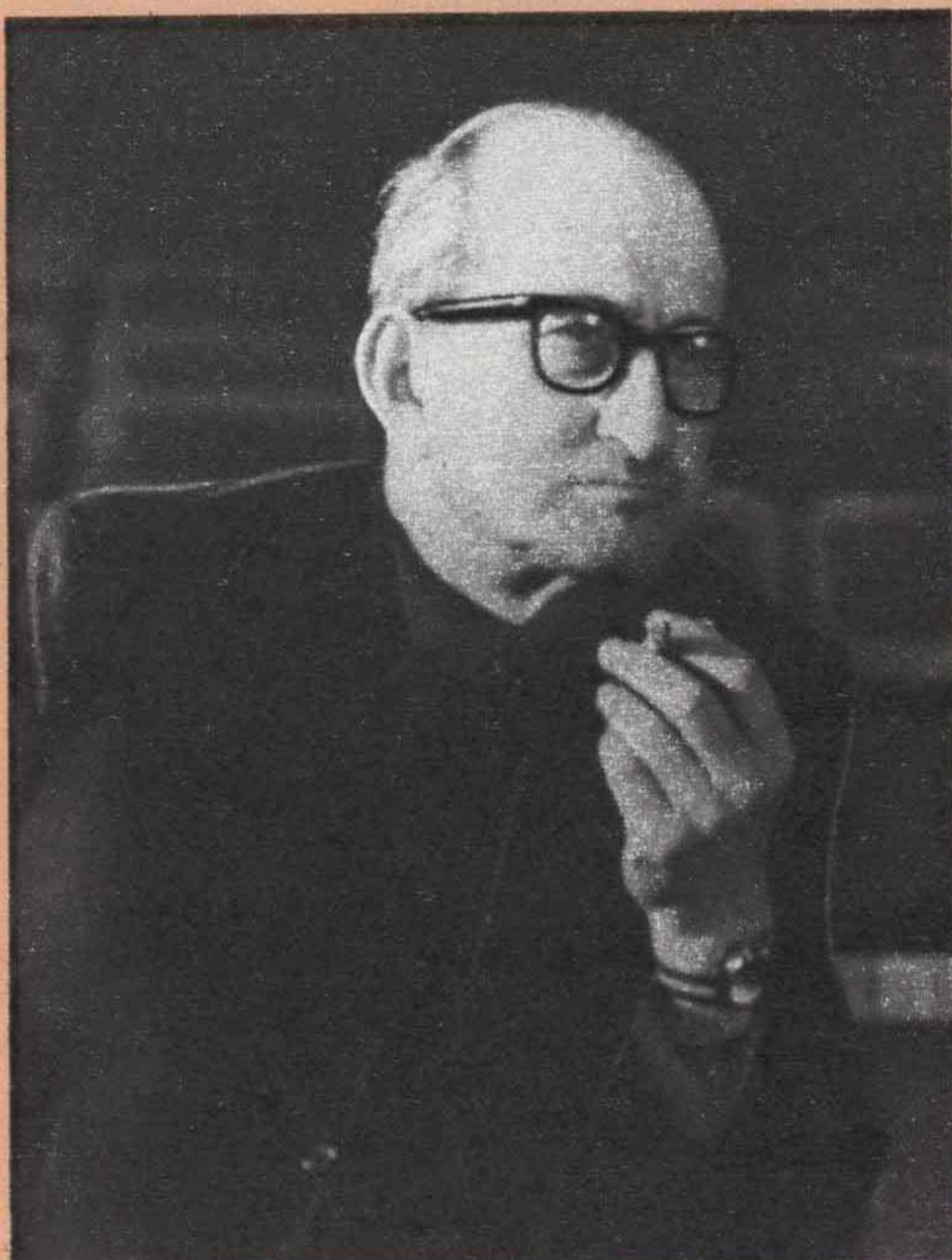
Загрустив на миг,
Склонясь над щебнем, тростью тронет Чарли
Ребенка тельце, тряпку, клочья книг.

Подобно торсам безымянных статуй,
Мир оголен, без рук, без головы.
И это называется расплатой?
Превышен долг...
Бредем и я, и вы...
Присядем у пригорка на распутьи,
Разломим хлеб. Кому отдать его?
— Земля, воскресни... — Тише, мы не
судьи.
Мы — память века. Только и всего.

1941

ЭТОТ МАТЕРИАЛ — ЛИШЬ
ЧАСТЬ ПРАВДЫ О РОММЕ,
ЧЕЛОВЕКЕ ТРУДНОЙ СУДЬБЫ,
ВЕРШИНОЙ КОТОРОЙ
СТАЛ ФИЛЬМ
«ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ».
МЫ ЕЩЕ НЕ РАЗ
РАССКАЖЕМ ОБ ЭТОМ
ЯРКОМ И САМОБЫТНОМ
ХУДОЖНИКЕ.

ДВА ФИЛЬМА И 630 МЕТРОВ «КУЛЬТА»

Аркадий БЕРНШТЕЙН

**МИХАИЛ ИЛЬИЧ РОММ
ЗАМЕТИЛ ОДНАЖДЫ:
«РАЗУМЕЕТСЯ, МНОГИЕ
ИЗ НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ
ПЛАТЯТСЯ ЗА СЛИШКОМ
БОЛЬШИЕ УСПЕХИ И СЛИШКОМ
БОЛЬШИЕ ПОЧЕСТИ, КОТОРЫЕ
ОНИ СНИСКАЛИ В ГОДЫ
КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ».**

Ромма восхищало гражданское мужество С. М. Эйзенштейна, который «в годы наитягчайшего расцвета культа личности Сталина» сознательно замахнулся на этот культ, создав великую картину «о трагедии тирании» — вторую серию «Ивана Грозного». Михаил Ильич был человеком необыкновенной и далеко не исчерпанной по многим причинам творческой энергии. Он продолжал мучительно искать новое, даже будучи немолодым, хотя хорошо понимал, что «в шестьдесят лет не так-то легко переделывать себя» и что «нужно ликвидировать остатки культа личности в своем сознании».

В 60-е годы на занятия к Ромму, которые он вел во ВГИКе, часто приходил как вольнослушатель студент-практикант из Болгарии Харри Стойчев. Он стал ассистентом Ромма на картине «Обыкновенный фашизм», а из оставшейся хроники смонтировал (вместе с С. Кулишем) еще один фильм. Вскоре ему удалось добыть чрезвычайно редкую в те годы видеокамеру, и он решил сделать фильм о своем учителе — подстерегал Ромма и на даче, и на квартире, и на студии. Однажды за две-три недели до смерти Михаила Ильича, поздно вечером, Харри застал его за кухонным столом, в халате и стареньком берете, и, не раздумывая, начал съемку...

— Ну долго ты будешь меня мучить! Все равно у тебя ничего не выйдет, — сказал Михаил Ильич, но вскоре смягчился: — Ладно, расскажу одну историю, но предупреждаю — это про многих людей.

Этот рассказ Ромма был назван «Интервью с богом». Приводим его в записи режиссера Алексея Щербакова, которому в 1971 году Стойчев показывал свои видеоленты.

«Однажды, — начал М. И. Ромм, — мне приснился сон, что я умер. И меня призвал к себе господь бог и спросил: «Расскажи, как жил, хорошо или плохо, праведно или нет. Я хочу узнать это от тебя, чтобы поступить с тобой, как заслуживаешь». В бога я, конечно, не верил. Но, поняв, что земной путь мой уже окончен, я с трепетом посмотрел в свое прошлое и сказал себе: «Да, ты был грешником, лгал, изворачивался, обижал друзей, жил не по совести от слабо-

сти духа. Поэтому у тебя нет шансов попасть в рай». Я сказал об этом богу. Тот выслушал и ответил: «Хорошо, что ты говоришь правду. Так чего же ты хочешь от меня?» Я попросил у бога дать мне возможность родиться снова и прожить свою жизнь так, чтобы не было в ней прежних ошибок и прежнего малодушия. Он усмехнулся: «Редко кому это дается, но раз ты сказал правду и сам просишь об этом — пусть будет так. Но боюсь, что ничего не изменится в твоей жизни».

И вот я родился снова и стал вот этим самым человеком, который сидит здесь и завершает свою вторую жизнь. И снова я умер, и снова предстал перед всевышним, и снова услышал вопрос, как прожиты отпущенные мне годы. Я понял, что и долгую вторую жизнь прожил не лучше первой, снова лгал, когда можно было сказать правду, отворачивался от друзей в трудную для них минуту, кривил душой, боясь за свое положение... Я знал, как правильно жить, но не смог и теперь строго сужу себя. И, услышав эти слова, бог сурово спросил: «А что же ты хочешь на этот раз?» Я робко выразил желание третий раз прожить жизнь, чтобы оправдать, наконец, высокое назначение человека. Но я уже чувствовал, что не получу разрешение свыше и скоро уйду в небытие, так глупо использовав целых семьдесят лет! Бог сказал: «Надо подумать...» И в этот момент я проснулся.

Чем старше я становлюсь, тем больше люблю детей. Когда я вижу ребенка, я почему-то вспоминаю свой сон, и у меня рождается желание остаться ребенком на всю жизнь. Ведь есть же люди, у которых не угасает с возрастом детская непосредственность и чистота! А это свойство таланта».

— Все было снято, — рассказывает Щербаков, — средним планом, освещение получилось спокойным, несколько интимным. Когда Михаил Ильич поднимал руку или поворачивался в профиль, в том месте кадра, где прежде была голова или рука, возникал прозрачный абрис перемещенной части тела. что создавало своеобразный, несколько мистический колорит.

Не каждому художнику, согласитесь, снятся такие сны. И уж не каждый тем более готов рассказать их.

Ромм писал в 1962 году: «Мы в долгу перед советским народом именно потому, что сделали много неверных картин и неверно рассказали о том, о чем следует все-таки рассказать, напомнить». Он говорил в те годы, что совершенно по-другому поставил бы теперь оба ленинских фильма и, сдержанно оценивал свой новый монтажный вариант (после XX съезда КПСС Ромм выбросил из фильмов шестьсот тридцать метров «культа»).

10 ноября 1937 года ТАСС, сообщая о выходе на экраны фильма «Ленин в Октябре», представил его как фильм «исключительный по силе драматургии и неподражаемый по силе актерского мастерства, великолепной режиссуры, монтажа и операторской работы».

Много говорилось и писалось о создании фильма «по инициативе товарища Сталина», и за этим угадывалась мысль, что впервые в кино Сталин должен занять на экране подобающее ему место.

Вспоминая о работе над фильмом, автор сценария

А. Я. Каплер писал в 60-е годы, что «старался подчеркнуть роль Сталина в октябрьских событиях» и делал это «искренне», так как был «под гипнозом всеобщего преклонения перед Сталиным». И далее: «История есть история. Заблуждения есть заблуждения. И я, и весь коллектив картины не «конъюнктурили», не подлаживались к ситуации, а поступали в согласии со своими представлениями, убеждениями, со своим тогдашним пониманием исторического процесса». И все же трудно поверить в абсолютную слепоту художника. В тех же воспоминаниях мы находим честное признание, что в период работы над сценарием был репрессирован Эйно Рахья, финский большевик, верный ленинец, связной партии, который сопровождал Владимира Ильича в Смольный, и его пришлось заменить вымышленным персонажем — товарищем Василием.

Сценарий Каплера «Восстание», получивший премию на закрытом правительственном конкурсе на лучшие пьесы и киносценарии об Октябрьской революции, оказался в руках у Ромма только в конце мая 1937 года, а картину требовалось выпустить к 7 ноября.

Решение М. И. Ромма взяться за трудную и, как думали многие, невыполнимую работу и отказ от режиссера-сопостановщика было в значительной степени продиктовано его стремлением активно работать в кинематографе и утвердить, наконец, свое положение кинорежиссера: ведь незадолго до этого он был уволен со студии. Вишневецкий с трибуны Дома кино подверг его суровой критике за «камерность», а его работа над фильмом «Пиковая дама» была прекращена в начале 1937 года.

Сценарий Каплера, в котором Ромм увидел «большие возможности», пришлось вместе с автором переписывать заново, учитывая бесконечные замечания конкурсной комиссии. Значительное место заняла в нем авантюрная фабула-рассказ о том, как ловко ускользает В. И. Ленин от филеров Временного правительства, был придуман эпизод гибели шофера Григория Тимофеева, отдавшего жизнь за Ленина. Но главным в фильме стало изображение Владимира Ильича, который появился на экране и в интимных камерных сценах, что было прямым вызовом апологетам лжемонументализма, стремившимся превратить Ильича в икону. И все же мы находим в фильме много исторических неточностей, преувеличений, неоправданных вольностей. Ленин, возвращающийся из Финляндии, уже в кабине паровоза просит Василия передать товарищу Сталину статью для «Правды» и «завтра же» устроить с ним свидание, затем на конспиративной квартире снова напоминает ему об этом, даже в титрах указывается, что «беседа» Ленина и Сталина продолжалась четыре часа. Придя в Смольный, Владимир Ильич опять просит найти товарища Сталина и т. д. Даже историческое заседание ЦК накануне Октября показано отраженно, через полуоткрытые двери, с точки зрения Василия. Выступая на этом заседании, Ленин говорит, что «не видит разницы между предложениями Троцкого и Каменева», которые почему-то названы «печальными оптимистами». Но мы так и не узнаем, в чем суть этих предложений, хотя известно, что Троцкий и Каменев занимали в дни Октября разные позиции.

После доработки сценария и подготовительного периода первый съемочный день режиссер назначил на 12 августа. Через два с половиной месяца фильм надо было сдать. Многие кинематографисты, среди которых были и защитники, и противники картины, и обыкновенные перестраховщики, не верили, что можно уложиться в столь фантастически короткий срок. В этих труднейших условиях М. И. Ромм проявил сверхчеловеческую настойчивость, добившись от руководителя кинематографии Б. З. Шумяцкого согласия «на полное подчинение всех цехов и всего организма «Мосфильма» своей картине. Председатель Комитета по делам искусств П. М. Керженцев сопротивлялся требованиям режиссера освободить Бориса Щукина от работы в театре и убеждал его в том, что идея воссоздания образа Ленина в кино и театре обречена на неудачу. А Шумяцкий, в свою очередь, не хотел утверждать Николая Охлопкова на роль Василия, режиссер снимал его на свой страх и риск. Шумяцкий, приходя на съемки, даже не здоровался с артистом, а один из редакторов вел своеобразный кондуит, где фиксировались все изменения в диалоге, самовольные поступки режиссера и т. п. Роль рабочего-большевика Матвеева должен был играть Алексей Дикий, но, как рассказывали мне бывшие помощники Ромма, он не пришел на съемку, так как был арестован. И в ту же ночь его заменил артистом Василием Ванниным.

И Ромм, и другие участники съемочной группы позднее рассказывали о странных случаях, которые происходили во время напряженной работы над фильмом. Один сюрприз следовал за другим: то портилась оптика, то оказывался перерезанным электрокабель, то с грохотом падал осветительный прибор на подпильном штативе, то срывалась работа оператора или художника. А жена М. И. Ромма, известная актриса Елена Кузьмина, в своих воспоминаниях рассказывает, что и пленка нередко оказывалась испорченной, а съемочная аппаратура — сломанной. Замки на сейфах не помогали.

Очевидно, кому-то было выгодно создавать на «Мосфильме» иллюзию вредительства — такое время было. Позже было репрессирован... Шумяцкий, который передавал режиссеру и съемочной группе впечатления, рекомендации и замечания Сталина.

Но вопреки «вредителям» дело шло быстро, половина кадров, как вспоминал Ромм, «была снята в одном дубле, без повторения».

Довольно сложной была проблема выбора актера на роль Сталина. Тогда эту роль начинали играть в театре многие актеры. Как рассказывает в своих неопубликованных воспоминаниях сын Бориса Щукина Георгий, создатели фильма сделали попытку по-пробовать на эту роль Ираклия Андроникова, который великолепно имитировал речь Сталина, умело передавая его тяжелые, томительные паузы, но не обходившийся на экране степени сходства так и не получилось. В конце концов Ромм остановился на малоизвестном актере Семёне Гольдштабе. Позже он изображал Сталина в фильме Леонида Лукова «Александр Пархоменко» и на сцене Кировского областного драматического театра. Но Гольдштаб не добился успеха, сыграв Сталина. Сам Сталин предпочитал другого исполнителя — грузинского артиста Михаила Геловани, который и стал партнером Щукина в следующей картине Ромма «Ленин в 1918 году». Только в 30-е годы он сыграл роль Сталина еще в трех картинах: «Великое зарево», «Выборгская сторона», «Человек с ружьем».

В 1970 году второй режиссер фильма Д. Васильев рассказал, что он без ведома Ромма пробовал на роль Ленина интересного актера В. Л. Зускина, но из этого ничего не получилось, а пробы Щукина сразу понравились всем. Опытный художник-гример А. Ермолов нашел для него такой грим, который не сковывал актера и не мешал его мимике. Многие черты подвижного лица Щукина гримеру пришлось совершенно преобразить. Замечательный ленинский грим был создан в течение нескольких сеансов. Эту работу Ермолова называли произведением искусства, и она стала возможной прежде всего потому, что гример трижды близко видел живого Ильича.

Щукин сказал Ромму, что хотел бы сыграть Ильича так, чтобы с первого появления его на экране зритель улыбнулся, а может быть, рассмеялся. Ромм очень тонко использовал способность Щукина к экспромту. Например, артисту заранее прочли письмо из деревни, которое получили Василий и Наташа, и Щукин по-ленински произнес фразу: «Ага... ну что же — очень толковое письмо!» Эта реплика и вошла в картину. Обаяние актера было огромным и получилось, к счастью, так, что Гольдштаб, игравший Сталина, рядом со Щукиным казался живым манекеном. Шкловский заметил, что, изображая Сталина, «режиссер не пошел дальше показа относительного сходства». Был ли это сознательный замысел Ромма? Вряд ли. Впрочем, в картине «Ленин в Октябре» Ильич доминировал бесспорно.

После выхода фильма «Ленин в Октябре», имевшего в те годы огромный успех, Ромму все же говори-

ли, что он недостаточно глубоко изобразил Сталина, образ которого уже занял прочное место в театре и кино.

Даже знаменитый командарм П. Дыбенко, ставший вскоре жертвой репрессий, заметил в своем восторженном отзыве о фильме, что следовало бы больше рассказать о Сталине.

Сценарий А. Каплера и Т. Златогоровой «Ленин», ставший вторым ленинским фильмом М. И. Ромма, включал в себя гораздо больше эпизодов с участием И. В. Сталина, который позже предложил назвать эту картину «Ленин в 1918 году».

Роль Сталина на Царицынском фронте в фильме была непомерно преувеличена. Он решительно отвергает «предательский план Троцкого», отстраняет от командования военспецов, вместе с К. Е. Ворошиловым, который становится командующим Царицынским фронтом, организует блестящее наступление и телеграфирует В. И. Ленину, что противник разбит наголову. Мы видим Сталина беседующим с ранеными бойцами, его машина лихо несется по линии фронта, невзирая на близкие разрывы снарядов...

События на Царицынском фронте в 1918 году сознательно выдвигаются на первый план, а деятельность Сталина, оказывается, внушает заговорщикам такие опасения, что они «планируют» его убийство прямо в Царицыне 30 августа 1918 года одновременно с устранением в этот же день Ленина и Свердлова в Москве и Урицкого в Петрограде.

Но что же на самом деле происходит в Царицыне в те дни?

Вернемся к лету 1918 года. В мае в Царицын прибыл бывший генерал-лейтенант А. Е. Снесарев с мандатом Совнаркома, подписанным В. И. Лениным. Он был назначен военным руководителем Северо-Кавказского окружного комиссариата по военным делам. Снесарев сумел создать регулярные части из разбросанных отрядов и боевых групп, организовать оборону города и остановить сорокатысячную армию генерала Краснова. Но Сталин требует «убрать А. Е. Снесарева», обвиняя его в саботаже, а план бывшего генерала по обороне города объявляет вредительским, так как он несет «печать оборончества». В середине июля положение под Царицыном стабилизировалось, но Сталин самовольно сместил, а затем арестовал Снесарева. Незадолго до этой «акции» он поместил в плавучую тюрьму на барже почти весь штаб округа, предъявив военспецам ложное обвинение в организации контрреволюционного заговора. Высший военный совет послал в Царицын инспекцию во главе с членом ВЦИК А. И. Окуловым. Снесарев был немедленно освобожден, вышли на свободу и военспецы, правда, лишь те, которых не успели расстрелять. Организовав авантюрное наступление, Сталин сорвал продуманный план Снесарева, и город оказался в полуокружении. В письме Ленину Сталин всю вину пытается свалить на Снесарева.

В сентябре 1918 года был учрежден Реввоенсовет Южного фронта, в его состав вошли И. В. Сталин, председатель Царицынского Совета С. К. Минин, командующим фронтом со всей полнотой единоличной власти был назначен бывший генерал-майор П. П. Сытин, а его помощником К. Е. Ворошилов. Однако Сталин и Ворошилов отказались подчиниться приказу — потребовали «коллегияльной» формы управления фронтом и коллегиального решения всех оперативных вопросов, не допустив Сытина принять командование. Член Реввоенсовета Республики К. А. Мехоношин, прибывший вместе с П. П. Сытиным, настаивает на подчинении приказу из центра. Однако Реввоенсовет фронта во главе со Сталиным самовольно отстраняет Сытина от командования и продолжает действовать о назначении вместо него Ворошилова. Конфликт разбирает ЦК партии. Секретарь ЦК Я. М. Свердлов 2 октября 1918 года в телеграмме, адресованной Сталину, Минину, Ворошилову, требует подчиниться решению центра и «провести в жизнь решения Реввоенсовета». Но и после этого Сталин долго не прекращал дезорганизаторских действий в Царицыне: то писал Ленину, требуя пересмотра «вопроса о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров», то, получив от Ленина строгое внушение, подавал заявление об отставке со своих постов, то отказывался от этого заявления, то предъявлял Сытину серьезные политические обвинения в письмах Свердлову, в ЦК...

В 30-е годы А. Е. Снесарев, П. П. Сытин, А. И. Окулов и К. А. Мехоношин были репрессированы.

В фильме «Ленин в 1918 году», вышедшем в 1939 году, ощутимо сказалось влияние судебных процессов 30-х годов, ложных обвинений, выдвинутых против многих видных советских и партийных работников, военачальников, превратившихся в «предателей, иностранных шпионов, врагов народа». Некоторые бывшие члены Политбюро и Советского правительства, несмотря на различие их позиций, сложную историю взаимоотношений, изображены на одно лицо, как «продажные подонки и лицемеры». Больше

всего досталось Николаю Ивановичу Бухарину: он действует в прямом союзе с заговорщиками и, что нелепее всего, принимает участие в организации покушения на жизнь Ленина. Если бы зритель посмотрел первый вариант фильма сегодня, он бы с удивлением узнал, что в новом контрреволюционном правительстве ему и Пятакову отведены главные места, что офицерские дружины, рвущиеся в Кремль, поддерживают Зиновьев, Каменев и Троцкий и что Ленин обвиняет Бухарина в смерти Урицкого и раскольнической деятельности в партии.

В одной из сцен Ленин и Сталин беседуют о суровом подавлении сопротивляющихся классов, о необходимости «стальной» диктатуры, и это звучит почти как оправдание репрессий 30-х годов.

Дальнейшее развитие в картине получил и миф о великой дружбе Ленина и Сталина. Владимир Ильич бросается в объятия к Сталину со словами: «Дорогой мой, здравствуй, голубчик», — письма и телеграммы последнего почему-то вызывают повышенное внимание Ленина. Сталин, в свою очередь, остро переживает известие о покушении на жизнь Ленина, нежно смотрит на спящего Ильича...

В годы, когда лишь немногие помнили ленинское «Письмо к съезду», Ленину приписывалось мнение, что Сталин является его единственно верным и самым надежным преемником. И оно проникло в сознание миллионов людей во многом с помощью кино. Раненый Владимир Ильич, например, так говорит, обращаясь к профессору Минцу: «Если это конец, я должен сделать распоряжение. Вызвать Сталина».

Однажды на съемке Михаил Ильич неожиданно почувствовал, насколько нелепо, как это было в тексте заключительной сцены, чтобы Ленин, еще не оправившийся от ранения, «усаживал молодого и здорового Сталина в мягкое кресло, а сам садился на стульчик». В ответ на это замечание режиссера тогдашний руководитель кинематографии С. С. Дукельский без слов вынул из сейфа экземпляр сценария, на последней странице которого была начертана резолюция: «Очень хорошо. И. Сталин».

Тут, мне думается, комментарии излишни. Все эти реплики и эпизоды со Сталиным Ромм безболезненно вырезал в 1956 году.

Съемки на этот раз проходили относительно спокойно. Все фото- и кинопробы актеров, игравших членов Советского правительства того времени, сдавались в Первый отдел киностудии. Искали и подбирали каждый потерянный или упавший кадр. По-прежнему творческая деятельность киногруппы М. И. Ромма находилась в зоне строгого контроля: переделки сценария делались с ведома И. В. Сталина и согласно его замечаниям, он просматривал все кинопробы и рабочий материал картины, чаще всего отснятые и смонтированные эпизоды.

Однажды помощник режиссера Т. Б. Березанцева, сыгравшая значительную роль в подборе актеров для фильма, увидела на студии брата Якова Михайловича Свердлова Германа Михайловича, который выполнял скромную миссию консультанта. Это был международник по профессии, очень обаятельный и образованный человек. «Приглядевшись к нему, — рассказывала она, — я увидела умное лицо, выразительные глаза и удивительное сходство с братом, роль которого он мог бы неплохо сыграть». Выбор Березанцевой сразу же одобрил Ромм, его покорило не только сходство, но и «естественность, простота этого человека». Художник-гример Ермолов сделал прекрасный грим, и Г. М. Свердлов начал сниматься в фильме, причем ему охотно помогали все профессиональные артисты, особенно Плотников и Щукин. К сожалению, огромная работа с Г. М. Свердловым оказалась напрасной. Несколько смонтированных эпизодов показали Сталину, который в категорической форме предложил переснять все сцены с Германом Михайловичем, так как считал неудобным, что эту роль исполняет родственник Я. М. Свердлова да еще с той же фамилией.

Массовые сцены, снятые в павильоне, поражают своей изобразительной точностью, выразительностью композиции кадра. Выступление Ленина на заводе Михельсона в трагический день 30 августа снято Борисом Волчком одним длинным куском без перебивок, чтобы показать неразрывное единство вождя и массы. Лучшим эпизодом фильма «Ленин в 1918 году» Ромм считал эпизод покушения. После выстрела Каплан Ленин падает, его мгновенно окружает толпа. И вдруг камера поднимается вверх. Теперь зрители видят с верхней точки кольцо людей вокруг лежащего Ильича. Затем Ленина увозят на машине, которая движется через расступающуюся толпу. Тот же верхний ракурс дает возможность увидеть дорогу, проложенную машиной среди множества людей, охваченных огромным горем. И в этом кадре, как пояснял Ромм, создавался образ сердца, вырванного из многоликого людского массива. К сожалению, чиновников напугало, что «вождь лежит на сырой земле», и сцену эту пришлось сократить с пятнадцати до семи с половиной метров...

ВЫСОТА

**ОНА ГОВОРИТ, ЧТО НЕЛОВКО
ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ В ДОРОГЕ —
В ПОЕЗДЕ, В САМОЛЕТЕ, —
ГДЕ ТАК ЛЕГКО ВОЗНИКАЮТ
КРАТКОВРЕМЕННЫЕ ЗНАКОМСТВА.**

**Андрей БАТАШЕВ,
Андрей ГОЛОВАНОВ (фото)**

года. Трижды была серебряным и дважды бронзовым призером мировых первенств. А вот абсолютной чемпионкой мира стала только два года назад, в 39 лет. Почему?

Пилот выступает не один. Его партнер — самолет. И нужно, чтобы летчик обязательно «нашел» своего крылатого партнера. На это порой уходят годы, потому что и у пилота, и у самолета — своя траектория судьбы...

Разумеется, Люба и не подозревала, что в течение долгих лет, пока она шла к своей самой большой победе, на встречу с ней летит и «ее» самолет, тот самый СУ-26, на котором она выиграла чемпионат мира. А создатели СУ, воплощая свой замысел, не сознавали, что параллельно творят и будущее летчицы Немковой. Они очень спешили, «пробивая» свой самолет и доказывая его превосходство над Як-55, на котором выступали советские пилотажники. Однако прошло немало времени, прежде чем пути летчицы и самолета пересеклись.

К тому времени Любовь Немкова была уже ветераном. Казалось, она достигла своего потолка, и потому некоторые коллеги по сборной не стеснялись спрашивать ее, когда, мол, она уйдет и освободит место для них, молодых...

На СУ-26 летчицу пересаживали за неделю до Чемпионата мира-86.

Казалось, что маленький спортивный самолетик совершенно сознательно ждал, когда она, Люба Немкова, займет свое место в кабине. А она... Она сразу же отнеслась к нему как к одушевленному существу.

— В кабине множество приборов, — рассказывает Немкова, — с помощью которых можно определить состояние самолета. Но чаще всего в этом нет необходимости. Едва запустив двигатель, я уже по звуку знаю, поет он или кричит, что ему тяжело, что барахлят свечи или отказывает магнето...

Любовь Немкова не отличается богатырским сложением. При росте 164 сантиметра весит 57 килограммов. И можно поверить специалистам, которые утверждают, что она не могла раньше реализовать свои возможности потому, что Як-55 слишком тяжел в управлении.

А вот что говорит она сама:
— Наш старый самолет даже очень сильные мужчины таскали двумя руками. Разве это пилотаж? А СУ-26 можно управлять одной кистью...

Ветер и низкая облачность перечеркнули график мирового чемпионата. После долгого ожидания участникам все же разрешили выполнить обязательную и произвольную программы. Немкова первенствовала в обеих. Но затем пришлось сделать длительную паузу. Организаторы уже подумывали о том, чтобы отменить соревнования, однако через несколько суток погода улучшилась.

— Когда за несколько часов до старта мы, как это и предусмотрено правилами, получили программу третьего упражнения, — вспоминает Немкова, — то оказалось, что из шестнадцати фигур «темного» комплекса три я на новом самолете никогда не делала. Тренироваться же в воздухе после начала соревнований запрещается. «Летать» можно только мысленно — в воображении...

Проконсультировалась с мужчинами-пилотами, которые выступали на СУ в прошлом году, постаралась прочувствовать все детали и нюансы, о которых они вспомнили...

Немкова выиграла «темный» комплекс и по сумме трех программ (четвертую — финальную — провести так и не удалось) завоевала звание абсолютной чемпионки мира. На следующий год в ФРГ она вновь стала абсолютной победительницей — на этот раз чемпионата Европы.

Старший тренер сборной команды СССР по высшему пилотажу Касум Нажмудинов говорит, что может угадать Немкову в небе среди других пилотов. И чем сложнее ее программа, тем это легче сделать. Потому что тогда заметнее особенности ее манеры — редкостная плавность и устойчивая точность линий.

...Я слежу за полетом спортивного самолетика и вспоминаю слова Немковой о том, что в детстве ей представлялось, будто инверсионные следы образуют слова, написанные на незнакомом языке. Но тогда и сами фигуры высшего пилотажа тоже должны бы быть частицами какой-то знаковой системы... Вот самолет замер на миг в высшей точке траектории, словно проверил свою способность парить, а затем внезапно устремился вниз, в «штопор», будто бы для того, чтобы стремительным вращением плоскостей изгнать из «тоннеля», диаметр которого совпадает с размахом его крыльев, каких-то незримых врагов...

— Самый большой простор для творчества у нас в финальной программе, где летчику разрешается импровизировать, —

объясняет Немкова. — Иногда что-то меняешь сознательно, иногда это происходит само собой. Вот, например, решила я сделать на вертикали вниз несколько «бочек». Бывает, самолет исполнит две и больше не хочет. Но иногда тебе удастся создать такие условия, при которых он начинает так вращаться, что у тебя душа радуется. И тогда ты позволяешь себе 2—3 лишних виточка. А это триста «потерянных» метров. Следовательно, надо мгновенно заменить очередную фигуру на другую, выполняемую с набором высоты.

Еще один вариант импровизации. Задумала я, скажем, с «колокола» упасть вперед и вдруг почувствовала, что самолет валится назад. Значит, я должна подчиниться его желанию и соответственным образом изменить концовку...

Высший пилотаж, считают знатоки, вполне можно было бы сравнить с танцем. Мешает одно обстоятельство. Высший пилотаж опасен. И в его истории немало трагических страниц...

— Мне всегда казалось, — говорит Нем-

кова, — что в нашем деле не может быть безвыходных ситуаций. Ведь в инструкции предусмотрено все, что может произойти в полете, и соответственно определено, как надо поступить. В крайнем случае нужно в течение пяти секунд покинуть самолет и затем — опять-таки через пять секунд — раскрыть парашют. Но иногда все происходит иначе... Самолет Стяпаса Артишквичуса начал разрушаться в двухстах метрах над нашими головами. И звук рвущегося металла прозвучал как крик о том, что летчику уже не выбраться из самолета. Через полторы секунды он врезался в землю — на восемь с половиной секунд раньше, чем предусмотрено инструкцией...

— И тем не менее вас это не останавливает. Так, может быть, пилоты крепче духом, нежели обычные люди?

— Вряд ли. Я, например, слабая. Но есть ситуации, в которых обязана делать то-то и то-то.

...Когда вечером она забирает свою четырехлетнюю Катю из детского сада, воспитательница нередко делает ей замечание: опять, мол, вы опоздали на целых пятнадцать минут! Воспитательница, разумеется, не знает, чем занимается «забывчивая» Немкова, а той и в голову не приходит рассказать об этом. Она ведь тоже считает себя виноватой: действительно, разве можно заставлять Катю ждать?

Муж Немковой — авиатор: летает на вертолетах, и времени у него еще меньше, чем у Любы... Поэтому, когда я спросил Немкову, какая самая большая проблема в ее жизни, она мгновенно ответила:

— Катя. С кем ее оставлять? Как воспитывать? И где постоянно доставать новые сказки?

Сама она читает обычно в метро или в автобусе по дороге в аэроклуб. Чаще всего это рассказы Чехова, в которых нет ни слова об авиации...

— Зато в них есть мы, — говорит Немкова. — Удивительно, как Чехов умел обо всем догадываться. Именно этой способности нам, как мне кажется, сейчас очень не хватает...

Я слушал ее и думал, что Любовь Немкова все же помогла мне хотя бы в какой-то мере догадаться о ней. О том, что профессия летчика, помимо всего прочего, подходит ей еще и потому, что дает возможность осуществить давнее желание постичь всеобщую связь в мире, где все имеет свое продолжение, постоянно переходя из одного состояния в другое.

М

ея чаще всего принимают не за ту, какая я есть, — объясняет она, — и сразу же начинают давать советы, делиться жизненным опытом...

В таких случаях она обычно отмалчивается, не доверяя словам и предпочитая, чтобы о ней догадались. Но это нелегко. Нужно обладать сверхъестественной проницательностью, чтобы предположить, будто эта хрупкая, застенчивая женщина имеет отношение к спортивной авиации. В ней ощущается и какая-то неуловимая скованность, заставляющая вспомнить чудачков профессоров из популярных кинокомедий. Впрочем, в своем деле Любовь Немкова, летчик-инструктор первого класса, абсолютная чемпионка мира и Европы по высшему пилотажу, — тоже профессор. Но из-за того, что ее постоянно одолевают самые разные проблемы, Немкова выглядит неуверенным и даже робким человеком, и потому, общаясь с ней, действительно ловишь себя на желании дать ей совет...

В сборной СССР Любовь Немкова с 1968

Наталья ИВАНОВА

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ БОЛОТО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

После публикации романа А. Платонова «Чевенгур», романа глубоко новаторского как по содержанию, так и форме и отнюдь не относящегося к легко поглощаемой беллетристике, на которую, увы, еще падок читатель, разращенный многолетним массовым «серым потоком», в редакцию журнала пришло письмо. «...Уважаемый писатель А. Платонов! — написал читатель. — Почему в таком солидном журнале «Дружба народов» такая несусветная чушь и халтура??? В № 3 за 1988 год читал роман «Чевенгур»: «...обул своих лошадей в лапти, чтобы они не тонули...» Видно, автор ни о лаптях, ни о лошадях ни малейшего представления не имеет. Во-первых, как обути на копыта лапти? Когда формы лаптя и копыта разные? Как лапоть будет там держаться? Почему, наконец, «обутые в лапти лошади» не будут тонуть в болоте? В лошади примерно 450 кг живого веса, да седло, да винтовка, да всадник. Вот и более 500 кг — давление на каждую ногу около 125 кг. Нога с лаптем под этой тяжестью прекрасно провалится в болотистую почву, а лапоть будет только препятствовать выниманию из почвы ноги. После первого же шага все лапти останутся в болоте. У автора и у редакции полная некомпетентность в данном вопросе. Глубокое невежество! По-Вашему, лапти обладают каким-то из болота выталкивающим свойством??? Они могут только осложнить и усугубить переход через болото. Есть же у нас старые кавалеристы, есть под Москвой полк кавалерийский. Проконсультировались бы».

КАК ОБУТЬ КОПЫТО В ЛАПЬ?

Писатель А. Платонов ответить читателю не сможет: умер в 1951 году. Как бы я ни объясняла читателю особенности поэтики волшебной платоновской прозы, сколь бы ни рассуждала о гротеске, иронии, особом ракурсе зрения писателя, своеобразии его языка и стиля — на обыденное сознание, обделенное пониманием того, что есть чудо преображения искусством, повлиять трудно. И гениальное — «Но учитель Нехворайко обул своих лошадей в лапти, чтобы они не тонули, и в одну нелюдимую ночь занял город, а казаков вышиб в заболоченную долину, где они остались надолго, потому что их лошади были босые», — непереводимо на словарь привычных действий, по поводу которых можно и вправду проконсультироваться с кавалерийским полком.

Это пишет читатель, так сказать, простодушный; и не его вина, а его беда — эстетическая неграмотность. Его совет — призвать для консультации целый полк — показателен. Ведь на уроках литературы в школе до сих пор «проходят» постановление по поводу Зоженко и Ахматовой. Казарменная эстетика заправленных коек все еще не потеряла своей привлекательности для иных сограждан. Но, оказывается, она продолжает сохранять свой призывный аромат и для некоторых литераторов.

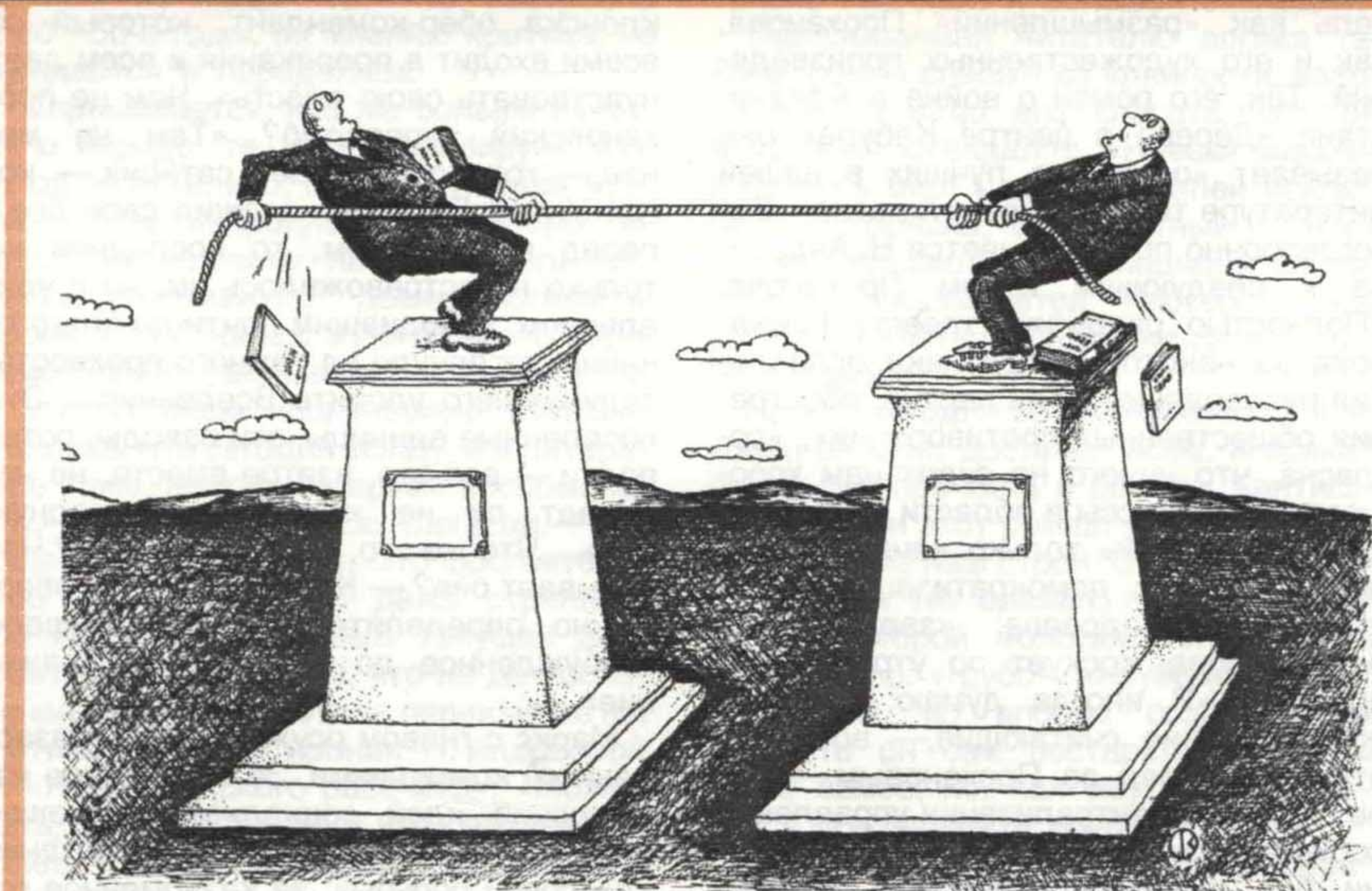

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

Сегодня уж никто не брякнет: я, мол, против ваших нововведений, против перестройки, против «нового мышления». Все дружно голосуют «за», перебивая друг друга, как Добчинский и Бобчинский. Стремятся присоединиться к общему хору радостных голосов, гневно осуждающих противников перестройки. Сейчас это модно. И в коллективных письмах, и в единоличных выступлениях гремит гражданская доблесть. Иногда, правда, закрадывается сомнение в искренности новых «подписантов», на что обратил внимание В. Петров в газете «Советская культура»: как прикажете понимать, что одной рукой главный редактор «Молодой гвардии» Ан. Иванов подписывает коллективное письмо «Больше гласности, больше демократии, больше социализма» (в котором, замечу уже от себя, почему-то даже не упоминается реальный повод — так называемое «письмо» Н. Андреевой в «Советской России»), а другой — очередной, апрельский номер своего издания (в печати!), где публикует развернутый манифест защитника сталинизма М. Малахова (1988, № 4). Где Ан. Иванов искренен? Наивный вопрос.

Но вот перед нами, так сказать, разъясняющее — не коллективное, не общепубликатное, а личное выступление Ан. Иванова в прессе: его интервью газете «Литературная Россия» (6 мая 1988 г.) и журналу «Наш современник» (1988, № 5). «Мы, все советские люди, — ответственно заявляет писатель, — должны быть заединщиками (неологизм Ан. Иванова. — Н. И.), каковы бы ни были наш возраст, профессия, национальность». Призывая нас «всех» быть с ним заодно, Ан. Иванов, очевидно, имеет в виду (если вспомнить только лишь публикации последних месяцев по разделу критики в руководимом им уж восемнадцать лет журнале) попытку компрометации поэтов «военного» поколения, учиненную С. Куняевым (№ 8); силовые приемы против так называемых «органов быстрого реагирования», продемонстрированные В. Горбачевым (№ 7, 1987 г.), погром прозы Б. Окуджава — со стороны М. Лобанова (№ 3,

1988 г.); мстительное передергивание позиций критиков Н. Анастасьева или С. Чуприна А. Байгушевым (№ 12, 1987 г.); реабилитацию сталинских методов управления в письме М. Малахова?

Делясь с корреспондентом «Литературной России» самым сокровенным, наболевшим, Ан. Иванов, конечно, охотно рассказывает о том, как он «пострадал» в годы застоя. Нынче все у нас страдалцы — и Ан. Иванов тоже, оказывается, испытал на себе властную руку редактора. Когда его роман выходил отдельным изданием, вспоминает наш романист, то по сравнению с публикацией в журнале там были сокращены некоторые эпизоды. Вы полагаете, что это возмутило автора? Что сегодня он хотел бы вернуть утраченное? Да ничего подобного. Это мы с вами будем радоваться восстановленному без оскорбительных купюр фильму М. Хуциева «Застава Ильича» или удивляться стойкости А. Германа, не пошедшего на уступки цензорам — как штатным, так и нештатным. Как сказал кинорежиссер в интервью «Вопросам литературы»: «Я уверен, всякий, даже самый настоящий, художник в какой-то момент хотел бы каким-то образом приспособиться к тому, что от него требуют. Вы думаете, Мандельштам не хотел приспособиться? Хотел. Почитайте его стихи. Но мешал талант. Мой отец не хотел? Я не хотел? Да все хотят. Но стыдно. Когда я подумаю, как все это пережил, страшно становится. Ведь у меня за три картины — три строгих выговора. И каждый раз меня начинали увольнять. Из трех фильмов два («Проверка на дорогах» ныне выдвинута на соискание Государственной премии СССР, а «Мой друг Иван Лапшин» удостоен Государственной премии РСФСР. — Н. И.) списаны в убыток». И все — и премии, и попытка дисквалификации — из-за «упрямства», то бишь стыда перед самим собой, своим талантом, перед нами. А что же на этот счет думает писатель Ан. Иванов? «Поднимать же, как нынче модно, шум по поводу выпавшего эпизода или даже фра-

зы... считаю недостойным!» Завидная послушность.

Уважая творчество прозаика В. Распутина, можно ли быть «заединщиком» с ним, ныне громко заявившим свою поддержку обществу «Память» («Наш современник», 1988, № 1) и полную солидарность с идеями романа В. Белова «Все впереди», по мнению Распутина, полезно воздействующими на читателя («Книжное обозрение», № 14, 1988)?

Ан. Иванов, призывая нас всех быть «заединщиками», в том же интервью выступил против статей А. Гельмана в «Советской культуре», Н. Ильиной в «Огоньке». Так о каком же «заединстве» может идти речь? Представим себе Ан. Иванова с Н. Ильиной, А. Германа с Б. Павленком хором распеваящими славную песню «высокого художественного достоинства» (лексика Ан. Иванова) о «заединстве».

Нет уж, как нас ни призывают и Ан. Иванов, и А. Проханов в соучастники (единственный выход, по Проханову, объединиться в монолит посредством «национального примирения» — кого с кем? Т. Глушковой с Д. Лихачевым, обвиненным ею в смертном грехе элитарности?), лучше посмотреть правде прямо в глаза и, прежде чем объединяться, размежеваться. Я надеюсь, все помнят, кому принадлежат эти слова?

Кстати, А. Проханов, выступивший с идеей «примирения» в статье «Культура — храм, а не стрельбище» («Литературная Россия», 1988, 22 января), недавно предложил развернутую концепцию — на какой основе примиряться. Основа крайне любопытная и заслуживающая пристального внимания.

В своем новом сочинении «Оборонное сознание и новое мышление» («Литературная Россия», 1988, 6 мая) Проханов предлагает глобальную концепцию, идет уже от литературы прямо к политике.

Как мы помним, М. Тэтчер, посетив нашу страну, давала интервью телевидению и, отвечая на вопросы, настаивала на том, что только укрепление оборонной мощи (атомной мощи, подчеркнула она) дало возможность сохранять мир. Концепция вполне абсурдная. Но нашедшая и у нас, оказывается, благодарных «заединщиков». Вот что пишет Проханов: новое мышление стало возможным после достижения военно-стратегического паритета. То есть только благодаря... гонке вооружений? «Только они, создавшие эту мегаструктуру, в состоянии ее нейтрализовать и медленно разобрать» сегодня, настаивает Проханов. А в той конфронтации, которая существовала, кто был виноват? Вы думаете, Пентагон? Военно-промышленный комплекс? Наивные люди! Да ничего подобного: виноваты, по Проханову, разные там пацифисты, экологи и религиозные мистики. Именно они, оказывается, «служили идее конфронтации». Голодал А. Д. Сахаров, английские женщины окружали кольцом Гринэм-Коммон, шли по Европе марши мира — и все укрепляли конфронтацию. Вот где зло-то таилось.

Неприятно к «пацифистам» неожиданно сомкнулась в сознании Проханова с еще одной, тоже вполне имперской — давайте называть вещи своими именами — идейкой.

Сегодня контингент наших войск покидает Афганистан. В нашей печати, как со знанием дела пишет А. Проханов, о реальных проблемах, связанных с Афганистаном, практически не говорилось. То есть говорили, конечно, и горячо говорили, но в квартирах, дома, на собственных кухнях. Правда, были у нас и писатели, воспевавшие афганский проход, и первое место среди них принадлежит все тому же Проханову, успевшему выпустить уже два романа, посвященных войне в Афганистане. Причем первый из них вышел... в 1981 году. Так что в эвфемизме Проханова — «мы об этом практически не говорили» — удобное словечко «мы» к нему лично уж совсем не относится. Но и сегодня, когда афганская драма, война, длящаяся в два раза дольше Отечественной, подвергается глубокому осмыслению и общественному пересмотру, когда ее называют «одним из тяжких наследий недавнего прошлого» («Известия», 1988, 8 мая), Проханов находит ей оправдание. «...Ввод нашей армии в Афганистан, — пишет он, — не был противоречием доктрине, согласно которой мы — первое и долгое время единственное социалистическое общество, окруженное валом империалистических государств (это в 1979 году?! — Н. И.). ... были очень заинтересованы в зарождении вокруг нас братских по строю систем, структур». Более того, Проханов прямо настаивает на необходимости экспорта революции: «И чтобы наша революция выжила (в 1979 году! — Н. И.), мы вынуждены были часть своих ограниченных ресурсов «отстегивать» в пользу мирового рабочего движения. Это были не только идеологические, финансовые, экономические ресурсы, но и, конечно, военные». Не знаю, как вам, а мне больше всего нравится здесь слово «конечно». Никуда, мол, не денешься!

Что же до конкретных судеб наших солдат и офицеров, воевавших в Афганистане, то и им Проханов уже организует будущее, а с их помощью и для всего нашего общества. В каком «позитивном смысле» Проханов предлагает государству их «использовать» (терминологию оставляю на совести автора, который, видимо, глубоко впитал идею, что государство выше человека и только и должно делать, что «использовать» тех, кто «потенциально готов на жертвы», а если не готов, так заставить)?

Оказывается, «оборонное» мышление — по Проханову — и есть «новое мышление»! Как вы понимаете, Проханов иронизирует: «новое мышление» породил «не СП, но сверхлитература, придуманная пацифистски настроенными литераторами» — увесистый камень в огород Адамовича, — а именно... да, не пугайтесь, так и сформулировано — просто на граните слова выбиты: «Новое мышление укрепляется и гарантируется оборонным сознанием».

Что же это за зверь такой — «оборонное сознание»? И как оно будет укреплять мышление новое? А способ известен — казарма. Взять да и распространить казарму — сначала по всей стране: «В этом оборонном сознании, которое при поверхностном взгляде может показаться даже казарменным, содержится и сохраняется масса драгоценных элементов» — правда, Проханов не уточняет, каких именно. Но вчитаемся в будущее, которое отважно обещает нам писатель: «Из военного комплекса бережно, по чайным ложечкам черпать ферменты, ростки и пересаживать их на ту почву, где они могут взрасти. Грубо говоря, — откровенничает Проханов, — выносить их из казармы, из гарнизона... на гражданскую почву, чтоб они привились и начали куститься, цвести».

Оценили? Поняли, к чему призывает Проханов? «Куститься» и «цвести» будут казарменные ростки на нашей земле! Но это еще не все. Уж если человека можно государству «использовать», разрешается, уж если по нашей земле расцветут гарнизонные «цветочки», то

неужели перед всем миром остановимся? «Может, это утопия, — грезит Проханов, — но мне хочется верить, что... возникнет как бы всемирный надармейский суперштаб, составленный из них и из нас».

Переведем дыхание. Весь мир — под «надармейским суперштабом», да с казарменными цветочками, пущенными по разным там университетам с их «пацифистами»! Разве не такое будущее вымечтало себе человечество?

Кстати, идеи Проханова, высказанные им еще более откровенно в интервью газете «Ленинградский рабочий» (24 июля 1987 г.), получили полную поддержку небезызвестной Н. Андреевой — в той же газете (9 октября). Н. Андреева — восторженный почитатель как «размышлений» Проханова, так и его художественных произведений. Так, его роман о войне в Афганистане «Дерево в центре Кабула» она называет «одним из лучших в нашей литературе текущего десятилетия». Безоговорочно присоединяется Н. Андреева к следующим идеям Проханова: «Полностью разделяю тревогу Проханова за некоторые признаки ослабления руководящей роли партии, обострения общественных противоречий», «согласна, что ничего не сулят нам хорошего компромиссы в области идеологии и культуры». Мы только начинаем широкий процесс демократизации общества, а Н. Андреева, «заединица» А. Проханова, тоскует по утраченному порядку. «Я иногда думаю: неужели есть искренне считающие, — возмущается она вслед за Прохановым, — что без жесткой централизации управления социально-экономическими процессами, без идейно-политической консолидации, опираясь на принципы рыночной экономики, в кратчайшие исторические сроки мы бы смогли создать современную индустрию...?» Так одним росчерком пера оправдываются миллионные народные жертвы.

В этой статье, своего рода прологе к «письму» в «Советской России», Н. Андреева поддерживает и ностальгические вздохи Проханова о «мегагосударстве», о «старшем брате» (последнее выражение не из Дж. Оруэлла, а из заметки Андреевой). Но в «Ленинградском рабочем» у Проханова есть и более сильные выражения. Так, он пугает, что, осуществляя перестройку, формируют суперменов; предлагает сконструировать специальный механизм, призванный снять «антисоциалистический эффект перестройки»; пугает, что нам придется переселяться в Мексику или Китай, чтобы... жить при социализме. Есть у Проханова идеи и менее глобальные: например, он утверждает, что с помощью телемостов буржуазия... разрушает социалистическую идеологию нашего народа. Уж не вернуться ли опять к испытанному десятилетиями «железному занавесу»? Насколько было бы спокойнее Проханову и Андреевой жить! И за социализмом, главное, не надо было бы никуда ездить. Кстати, непонятно только, какой китайский социализм имеется в виду — маоистский? Имели его по горло — казарменного! с «жесткой централизацией»! — в своем собственном «мегагосударстве».

НЕПОНЯТЛИВАЯ ЛИКА

Словно по заказу к «утопии» Проханова о суперштабе подоспели в журналах публикации нескольких антиутопий: знаменитый «О дивный новый мир» О. Хаксли («Иностранная литература», 1988, № 4), «Скотный двор» Дж. Оруэлла («Родник»), роман Е. Замятина «Мы» («Знамя», 1988, № 4, 5), платоновский «Чевенгур», философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы» («Юность», 1987, № 9). Во всех этих произведениях воссозданы гротескные картины торжества казарменной идеологии.

Это я перечислила «антиутопистов». А утописты? Один Проханов.

Правда, его «утопия» больше смахивает на вселенскую аракчеевщину. А еще на «систематический бред» Угрюм-Бурчеева, который «вознамерился» возвести свой город «на степень образцового» следующим образом: «Всякий дом есть не что иное, как поселенная единица, имеющая своего командира и своего шпиона... и принадлежащая к десятку, носящему название взвода... Пять взводов составляют роту, пять рот — полк. Всех полков четыре, которые образуют, во-первых, две бригады и, во-вторых, дивизию... Над городом парит окруженный облаком градоначальник, или, иначе, сухопутных и морских сил города Непреклонска обер-комендант, который со всеми входит в пререкания и всем дает чувствовать свою власть». Чем не прохановский суперштаб? «Тем не менее, — горько замечает сатирик, — когда Угрюм-Бурчеев изложил свой бред перед начальством, то последнее не только не встревожилось им, но с удивлением, доходящим почти до благоговения, взглянуло на темного прохвоста, задумавшего уловить Вселенную... Эти поселенные единицы, эти взводы, роты, полки — все это, взятое вместе, не намекает ли на какую-то лучезарную даль... Что же это, однако, за даль? Что скрывает она? — Ка-за-р-мы! — совершенно определительно подсказывало возбужденное до героизма воображение».

Маркс с гневом осуждал идею казарменного коммунизма. За сталинское извращение идей социализма в нашей стране, за идеологию «нарастания классовой борьбы», за казарменное отношение к литературе и искусству народом заплачено невосполнимыми жертвами. Именно против грядущего казарменного коммунизма предостерегал А. Платонов в романе «Чевенгур». Сам писатель прошел нелегкий путь прозрения — от безудержного убеждения в необходимости «страшного суда, рабочей расправы», «свирепой ликвидации старого «жлобского хозяйства», в отмене «ненужных и вредных философии, религии, искусства» к «горестному самопокаянию», как назвал роман «Чевенгур» критик И. Виноградов. Это Платонов был убежден, что «дело социальной революции — уничтожить личность», что ради торжества идеи всемирного коммунизма «планеты с пути сметем огнем». Ранний Платонов.

Чтобы понять смысл и значение «Чевенгура», проникнуть в сложное сплетение его идей, от читателя требуется серьезный труд души. Иначе развращенный легкоусвояемым чтивом потребитель будет продолжать строго спрашивать с писателя — наподобие непонятливой Лики из бунинской «Жизни Арсеньева»:

«Я читал:

*Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли...*

Она спрашивала:

— Какие змеи?

И нужно было объяснить, что это — метель, поземка».

Непонятливая Лика не требовала к ответу Фета — за неизвестностью каких «змей». Непонятливый читатель «Чевенгура» уже не сомневается в своем праве учить писателя Платонова и пишет возмущенное письмо в редакцию. Прогресс налицо.

Однако стоит открыть страницы разделов критики некоторых газет и журналов, как убеждаешься, что домашние претензии непонятливой Лики — вкупе с казарменными рекомендациями в стиле Проханова — усвоены сегодня в качестве «новой эстетики».

Вышла, скажем, в свет философская сказка Фазиля Искандера «Кролики и удавы» («Юность», 1987, № 9). В социальном гротеске Искандера удавы за-

глатывают кроликов, предварительно их гипнотизируя. Но один из кроликов, Задумавшийся, путем наблюдений и опытов приходит к неожиданному выводу: «Наш страх — это их гипноз. Их гипноз — наш страх». Преодолеть в себе страх — значит победить насилие. Король кроликов спокойно предаст Задумавшегося на «отглот» удавам, ибо непокорные одиночки могут нарушить негласный договор. Бойтся Король, что кролики всерьез задумаются — и о том, что их собственное кроличье счастье построено на лжи и воровстве. Можно прочесть сказку как гротескную историю — тем более что у этого жанра есть великий отечественный родоначальник Салтыков-Щедрин. Опыт художественной национальной самокритики, предпринятый Искандером, важен для очищения общественного сознания, для избавления от застарелого страха, от социального гипноза. Напомню, что и в повести «Старый дом под кипарисом» («Знамя», 1987, № 7) Искандер писал: «Без желания гипнотизируемых быть загипнотизированными предприятие уже не имело бы такого грандиозного успеха». Самое опасное для гипнотизера — это смех в зале. Но «непонятливая Лика» и здесь тут как тут. Систему, саркастически изображенную Искандером, критик А. Казинцев, нарочито исключив главное в сказке Искандера — смех, гротеск, фантастику, — трактует как создание образа «если не социальной, то природной гармонии» («Наш современник», 1988, № 2). Непонятливый критик свел сатиру к «насмешке» над народом.

Казинцев ищет в антиутопии Искандера положительного (упорно держимся за каноны казарменной эстетики!) героя и очень обижается, когда единственный, кто, по его мнению, мог бы взять на себя функцию резонера — Задумавшийся, — допускает отклонение от «задушевного настроя речи» (это в сатире-то?!). Критик гневно осуждает Искандера за жанр, а затем, присваивая себе право говорить от лица «трагического народа», высокомерно выговаривает писателю за то, что он отделил свою позицию от сатирически изображенного мира: «Автор рассматривает персонажей как бы с другого берега, они чужие для него. Он без колебания, без сердечного содрогания признает железный детерминизм, обрекающий их на роль «туземцев», «кроликов». «Он соглашается рассматривать историю под таким углом зрения, который превращает мир в скотский хутор, а людей — в его обитателей». В этом обвинительном заключении, написанном с ханжеским пафосом, все поставлено с ног на голову. Автор-сатирик всегда рассматривает свои персонажи отчужденно. Странно было бы выговаривать Гоголю, скажем, за отсутствие сердечного содрогания при изображении в «Ревизоре» взяточников-чиновников, или Салтыкову-Щедрину — за то, что и Органчик, и все радостно приветствующие его начинания, да и вся история написана им отчужденно. Вернее, сердечное содрогание есть и у Гоголя, и у Салтыкова-Щедрина, и у Искандера, но оно происходит от чувства ужаса и отвращения, охватывающего авторов при описании мерзостей российской жизни или русской истории. Как осмелился Салтыков-Щедрин превратить ее в «буффонаду»? А Крылов с его мужиками, медведями и осликами? Явно замалчивается на «народ»!

Читатель и критик тоже должен обладать фантазией, если он начинает судить о фантастике. Иначе попадешь впросяк.

Басни Крылова тоже при своем появлении подчас трактовались суровыми критиками буквально. И на этом основании автор подвергался ostracismu. «Можно ли, — выговаривал Крылову современник, — чтобы щука ходила с котом на ловлю мышей, чтобы мужик нанял осла стеречь свой огород, чтобы у другого мужика змея бралась воспитывать детей, чтобы щука, лебедь и рак впрягались в один воз?»

Отсутствие воображения подтверждают и размышления Казинцева в связи с журнальной иллюстрацией. «Для лучшей ясности Питон изображен с руками, одна из которых заложена за борт френча — жест, хорошо знакомый читателям старшего поколения, да и не только им, а другая — жест столь же характерный — убрана за спину (руки у питона — это, конечно, верх нелепости, но, видно, на что только не пойдешь в рвении обнаружить тенденцию)». Хочется спросить: а речи Питона, кроликов, удавов (а также крыловских Муравья, Стрекозы и прочих) разве не вызывают такого же возмущения у блюстителя литературных нравов? Следуя такой «методе», не пора ли, наконец, поставить на место Николая Васильевича Гоголя с его Носом, не только живущим самостоятельной жизнью, но и пробравшимся в статские советники?! И вообще — если отдельные части лица нахнут свободно разгуливать по страницам отечественной словесности, то не поколеблются ли устои? «Напомню, — докладывает Казинцев, — произведение Ф. Искандера опубликовано в молодежном журнале. Оно обращено к самому пылкому, впечатлительному и доверчивому читателю. Легко представить, как отразится на формировании этого читателя знакомство с подобными произведениями». Помнится, и Жданов в своем погроме все упирал на то, что плохо-де влияют Ахматова и Зощенко на молодежь. Набор отстоявшихся аргументов, как видим, невелик. В сказке Искандера Казинцев углядел даже зловерный для общества умысел: «Побудить людей опустить руки, разувериться в возможности торжества добра и справедливости — это ли достойная литературная задача?» Так и видишь человека, который активно трудился, а прочитав сказку Искандера, прилег на диван да так и лежит, разуверившись в добре.

В мартовском номере «Нашего современника» за 1988 год опубликована рецензия Вс. Сахарова на повесть С. Антонова «Васька». Игнорируя эстетическую специфику произведения (в котором тоже важнейшую роль играют смех, сатира), отвлекаясь от повести Антонова в принципе (да она ему и не так уж нужна, Антонов послужил лишь поводом для высказывания затаенной мысли), Сахаров пишет: «Не хочется вступать в упорно навязываемый нам бесплодный спор о том, что в свое время мы «неправильно» строили, «неправильно» воевали и т. п.».

Позиция Казинцева и Сахарова совпала.

Маленькое отступление.

Я не хочу сказать, что сказка Искандера или антоновская повесть «Васька» лишены недостатков и критике не подлежат. Вовсе нет. Не хочу уподобляться М. Лобанову, который в статье «История и ее «литературный вариант» предвещает инвективы в адрес Б. Окуджавы кокетливым предисловием, в котором объясняет, что он мог бы «покривить» некоторых псевдопатристических авторов, но гордо отказывается от этого и вот по какой причине: «того и гляди, угодишь в недруги: «своих бьешь?!» («Молодая гвардия», 1988, № 3). Нет, не может Лобанов бить «своих»... по причине, конечно же, групповой, пожалуй, впервые так ясно сформулированной. Спасибо ему за откровенность. Вот Б. Окуджава, безразлично именующий «Поэтом-песенником», не «свой», так с ним можно поступать как заблагорассудится: и сюжет извратить, и текст обрубить, и представить его антипатриотом — даром, что ли, у него героини то полька, то французенка? Тут, не скрою, как на грех вспоминается и пушкинская Клеопатра, вовсе египтянка, или цыганка Земфира, да и Мария Кочубай была украинка... Тыфу-тыфу, бес попутал, лучше уж не задумываться. А то и Пушкина в антипатриоты зачислишь.

Для меня в отличие от М. Лобанова литераторы делятся не на «своих» и «чужих», а на талантливых и бездар-

ных. А художественные проблемы могут возникнуть и у талантливых.

Так вот: на мой взгляд, критики не приняли произведений Ф. Искандера или С. Антонова не из-за художественного несовершенства, а из-за того, что прозаики недвусмысленно объясняли, что мы «не так строили» и «не так» построили, что и вызвало уже в наше время к жизни твердое желание общества перестроить неправильно построенное.

Нет, упираются критики, не надо ничего переделывать. «От добра добра не ищут», — утверждает Вс. Сахаров, развывая метафору Московского метрополитена: мол, едут и едут себе в нем люди, и выходить (?) не торопятся, и другого нам не надо. То, что построено в 30—50-е годы, по мнению критика, не нуждается в переделках.

Спрашивается: кто же больше печется о народе: те, кто анализирует прошлое, или те, кто, обвиняя первых чуть ли не в антинародности, в «чуждости» простому человеку, на самом деле всячески противится демифологизации прошлого? Процесс мучительного переосмысления вызывает, оказывается, у вторых лишь ироническую усмешку. «Похоже, что сегодня всюду, и в литературе тоже, наступило время воспоминаний», — иронизирует Вс. Сахаров. — Вообще-то само по себе это обстоятельство удивительное и даже странное, ибо коренные проблемы текущей действительности таковы, что не до воспоминаний? Каково? И как перекликается с этими словами ирония Н. Андреевой из «Ленинградского рабочего»: «Может быть, действительно у нас сегодня нет более животрепещущих проблем, чем дискуссии вокруг неоднозначных и противоречивых явлений полустолетней давности?» Вс. Сахаров продолжает: «Стиль «ретро» заполнил журналы и экраны. Кто грезит о золотом советском червонце, кто о нэпе с его гибкой и прибыльной рыночной экономикой». Это кто грезит? Те, кто воссоздал эпоху массовых репрессий и террора, «сплошной» коллективизации и «чисток», бессудных расстрелов и инсценированных процессов, эпоху насилия, осуществляющегося в невиданных масштабах? И всю эту историческую боль автор «Нашего современника» снисходительно называет «бурными эмоциональными всплесками на поверхности потревоженной памяти»?

Нехитрая казарменная эстетика разработана ради стремления перечеркнуть произведение любой ценой, не гнушаясь передержками текста и деформацией авторской позиции. Но за нею, за этой «эстетикой», стоит более крупная задача: любой ценой попытаться скомпрометировать направление в литературе и искусстве, к которому, несмотря на всю «разность» художественных концепций, относятся и антиутопия Искандера, и пародийная стилизация С. Антонова, и психологические романы А. Рыбакова и В. Дудинцева, и «новый историзм» А. Германа, и трагический гротеск Т. Абуладзе.

Итак, для критиков, обучающих писателей сегодня, во что им обувать своих лошадей, существуют два рода памяти. Горячо приветствуется, скажем, в «Нашем современнике» № 4 возврат к памяти о том, как было все хорошо, оказывается, в глубокой старине («Будут избы красны старинной резьбой, чисто вымыт сосновый порог, да взлетит, словно встарь, над смолистой избой деревянный веселый конек»). Но память горькая — о недавнем страшном прошлом — почему-то не находит себе здесь приюта и поддержки.

Однако, несмотря на иронических недоброжелателей, искусство и общество в целом все более глубоко анализируют прошлое. Возвращение памяти — процесс не менее болезненный, чем процесс «манкуртизации», лишения человека памяти, превращения его в раба. Гарантий, предохраняющих от «манкуртизма», наше общество еще не изобрело.

РЕАБИЛИТАЦИЯ С ОГОВОРКАМИ?

Дмитрий Урнов тоже углубился в воспоминания — в журнале «Литературная учеба» (1988, № 2) он вспоминает то, что определяет как «отлучение Пастернака». Он, оказывается, прекрасно помнит этот, как он его называет, «эпизод». Вызвал ли он у совсем молодого тогда филолога гнев, негодование или хотя бы смущение? Ничего подобного: «То, что происходило в ходе «отлучения», вызвало у меня один вопрос: почему так грубо и неубедительно?» Не удерживается Урнов и от политического намека: «Спаси его мог только скандал, и большой скандал».

Навязываемая читателю логика такова: роман слабый до крайности, автору как-то надо его спасти, вот он и устроил скандал с «Новым миром» и на весь мир! Союз писателей исключил Пастернака, Семичастный со всех трибун обзывал его последними словами, — а, оказывается, Пастернак все это подстроил для спасения своего слабого романа!

Но вот сегодня роман напечатан. Наконец он стал доступен всем, и всякий волен сам прочесть и решить, «антисоветский» ли этот роман, «клеветает» ли его автор на наш строй. Это я употребила лексику тех времен, лексику разноса, от которой молодой тогда Урнов морщил нос: «грубо», «неубедительно».

Сегодня, во вполне сознательном возрасте он сам постарался сделать то же самое, но, как ему, видимо, кажется, поизыщней и поубедительней.

Ведь Д. Урнов все-таки человек образованный. Но вот какая странная происходит вещь: как только человек идет на службу неправде, теряет тот самый «стыд», о котором говорил А. Герман, так он теряет и всю свою образованность.

Исследование литературного героя ловко замещено оценкой (при этом персонаж оценивается как живой человек). Да и оценкой определения Урнова назвать трудно: «благополучный «пупс» до седых волос», «пустая душа». В понимании героя ученый, на мой взгляд, недалеко ушел от дворника Маркела (один из персонажей романа, ставший после революции управдомом и хамски издевавшийся над бывшими хозяевами). Определения Д. Урнова воспринимаются ныне как слегка отредактированный вариант маркеловской брани: «раззява», «курицыно отродье».

И ведь не стыдно! Ничего не стыдно!

Проханов, например, вставляет в свою статью красивую метафору — сегодня, говорит он, в «кислоту общественного самосознания погружаются ценности, и те из них, что оказываются мнимыми, эрзацами, растворяются, а все «истинное» — уцелеет». А вот Замятин: «Есть идеи глиняные — и есть идеи, навеки изваянные из золота или драгоценного нашего стекла. И чтобы определить материал идеи, нужно только капнуть на него сильнодействующей кислотой» (роман «Мы»). Подозрительное совпадение у литераторов столь разного стиля, уровня и направления мысли, не так ли?

Но поскольку антиутопист Замятин создал эту мысль-метафору ровно на шестьдесят восемь лет раньше утописта Проханова и сформулировал ее гораздо точнее (необязательно «погружать», надо лишь «капнуть»!), то оставим приоритет все-таки за Замятиным.

Стоит капнуть кислотой здравого смысла на теперешние думы «заединчиков» — возникает странное видение. За застойным болотом колеблются в его испарениях очертания уготованной обществу казармы. Говоря проще — лагеря. Вот потому-то и мешают им Пастернак, Бек, Дудинцев, Искандер, Сергей Антонов, Алексей Герман. Потому и пытаются изолировать их от читателя и зрителя мотками критической «колючки».

Но на наших глазах она ржавеет и распадается.

Я — бывший ведущий инженер бывшего Министерства просвещения СССР. Тридцать лет отдал проблемам учебного оборудования для школ, из них пятнадцать — в Минпросе. Участвовал в подготовке трех поколений перечней учебного оборудования и трех пятилетних планов создания новых учебных приборов. Способствовал созданию более тысячи наименований различных средств обучения, являюсь соавтором нескольких стандартов по школьному оборудованию, соавтором системы машинной обработки информации по учебному оборудованию и т. п. Я любил свою работу и горжусь тем, что удостоен знака «Отличник просвещения СССР» (еще до работы в Минпросе), медалей ВДНХ, медали «Ветеран труда». Пишу о себе только в качестве примера, мог бы назвать и других специалистов — моих коллег.

И вот теперь мы не у дел. За время, прошедшее с упразднения министерства, с нами никто из руководства даже не встретился. Очевидно, там превалирует мнение первого замминистра Коробейникова о том, что во всех бедах виноваты те, кто долго проработал в Минпросе.

Да, в условиях застоя трудно было пробивать новое. Да, не всегда результат был адекватен усилиям, и каждый настоящий специалист тяжело это переживал. Но не специалисты тому виной. Категория квалифицированных исполнителей всегда была бесправной, не она определяла политику, она не имела никаких привилегий, да и зарплата — не позавидуешь. Работали не за страх, а на совесть. Но вот и теперь эта же категория в козлах отпущения, мечется в поисках работы. Начальникам пристроиться куда легче.

А между тем в кабинетах рождается структура нового Госкомитета по народному образованию. Негласно. Без обсуждения специалистами. До нас доходят только слухи, слухи...

Не приобретает ли перестройка управленческого аппарата характер еще одной кампании, где с легкостью необыкновенной всех стригут под одну гребенку, судя не по делам, а по принадлежности к той или иной организации, огулом объявленной «бюрократической», «застойной» и т. п.? Ведь уже уважаемые люди без тени смущения заявляют, что у нас «18 миллионов бюрократов».

Не дорого ли обходится стране списывание в расход квалифицированных специалистов? Не напоминает ли все это пресловутое «лес рубят — щепки летят»?

Михаил Федорович КОЛПАКОВ
Москва

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ИЩУ УТРАЧЕННУЮ ПРАВДУ

Монолог народного артиста СССР,
главного режиссера
Ленинканского театра имени А. Мравяна
Хорена АБРАМЯНА

То, что происходит на нынешней сцене, не может удовлетворить ни зрителей, ни профессионалов. Я говорю «Не верю» большинству из того, что вижу сейчас на сцене, в кино, по телевизору. И дело не в мере одаренности: бездарности, как и таланты, существовали всегда и всюду. Я говорю о той форме, в которой преподносится зрелище, об основах нашей актерской школы. Давно я не видел по-настоящему волнующих постановок ни у нас, в Армении, ни в Москве, ни в Ленинграде, ни в Киеве.

Каждый понедельник по телевизору показывают спектакли, и, я уверен, зрители думают, что имеют дело с настоящим искусством, не догадываясь, что их обманывают, закармливают бесконечными суррогатами. И уже настолько привыкли к ним, что не могут, не готовы воспринимать подлинное. Иногда мне кажется, что снова пришло время для ликбезов, что пора вспомнить элементарные истины, например, того же К. С. Станиславского, который на вопрос, что же разрушает театр, отвечал — резонерство и штамп! И пересмотреть наши отношения с Мейерхольдом, Вахтанговым, Таировым, открыть заново их уроки в реальной практике, потому что режиссерские и актерские шаблоны уже разъели живую душу театра. Во власть штампов попадают даже самые талантливые артисты — это особенно тревожно.

Почему же тогда Джек Николсон, Аль Пачино, Дастин Хофман или Марлон Брандо не устают работать на износ? Почему они все время «набирают очки», а я, например, со временем их теряю? Может быть, на самом деле отдача напрямую зависит от денежного вознаграждения? Но ведь они — миллионеры и, казалось, могли бы позволить себе побережь здоровье и расслабиться?.. Но нет — каждый жест отшлифован, малейшее движение выверено, за любым взглядом — глубина целой жизни, и за всем — работа, работа, работа... Поворот головы, еле заметная улыбка, вот актер внезапно подмигнул — какая точность и оправданность! На таком же «чистом масле» работал наш Анатолий Соловьев.

Сейчас появились уже целые поколения актеров, которые не утруждают себя работой на сцене. Я называю их «говорящими», они играют в лучшем случае ртом, а все остальное не участвует, весь психофизический аппарат бездействует. И мы сами учим их этому в институтах! Значит, считаем — ничего, и так сойдет, значит, сами забыли о требовательности. И что же — актеры произносят текст, иногда даже старательно, «со слезой», а у меня не проходит ощущение, что это обман, не настоящая игра, а страшное вообще, тогда как Николсон или Брандо — это абсолютно конкретно! Бесспорно, не все американские актеры так правдивы и убедительны, но важна тенденция.

Мы заблуждаемся, думая, что мертвый театр нечто аморфное, бессильное, нет, он обладает воинствующим, агрессивным характером. И к тому же он долгожитель, Кашей Бессмертный: мертвому не суждено умереть, погибнуть может лишь живое.

И дело не в актерских ухищрениях, которые не могут обмануть даже детей. Эти «штучки» есть отработанный ак-

терский штамп, а необходимо каждый раз искать живые, характерные подробности, присущие только этому человеку, образу, а не какому-либо другому. Для меня такие подробности очень важны, и я готов повторять бесконечно вслед за Гете, что подробности — это бог. Точно найденные детали и верно отобранные подробности вкпе составляют то, что я называю биологической правдой. Я настаиваю на важности этого понятия для нашей профессии. Кому-то биологическая правда на сцене кажется смешной, неприемлемой, неприличной... Я не призываю плевать в театр, — речь не о «подзаборном» реализме, — но в своих спектаклях я пытаюсь добиться от актера настроенности на лад биологической правды.

А как точно, хорошо чувствует подробности Шекспир! При поистине шекспировском размахе страстей он никогда не забывает о «малом», о деталях. Это идет от его глубокого знания и биологии человека, его плоти, и театра. Например, перед последней сценой у него всегда есть передышка, пауза, когда зритель и актер могут перевести дух, — вот такое бы нам с вами понимание театрального ремесла!

Я вспоминаю, как Отелло — Лоуренс Оливье ходил босиком, какой-то странной походкой, передвигаясь всем телом, с красной розой в руке, — казалось бы, элементарно, но как это было красиво! И зритель сразу проникался доверием и к герою, и к актеру, потому что видел здесь не случайность, не прихоть, а мавра, который жил в пустыне, оттого и сохранились у него привычка ходить босиком и особая манера передвигаться по песку.

Шекспир требует таких глубоких обоснований во всем. Когда я ставил «Отелло» на сцене театра имени Г. Сундукяна, то ясно увидел, что как металл накаляют и разливают по формам, так Шекспира надо «примеривать» к нам, нашим проблемам и трагедиям, а не наоборот.

Кстати, напомним: считалось, что если армянский актер не играл Шекспира, то, значит, он в чем-то неполноценен. А Ованес Туманян высказался еще более категорично: о культуре данного народа можно судить по его отношению к этому великому англичанину. Поразительный смысл скрыт в этой будто бы простой формуле. Она очевидна, но какая-то в ней есть тайна и догадка одновременно. В самом деле, почему именно Шекспир? Вряд ли можно найти здесь логическое объяснение, но правота несомненна, и она ощущается именно и особенно по отношению к Армении с ее традиционной любовью и едва ли не родовой корневой связью с Шекспиром (вплоть до имен, которыми называют детей не только в городах, но и в далеких селениях, — где вы еще встретите столько Гамлетов, Лазртов, Офелий, Дездемон?).

Но главное, наверное, в другом. Армяне исторически связаны с трагедией, нашему национальному духу не могут не отвечать философия страдания, трагический пафос шекспировских титанов, пафос борьбы. Шекспир поразительно

совпал с чувством и судьбой целого народа, который стоял на пороге физического уничтожения.

И все же трагедии пишутся и сейчас, причем — любопытно — в основном национальными авторами. У нас в Армении не одну трагедию написал ведущий драматург республики Перч Зейтунцян. Все они сделаны на так называемом историческом материале, и это не исключение, а правило, ведь прошлое можно осмысливать сквозь призму трагического, а современность — нет, хотя XX век — одна из самых трагических страниц в книге человеческой цивилизации.

У нас, например, долгое время упорно отрицалось, что советский человек может быть одиноким. Потом весьма неохотно допустили предположение об одиночестве старости, затем «узнали» о страданиях подростков от непонимания и отчужденности. Это предисловие к вопросу о трагедии. У нас ведь подвергался сомнению даже жанр «оптимистической трагедии». Однако то, что произошло в Чернобыле, — разве это не трагедия? Можно было бы привести много примеров трагического в нашей жизни. Я не говорю уж о таких напряженных моментах бытия любого человека, как разлука, разочарование, предательство, любовь, ревность, смерть. Я имею в виду не безысходность и смирение, а то, что мы умудрились каким-то образом даже на смерть смотреть оптимистически, а в лучшем случае просто не замечать ее.

Как может тот же Перч Зейтунцян писать трагедию о днях сегодняшних, когда его всегда «били» за пессимизм, даже в драмах. Когда я впервые познакомился с Перчем в конце пятидесятых, все в театральной Армении восхитилось его пьесой «Наш квартал», однако поставить никто не рискнул: дескать, слишком грустные его герои, а молодым ереванцам это ведь несвойственно! После этого Перч долго не писал пьесы, и лишь спустя десять лет он решил возвратиться в театр, задумав трагедию о царе Аршаке II. Исторической ее можно назвать только условно — она о нас, о нашем времени. Царь считался дураком — он мыслил иначе, чем его современники, он опережал свою эпоху. Построил город Аршакован, жителей которого освободил от налогов и поборов, надеясь, что пробудится любовь к родине, что будут они ее защитниками. Но — ошибся! Трагическое прозрение привело моего героя к самоубийству — исторически этот факт не доказан, но тема и логика пьесы требовали этого. Во время гастролей театра имени Г. Сундукяна в Болгарии и Чехословакии именно «Легенда о разрушенном городе» (поставленная мною совместно с Р. Капланяном) пользовалась наибольшим вниманием публики — в силу трагической и национальной природы конфликта. Оказалось, что интересно как раз ярко выраженное национальное.

Следующая наша творческая встреча с Перчем была связана с работой над фильмом «Хроника ереванских дней» (режиссер Ф. Довлатян). Эта картина

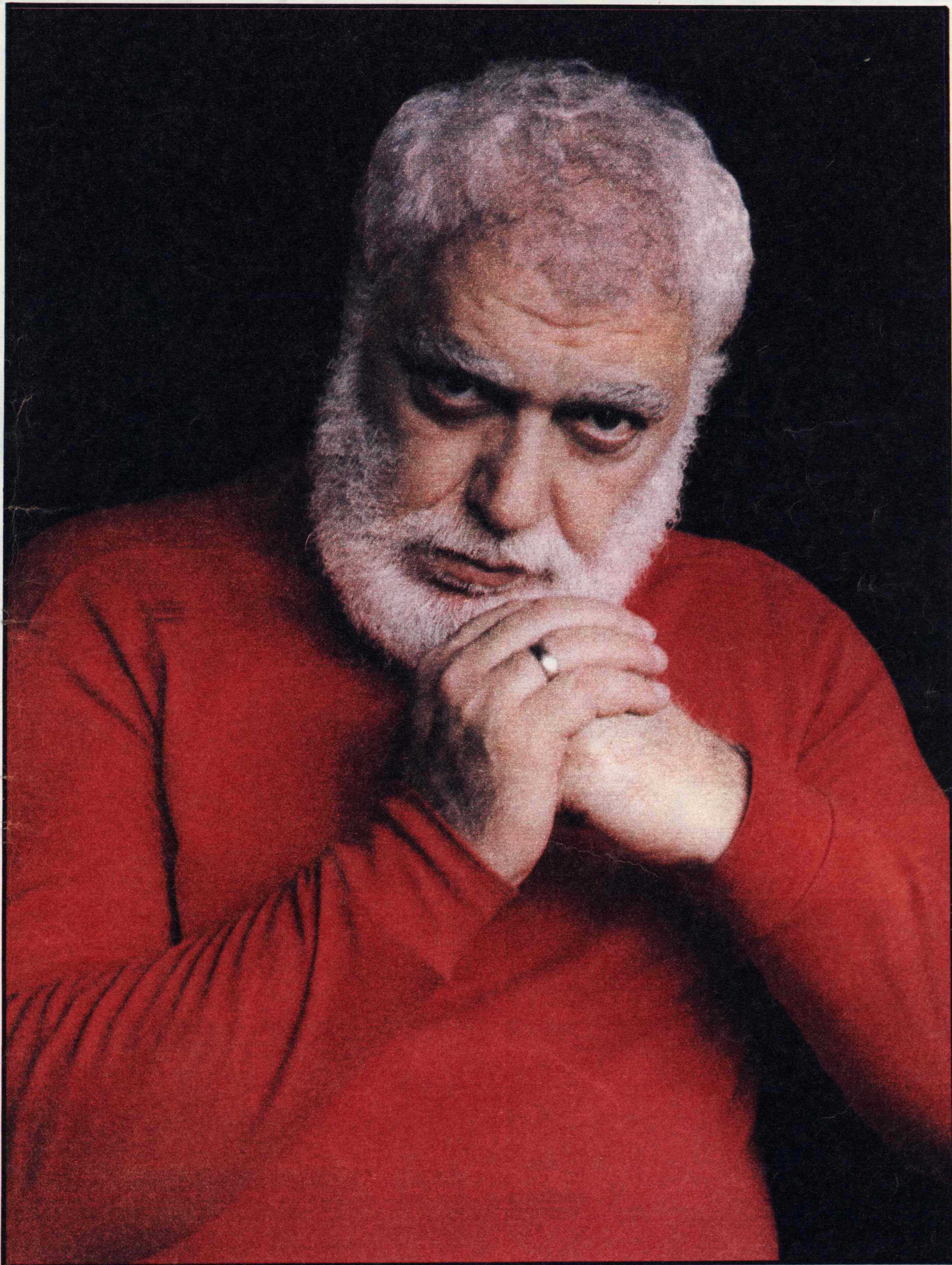
была, по-моему, самой настоящей современной трагедией. Она совпала и по времени, и по сюжету с фильмом О. Иоселиани «Жил певчий дрозд», и также сильной была разнородность во мнениях — вплоть до яростного неприятия: почему мой герой не радуется жизни, зачем умирает, когда «можно жить и веселиться»?

В финале он выходит утром из дома, соседний мальчик стреляет в него из игрушечного пистолета — и герой умирает: выстрел «случайно» совпал с разрывом сердца. Считалось: разве может «обыкновенный» человек, да еще, к примеру, негероической профессии, ненавидеть, сомневаться, реагировать на происходящее вокруг не половинчато, а до обморока?! Разве можно сейчас любить, как Ромео, ревновать, как Отелло, стремиться к власти, как Ричард?! Так что, видите, вопрос о возможности трагического на нашей сцене и по сей день остается открытым. А история с тем же «Неоконченным монологом» Зейтунцяна? Я работал над этой пьесой (как актер и режиссер) около двух лет, потому что никак не давали ставить, и сдавали раз пять, — конечно, я понимаю, что сейчас подобные откровения уже потеряли свою оригинальность и остроту, но, поверьте, у нас в Армении мало что изменилось. Разговоры разговором, а в театре и кино все остается по-прежнему. Опять вынужден сказать банальность, но как важно вовремя поддержать что-то новое, смелое, рискованное! Потому что проходят годы, и то, что когда-то было важно и ново, неизбежно становится общим местом. В 1981 году, когда мы ставили «Монолог» на сцене театра имени Сундукяна, проблемы были остры и неожиданны: человек совершает государственно нужное и полезное, необходимое дело, которое невозможно сделать, не обойдя государственные же законы. Отношение человека к работе и отношение к законности — вот что нас интересовало. Можно ли добиться хорошего результата (речь шла о строительстве), соблюдая уголовный кодекс? И снова начались нескончаемые споры: «положительный» или «отрицательный» герой Рафаэль Аветяна и тому подобные несуразности, не имеющие никакого отношения ни к искусству, ни к действительности. Перч заболел нервным тиком, затем перенес инфаркт, а потом на съезде Союза писателей «Неоконченный монолог» беззастенчиво был представлен едва ли не как лучшее достижение сегодняшней армянской драматургии! Времена-то изменились, и теперь надо побыстрее подстраиваться под «новые веяния»! Вот вам еще один пример откровенной демагогии, девальвации идей и слов. Сейчас «Монолог» благополучно идет на сцене Ленинканского театра, значительно потеряв в своем весе, ведь вышло, что мы машем кулаками после драки.

Театр мог бы сейчас куда более мобильно реагировать на главные вопросы жизни, если бы ему долгие годы не мешали, не ставили бесчисленных преград его творческой инициативе и самостоятельности...

Записала
Ирина ВЕРГАСОВА.
Фото
Виктора БАЖЕНОВА.

A R R T T T 3 3 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

В ГОРОДЕ ИЖЕВО

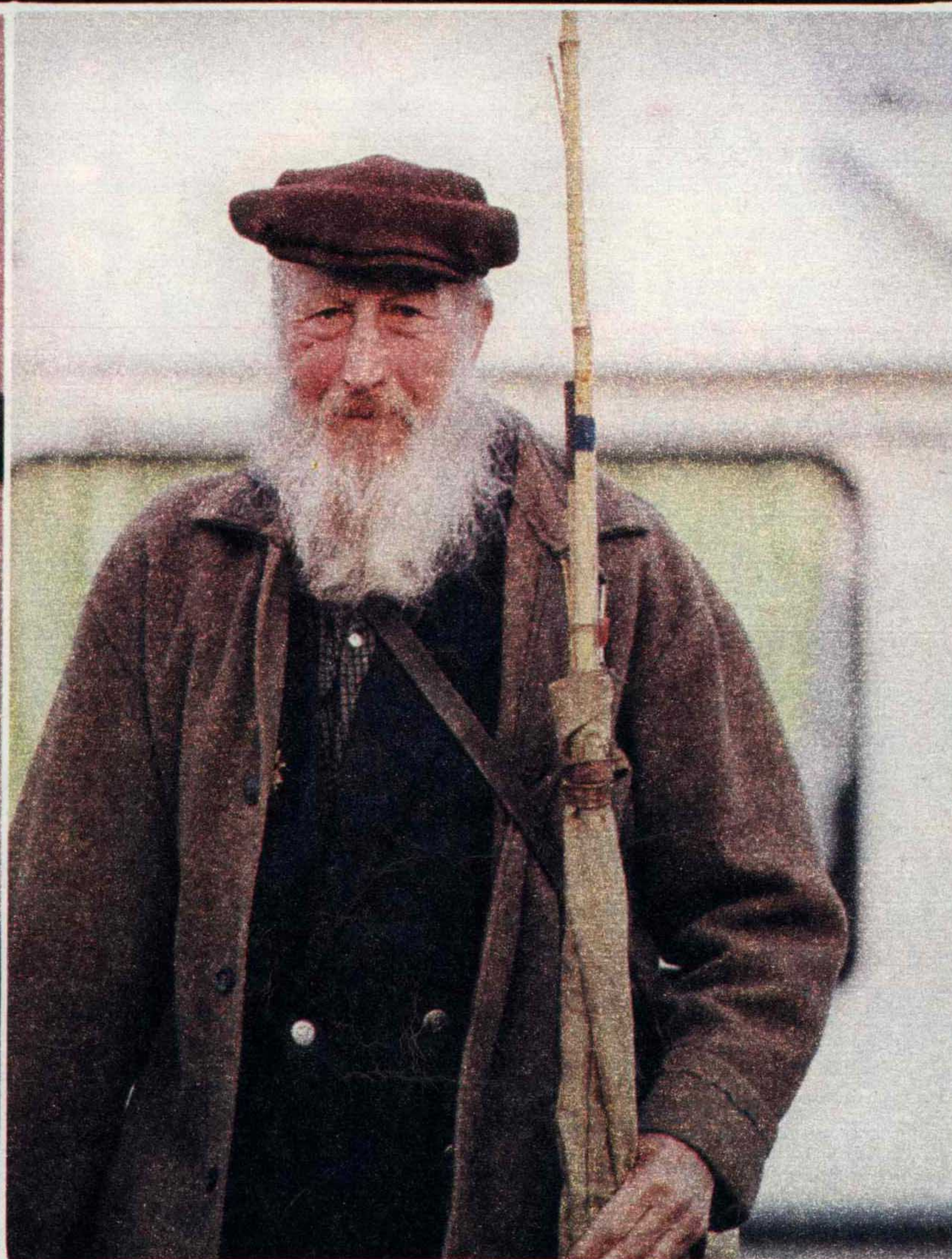
Олег ХЛЕБНИКОВ,
Геннадий КОПОСОВ (фото)

В последнее время об Ижевске узнали все, даже те, кто не подозревал о существовании этого большого промышленного города между Волгой и Уралом, столицы автономной республики. Первым из наших — одним росчерком чьего-то весомого пера — переименованных городов он вернул себе данное от рождения имя. По сравнению с соседними Набережными Челнами, не говоря уж о далеком Мариуполе, все еще увековечивающем Жданова, Ижевск недолго назывался чужой фамилией. Да и, пожалуй, ему больше повез-

СКЕ...

ло: не такая в сегодняшнем восприятии трагикомическая, как соседям, не такая страшная, как южанам, досталась...

Однако ничего себе повезло! Город — живой организм. Как у человека, у него есть дата рождения, детство, юность... Только попробуйте представить себе, что такое произошло лично с вами! всю жизнь были Петей, а в один далеко не прекрасный день проснулись Митей. И доказать, что вы все-таки Петя, никому не можете... Нелепо? Унизительно? Бессмысленно?

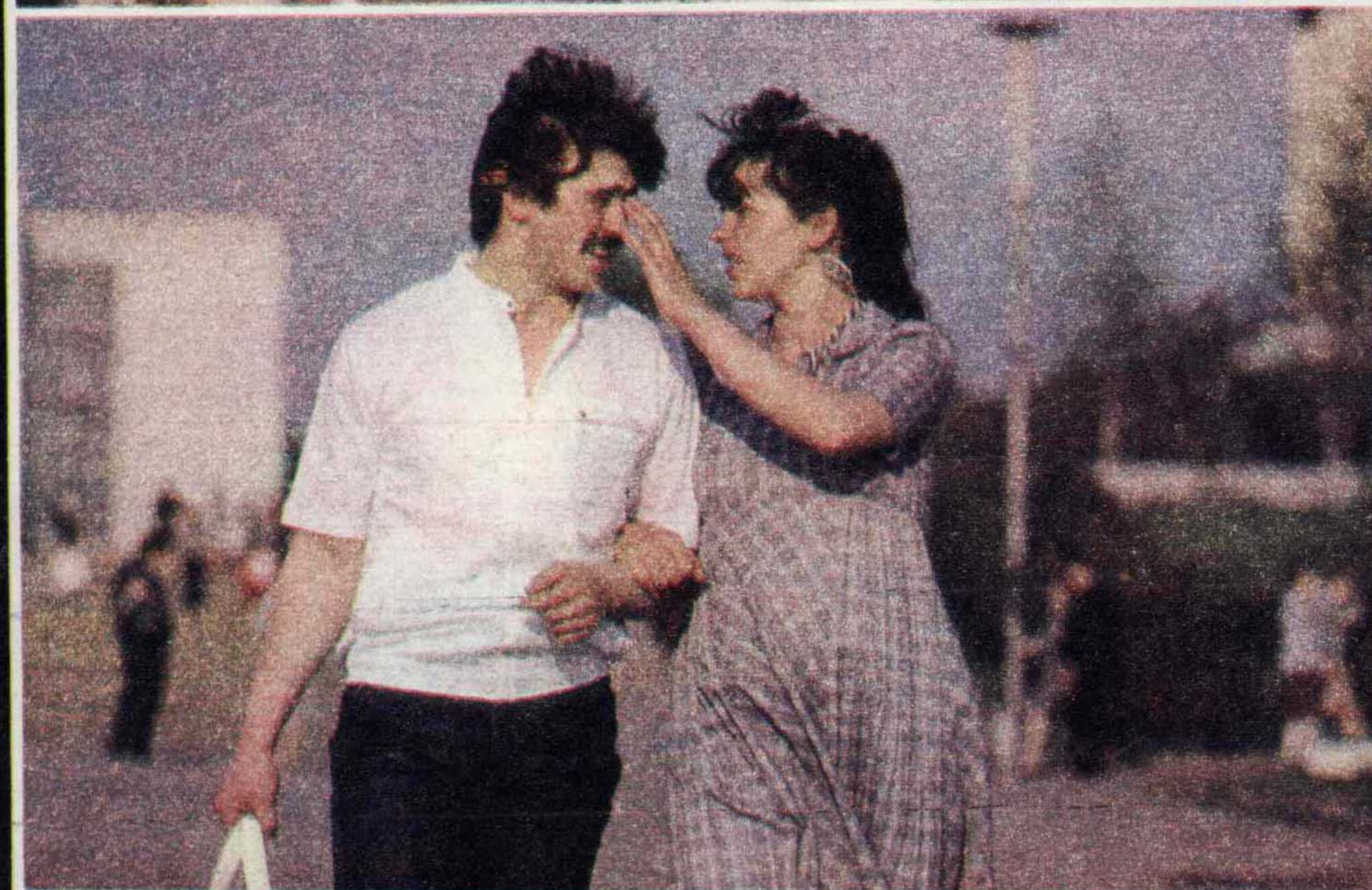
Когда Ижевск переименовали в Устинов, выяснилось, что в большинстве своем ижевчане — за исключением наиболее высокопоставленных — любят свой город. За возвращение ему законного имени буквально бились тысячи горожан — и рабочие, и интеллигенция, и студенты, и школьники, и пенсионеры. Целые производственные коллективы, учебные классы писали письма куда только можно, смельчаки выступали на собраниях. А однажды даже вышли с транспарантами на городскую площадь

у кинотеатра «Колос» (бывшая Александровская лавра). Надписи на транспарантах были, по-моему, предельно невинными: «Мы не против Дмитрия Федоровича, мы — за Ижевск!». Петя не хотел называться Митей, даже Дмитрием Федоровичем. Всего-то

Заблаговременно узнав о готовящейся демонстрации, городские власти устроили в злосчастное воскресенье сдачу норм ГТО и военную подготовку в школах и вузах города. Но все равно площадь оказалась заполненной молодежью, иначе понимающей готовность к труду и обороне, чем ей внушали. Эту самую (ах, уж эту!) молодежь по-тихому, без дубинок и слезоточивого газа, конечно, рассредоточили по улицам, переулкам и отделениям милиции города. Многие вышедшие на площадь поплавились за свою активную гражданскую позицию — исключением из вуза, выговором, «проработкой», кому как повезло. Интересно, восстановлена ли сейчас в каждом конкретном случае справедливость?

Вместе с именем Ижевска запретили упоминать — во всяком случае, в печати — еще несколько имен. Среди них — Евгения Федоровича Шумилова, краеведа, знающего и любящего историю Ижевска, как никто. Его заметки об истории старых улиц и зданий города перестали появляться на страницах местных газет. Перестали писать и про создателя первого в городе юношеского автомотоклуба, собирателя старины Анатолия Васильевича Новикова. А когда молодежная газета «Комсомолец Удмуртии» попыталась опубликовать подборку писем об отношении ижевчан к переименованию, ее (подборку) с полосы сняли, хорошо, что редактора С. Гулина не успели — вмешалась центральная пресса...

Зато на стенах и заборах вместо привычных и почти незамечаемых, как артики в английском языке, слов все чаще и чаще стало появляться одно заветное: ИЖЕВСК. А из киосков исчезли годами лежавшие там альбомы с видами города и значки с изображением заводской башни с колонной вместо шпиля, ставшей его символом, — только потому, что слово «Ижевск» на них не успели или не сумели, или посчитали в этом случае нерентабельным замазать, вытравить и написать сверху УСТИНОВ.

Но успели многое. Центральную гостиницу «Ижевск» — и ту разжаловали просто в Центральную (вот какое нехорошее слово «Ижевск» — не зря на заборах пишут!). И на железнодорожной станции, которая дольше всех держалась из-за немалых экономических затрат в противном случае, в конце концов имя покойного маршала водрузили. Даже знаменитый своей красотой и размерами (14 км в длину, 5 — в ширину) Ижевский пруд запретили называть Ижевским (да и прудом тоже — мол, просто водохранилище), хотя уж он-то от реки Иж получил свое название, которая как будто ни в чем не виновата, скорее перед ней виноваты — в загрязнении. Правда, ее, речку, переименовывать в Ус, например, не решились — неудобно как-то... Грязный бы получился Ус, в масляных разливах.

В целях пропаганды личности Дмитрия Федоровича Устинова, не являющегося уроженцем Ижевска и поэтому многим ижевчанам не слишком хорошо знакомого, удмуртское телевидение показало документальный фильм о былом приезде Устинова в Ижевск, на п/о «Ижмаш». Кончался фильм кадрами нестальгическо-мистическими: «А в заключение, дорогие ижевчане, — сказал покойный маршал рабочим и служащим «Ижмаша», — разрешите передать вам привет лично от Леонида Ильича Брежнева!» (тоже соответственно к тому времени покойного).

Когда многомесячная борьба ижевчан и друзей города увенчалась-таки победой, вздохнули с облегчением все. Даже старушки благодарно перекрестились: «Слава богу, в Ижевске родились — в Ижевске и помрем!» Даже те, наконец, дух перевели, кто всю свою

идеологическую работу свел к вытравлению любых проявлений нормальной человеческой памяти.

А жизнь города потекла по привычному руслу. Победители в многотрудной борьбе, как в недавнем Устинове, так и в дорогом сердцу Ижевске, каждый месяц получают талоны на 700 граммов масла и 1 килограмм мяса на человека. По-прежнему охота за колбасой практически полностью решает проблему свободного времени ижевчан — в основном тружеников заводов и фабрик. А вот любимым местом отдыха после трудового дня стали для них в последние годы наряду с «колбасными» очереди в винно-водочные магазины...

Хотя, надо сказать, в Ижевске есть четыре профессиональных театра, в которых случаются и удачные спектакли, и дворцы культуры, и кинотеатры, и выставочные залы здесь тоже, конечно, есть. Кроме того, ежегодно в Ижевске проводится фестиваль Чайковского, который, как известно, родился неподалеку от Ижевска — в Воткинске. Так же ежегодно в Ижевске проходила до недавних пор Всесоюзная юморина (по-моему, такое помнит еще только Одесса), на юморину приглашались лучшие студенческие коллективы со всей страны.

Однажды по просьбе Студенческого театра эстрадных миниатюр Ижевского механического института, где тогда учился, я написал шутилку песенку про родной город. Не претендуя на обобщения, шаржированно попытался нарисовать его портрет. Вот что получилось:

*В городе Ижевске тихие погоды,
В городе Ижевске тишь да благодать.
В городе Ижевске разные заводы
Выпускают разное — страшно*

рассказать:

*А точнее, ружья и автомобили,
Радиоприемники, мотоциклы «Иж».
А еще в Ижевске дали голубые,
Галя Кулакова ходит здесь без лыж.
В городе Ижевске будни трудовые,
А по воскресеньям — тоже торжество.
Скверы, магазины — светлые, большие.
Только в магазинах нету кой-чего:*

*А точнее, ружей и автомобилей,
Радиоприемников,*

мотоциклов «Иж».

*И за это город чем-то наградили.
Галя Кулакова ходит здесь*

без лыж.

В городе Ижевске брызжет

свой источник.

*Пьют его под вечер. Пьют и поутру.
В городе Ижевске, городе рабочем,
Тянутся к культуре, тянутся к добру.*

А точнее — к ружьям

и автомобилям,

*Радиоприемникам,
мотоциклам «Иж»...*

(Многочисленная мировая и олимпийская чемпионка, знаменитая лыжница Галина Кулакова — так же, как и ее преемница, героиня Калгари Тамара Тихонова, — действительно живет в Ижевске.)

А если серьезно, Ижевск — город достаточно своеобразный. Хотя вырос он, как многие уральские города, вокруг одного из Петровских заводов — сначала так и назывался Ижевским заводом, — но, пожалуй, не похож ни на какой другой уральский город: пруд в самом центре, не семь, а все семьдесят семь холмов, на которых даже стандартные «коробки» иногда смотрятся живописно, довольно чистенький и зеленый... Жалко, мало сохранилось старины — взорвали в 30-е годы. Из кирпичей красивейшего Михайловского собора, например, построили медицинский институт. Многие годы студенты-медики учатся в прочном и надежном здании...

Так что старина в Ижевске в основном деревянная и не слишком старая.

Вот наличники на некоторых уцелевших от сноса домиках встречаются удивительные! В детстве помню их очень много, самых разнообразных, — город был небольшим, преимущественно деревянным, с гипсовыми скульптурами в городском саду и парке...

Ой, городок! Зелененький,

холмистый.

Цветение наличников резных.

То вечер мглистый, то рассвет

тенистый,

То пыль, то грязь дорог его

сквозных.

*В нем обитали тысяч сто народу,
Слова «мануфактура», «идеал»...*

*И памятник свинье и свиноводу
на привокзальной площади стоял.*

Другая особенность Ижевска: рабочие Ижевского завода, получившие еще при Екатерине значительные земельные наделы, жили в большинстве своем не бедно и не были сплошь революционными. Хотя герои революции и гражданской войны среди них тоже выросли.

Один из лидеров большевиков города, рабочий Иван Пастухов, отличался, кроме верности идеям революции, редкостным гуманизмом. Однажды он груду заслонил мятежников со словами: «Не стреляйте в братьев рабочих!» С ним самим впоследствии враги поступили совсем иначе: заживо закопали в землю...

В 20-е годы в Ижевске начала складываться молодая удмуртская творческая интеллигенция, которая в 30-е годы была практически поголовно уничтожена. (К сожалению, это не особенность Ижевска, а явление, для наших республик типичное.) Один из лучших удмуртских поэтов, настоящий просветитель удмуртского народа, высоко ценимый М. Горьким, Кузубай Герд был репрессирован по обвинению в удмуртском национализме. Повинен он был только в том, что предлагал сделать столицей Удмуртии Глазов, а не Ижевск — исконно удмуртские места несколько севернее, вокруг Глазова... С первой удмуртской поэтессой Ашальчи-Оки поступили гуманнее: за связь с Гердом ей просто... запретили писать (не издаваться — именно писать).

В то же время ряд других удмуртских писателей писать, наоборот, заставили. Нескольких молодых, грамотных и идейно выдержанных удмуртов пригласили в соответствующие кабинеты, чтобы сказать им там буквально следующее: «Писать умеешь? (Имея в виду знание удмуртской грамоты) Будешь писателем. У нас не хватает удмуртских драматургов (прозаиков, поэтов)».

Сейчас в Ижевске научиться писать по-удмуртски не так просто: в столице автономной республики нет школ с изучением удмуртского. Неудивительно, что единственный, выходящий на удмуртском языке журнал «Молот» в Ижевске выписывают не очень охотно.

Кстати, о названии журнала. Появилось оно не случайно. В Удмуртии промышленность — безусловно, основная отрасль хозяйства. А заводской молот слышен по ночам всем жителям центра Ижевска. Это действительно его сердце...

Надо сказать, почему-то несколько крупных ижевских заводов расположено в самом центре города. Вряд ли это благоприятно сказывается на экологической ситуации. Но — что делать! — такова еще одна особенность Ижевска, хотя и не уникальная.

Как правительства —

с переворотов,

*как деревни — с ключа под горой,
города начинались с заводов,
начинались с заводов порой.*

*И теперь в них, как будто соборы,
в самом центре заводы стоят —
трубы вместо колонн, да заборы
вместо черных соборных оград...*

А вообще в Ижевске есть все, что и в любом другом современном российском городе. И проблемы все, и заботы. И открывающиеся кооперативы, и закрывающиеся пивбары. И любители рыбной ловли (особенно хорошо заметные зимой на замерзшем пруду), и разнобразящие своим внешним видом уличную толпу юные «неформалы». (Только страшноватенькой «Памяти», по моим сведениям, на сегодняшний день в Ижевске, слава богу, нет. Надеюсь, не из-за дефицита черных маек).

Хочется, чтобы заботы ижевчан были большей частью радостными, а проблемы решались поскорей. Чтобы их быт не был столь обременительным и город не выглядел приспособленным в основном для работы. Чтобы по вечерам людям хотелось (и было где) собираться, говорить и слушать друг друга — не только телевизор. Чтобы женщины получили, наконец, возможность одеваться красиво и со вкусом, а мужчины могли не тащить из командировок тяжеленные чемоданы с унизительными и непредсказуемыми дефицитами. Чтобы молодежь находила реальное применение своим силам. Чтобы дети были беззаботными и ухоженными. Чтобы в Ижевске хотелось жить — не только тем, кто в нем родился и вырос...

*Когда усаживалась вместе
своя и пришлая родня,
и все справлялось честь по чести
без драк и лишнего вранья,
и стол увенчан был салатом,
любимым русским «оливье»,
и брат как брат встречался с братом,
и с сыном — мать, а во главе
сидел отец, гордясь добытой
благонадежностью семьи,
слегка тяжелый, чисто бритый,
и все, чужие и свои,
вели пристойную беседу
о том, что видели вчера,
о том, что посмотрели в среду,
и праздничная ветчина
слезилась, не напоминая
пути, приведшего на стол,
и приближалась жизнь иная,
и тот, кто нынче не пришел
и не придет, и длилась песня,
и к стеклам прислонялась ночь,
и... Вот когда б со всеми вместе
не быть, не чувствовать, не мочь.*

Сейчас-то, на расстоянии, мне, коренному ижевчанину, даже его дымы видятся в розовом свете (хотя не знаю, хорошо ли это — розовый цвет дыма?).

*Дымы над городом моим,
которым не был я любим,
в котором
терялась нить судьбы моей
и находилась все трудней
под строгим взором.*

*Здесь было-жить почти нельзя —
когда б не детство, не друзья,
а вечерами —
когда бы не был я влюблен
да не пылал бы небосклон
между домами.*

*Мне этот город был окном,
и зеркалом, и полотном,
и кистью тоже.
Мне этот город был отцом,
но не подозревал о том,
что сын я все же.*

*Нет, я обиды не коплю,
я и сейчас его люблю,
ему обязан.
Смотрите: тучами над ним
дым заводской, фабричный дым —
вот чем он с небом связан!*

ИСТОРИЯ ОДНОГО САМОУБИЙСТВА

Грохнул выстрел
в кабинете начальника Академии.
Генерал упал. Это произошло
в апреле 1979 года.

Аркадий АДАМОВ

А путь к этому роковому выстрелу начался за двенадцать лет до того, в марте 1967 года, когда подполковник Сергей Михайлович Крылов был назначен приказом министра внутренних дел Щелокова начальником скромного контрольно-инспекторского отдела министерства. Щелокову потребовался образованный человек, который бы помог ему в новом деле — овладеть проблемами сложнейшей области социальной жизни общества, которой ему теперь предстояло заняться, коротко определяемой как борьба с преступностью. И первая, главная обязанность у нового начальника отдела была составлять, писать все выступления министра, грамотно писать, кое-где в помощь министру расставляя даже ударения, и, конечно, писать со знанием дела, которым должен обладать министр, с новыми идеями, четкими формулировками проблем, с выразительными цифрами, приведением ярких фактов, словом, так, как должен был выступать министр и как он не мог выступать в силу своей малой образованности и отсутствия общей культуры (хотя был он уже в то время доктором экономических наук, коя степень была, правда, ему присвоена на предыдущем высоком посту без всякой защиты диссертации). Однако Щелоков, надо отдать ему справедливость, в то, первое, время этот свой недостаток по части культуры и образования замечал.

Тут, надо сказать, он тоже надеялся на своего нового помощника, которого ему рекомендовали как человека для такой роли вполне подходящего, уже имевшего опыт научно-исследовательской и издательской работы в военном институте. «Добросовестный, трудолюбивый, мыслящий человек», — говорили министру о его будущем помощнике. «Ничего не смыслит в нашей работе, в жизни не держал уголовного дела», — презрительно отзывались другие.

И все было бы спокойно, небрежно-снисходительно в отношении к новому сотруднику, если бы... если бы министр вдруг не возликовал. Ум у него в то время был еще живой и понятливый, и он скоро сообразил, какой человек ему попался, какой необыкновенный человек.

Настойчивый, любознательный паренек из деревни Алешено Могилевской области Белоруссии, пройдя войну и став там офицером, затем оканчивает с золотой медалью Военную академию имени Фрунзе, после чего несколько лет занимается преподавательской и научно-исследовательской работой в военном институте, защищает там кандидатскую диссертацию, начинает

С. М. КРЫЛОВ.

Фото
Эдуарда
ЭТТИНГЕРА

работать над докторской. Спокойно, надежно и успешно течет его служба. И вдруг такая неожиданная перемена в его судьбе. Перед ним открылось совершенно новое, обширное поле деятельности, и Крылов решительно отстал в сторону незаконченную диссертацию. Он уже загорелся другими проблемами, важнейшими проблемами жизни общества. Кажется, он нашел себя здесь. Безусловно, нашел.

Крылов понимал, что ему прежде всего необходимо разобраться во всем самому, а, главное, его сжигала жажда во всем разобраться, его аналитический ум требовал пищи, новая область деятельности, необозримый простор ее, величайшая сложность и общественная значимость проблем распалили воображение. «Добросовестный и трудолюбивый» в отношении нового сотрудника требовали уточнения: дотошно добросовестный и чудовищно трудолюбивый. А если к этим двум качествам приложить и упомянутое третье — «мыслящий», то и оно требует уточнения, ибо этот человек был не просто мыслящий, хотя и это само по себе немалое достоинство, но мыслящий необычайно широко, смело, даже дерзко. Все эти качества раскрылись, естественно, не сразу. Однако вскоре многие обратили внимание, что выступления министра

неожиданно приобрели несвойственную им до того глубину и смелость.

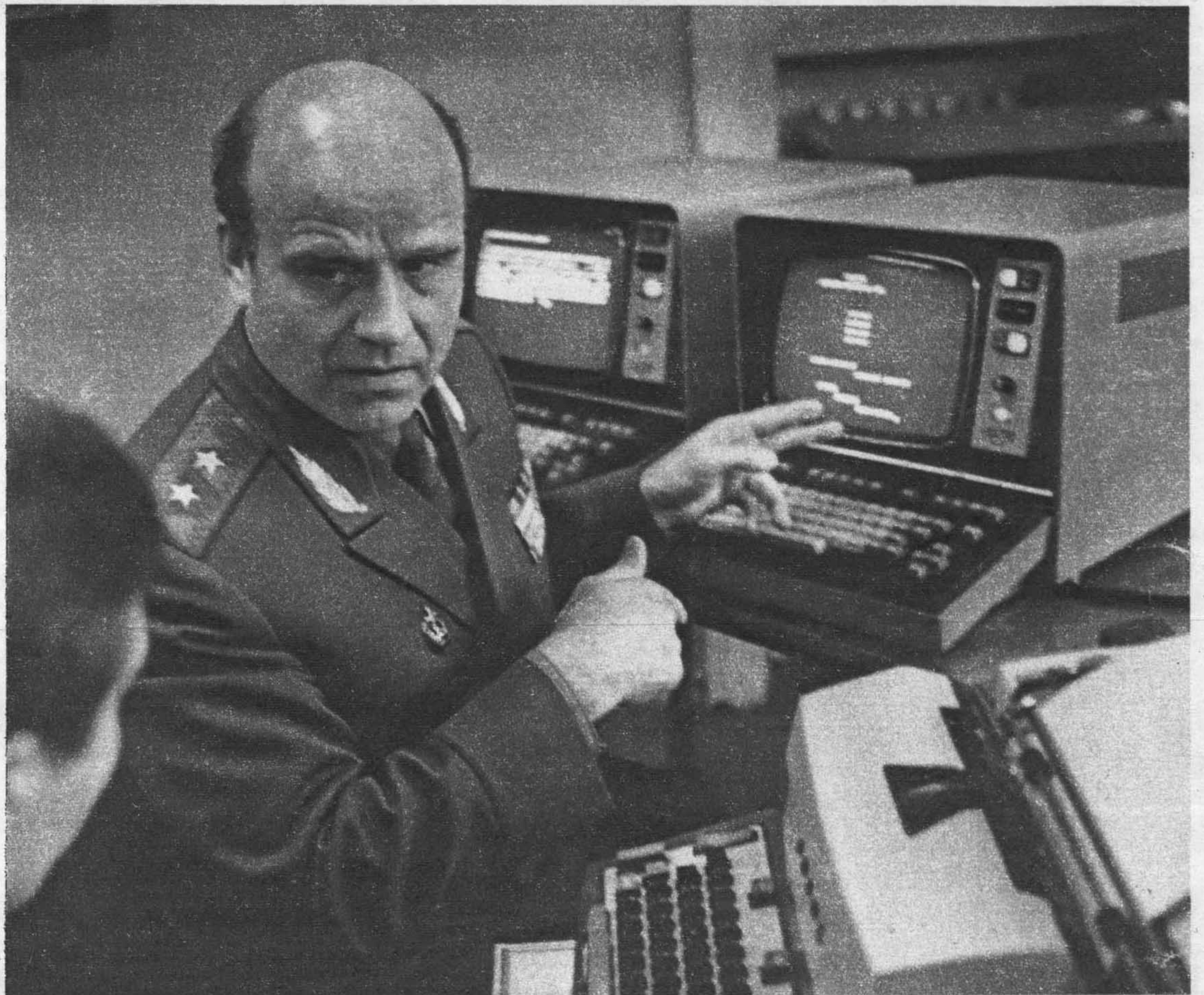
А Крылов удивлял своих сотрудников неумным азартом работы. Он не просто впитывал в себя проблемы, процессы, факты из новой, совершенно незнакомой ему до того области жизни, он со смелостью неопита все подвергал сомнению, все отрицал в гигантском, запущенном, страдающем давними и опасными болезнями «хозяйстве» Министерства внутренних дел и искал пути преодоления всего дремучего, окостеневшего, недопустимого, что он видел вокруг себя.

Стали с интересом замечать, что министр начал все больше уважать науку, потянулся к ней. Крылов убедил его, что наука, если уметь пользоваться ее инструментами и методами, дает неслыханные дивиденды. И Щелоков «заболел» наукой. Как всякий малообразованный человек, он начал с «коллекционирования» знаний. В министерстве начали с восторгом подсчитывать, сколько пришло к ним докторов и кандидатов наук, и по растущему их числу судить об общем росте интеллектуальности кадров.

Тем временем Крылов критически, придирчиво проштудировал горы специальной литературы — 18—20 часов составляли его рабочий день, две-три

книги в сутки «осваивал» он и наутро отсылал их в библиотеку, чтобы взять новые, по списку. Он завязал дружбу с крупнейшими учеными страны, работавшими в областях, казалось бы, необычайно далеких от деятельности органов внутренних дел. Но Крылова вела вперед неумолимая научная логика открывшихся ему процессов, когда постепенно, как на переводной картинке, проступали перед ним главные, острейшие проблемы на пути задуманной перестройки работы всех звеньев органов внутренних дел страны.

Первая линия, намеченная Крыловым, была демократизация, она исходила из признания того, казалось бы, очевидного факта, что преступность — явление социальное, а потому милиция хотя и необходимый, важный, но отнюдь не главный инструмент в борьбе с нею. Это вызвало, однако, бурю на заседании коллегии. Ибо тогда даже среди руководителей министерства этот тезис решительно отвергался. «Это демобилизация органов МВД!» — возмущенно заявил Крылову один из них. «Вы собираетесь спрятаться за объективные причины», — поддержал его другой. «Вы мешаете нашей работе!» — кричал третий. «Это мы призваны бороться с преступностью. Мы и никто другой!» И приводили различные горот-

дела и райотделы, бравшие обязательства по сокращению преступности.

Но Крылов начал с железной убежденностью вводить в выступления министра проблему профилактики, предупреждения преступности, спасения неустойчивых людей как кровное дело всего общества. И следствием этого должны быть иные методы борьбы. Ее основа — не усиление кары, убеждал Крылов, а гуманные, социальные меры: условное осуждение, условно-досрочное освобождение впервые оступившихся людей. Управление Крылова разрабатало так называемые комплексные планы профилактики, предупреждения преступлений, где усилия милиции объединялись с деятельностью общественных организаций, школ, предприятий, медицинских учреждений. Крылову удалось увлечь этой идеей министра, на других руководителей у него не хватало времени, и он действовал через их голову. И возникала открытая неприязнь.

Второй идеей Крылова была перестройка всей деятельности органов внутренних дел, введение там подлинно научных методов работы. А первым звеном здесь была новая статистика. Скрамная, почти незаметная, «бумажная» область эта, как понял Крылов, оказалась абсолютно необходима в задуманной перестройке, именно с нее следовало начинать. «Кто обладает всесторонней и объективной информацией — тот побеждает», говорил Крылов. — Она начало начал управления». Но для этого статистику надо было решительно перестроить, сделать ее стройной, четкой, исчерпывающей. Пока что океан бумаг лишь скрывал пороки и прорехи. Крылов обнажил их так резко и очевидно, что всем его сотрудникам стала ясна важность, срочность и, между прочим, захватывающая интересность этой работы. А в самом деле, если эту «большую», распухшую, полуслепую статистику перестроить, что она обнаружит, что высветит, что вскроет?

Но этого мало, мало, говорил Крылов, надо уметь анализировать полученные данные, сопоставлять, делать выводы. А как, скажем, эта проблема выглядела раньше, при царе и после революции, при Ленине, до и после Великой Отечественной? Почему так резко меняются данные? А как обстоит дело по регионам страны? Почему такая разница? А как выглядит эта проблема за рубежом?

Все это было не только важно, но и неслыханно интересно. Сотрудники, уже не отдела, а теперь целого управления, были охвачены энтузиазмом. «Лучшие мои годы — это время работы с Крыловым», — сказал мне один из них. «Работа приносила настоящую радость», — сказал мне другой. «Самый счастливый период жизни», — сказал мне третий. И так полагали все, все его сотрудники до единого. Крылов был не только генератор блестящих идей, но и твердый, даже жесткий, но при этом удивительно демократичный организатор. Он советовался с подчиненными, он поощрял критику своих идей, он давал раскрываться творческому началу каждого, и это приносило необычную радость. Работа кипела, сотрудники сидели порой ночами, он умел слушать и решать вопросы смело и немедленно, к этому не привыкли в министерстве.

Когда Крылов выступал на коллегии, многие руководители чувствовали себя неуютно. Этот «выскачка» всегда был оснащен никому не известными данными новой статистики, фактами, цифрами, их глубокий, непривычный анализ вскрывал важные, уже начавшиеся процессы, обнаруживал новые явления в вечно меняющейся жизни общества. Тут возразить было нечего, а возразить очень хотелось. Так копилась зависть и раздражение. Но за Крыловым пока стоял министр, рядом с которым еще не появился наглый, «парикмахерский» мальчик, с узким лобиком и непомерными амбициями, временный родственни-

чек «самого». Это еще предстояло пережить, а вернее, не пережить Крылову. А пока он был нужен министру, но и министр был нужен Крылову. Вот такой, казалось бы, странный, но логически вполне объяснимый симбиоз, встречавшийся, кстати, уже не раз в истории, да и не только в отечественной.

Легко допустить — и даже наверное, — что Крылов был не лишен честолюбия, но и несомненно в то же время, что он больше, чем кто бы то ни было, заслуживал выдвижения, от чего лишь выиграло бы дело. Это был тот несчастный случай.

Тем временем Крылов увлекал своих сотрудников дальше по пути перестройки всей системы управления. От статистики к анализу, а от анализа — куда? Какой практический «выход» должны иметь эти бесценные материалы? От анализа — к прогнозированию, утверждал Крылов. «Что-о? Прогнозировать преступность? Это вместо того, чтобы ее уничтожить?!» — задохнулись от негодования ошеломленные противники Крылова. Им это казалось подрывом основ, покушением на принципы, безграмотным эпатажем «выскачки» и «карьериста».

Но Крылов сумел доказать министру, что без прогнозирования, то есть без возможности предвидеть трудности, препятствия, возможные отрицательные и положительные явления и процессы, нельзя перейти к последнему, главному звену в этой цепи научных задач — к планированию, к строгому, реальному планированию борьбы с преступностью. Министр понял, одобрил и принял, как свою идею. И тут уже ничего поделать было нельзя.

Еще одна идея владела этим неутомимым человеком. «Милиция должна стать образованной и интеллигентной», — убежденно говорил он. И начинать следовало, по его мнению, с министерства. Это было воспринято членами коллегии почти как оскорбление. Это мы-то не образованны? Но вот в министерство были приглашены для встречи выдающиеся ученые — социологи, экономисты, биологи, математики, психологи, криминологи, педагоги — В. Н. Глушков, Н. М. Амосов, А. Г. Аганбегян, Д. К. Беляев, В. Н. Кудрявцев, В. С. Бирман, В. И. Терещенко, И. В. Бестужев-Лада. Министр встречал их как радушный хозяин, что, кстати, весьма приятно щекотало его честолюбие. И противники притихли, сами порой завороженные новыми блестящими идеями и открытиями. Впрочем, это быстро у них проходило. Оставалась вражда, почти ненависть.

Но Крылов настойчиво проводил свою идею создания интеллигентной, а для начала — хотя бы образованной милиции. Его управление дало соответствующий анализ и прогноз, на этой основе был составлен план коренной перестройки системы образования в МВД, утвержденной затем министром. В результате вместо двух высших школ постепенно начало функционировать шестнадцать, вместо десяти средних — пятьдесят. И вскоре совершенно по-иному стал выглядеть командный состав органов внутренних дел страны. Так, например, среди начальников рай- и горотделов лишь половина имела тогда высшее образование, но вскоре их стало почти сто процентов.

А Крылов уже разрабатывал новую идею: надо создавать Академию МВД, надо из дипломированных юристов готовить специалистов-«управленцев», высшие руководящие кадры. Управление стало особой наукой, доказывал Крылов. Здесь уже одного опыта мало и таланта одного тоже мало. Весь цивилизованный мир уже давно усвоил это. Сотрудники Крылова подготовили, как всегда, солидное теоретическое обоснование новой идеи.

Что это еще за наука такая? — говорили противники Крылова. Прекрасно работали и без нее, и способные руководители находились, и дело, слава богу, двигается. Всюду хвалят. Даже

«сам» время от времени. А этому «выскачке» Крылову, «человеку без биографии», как говорили о нем кадровики, лишь бы побольше захватить власти, протаскивая при этом явно буржуазные идеи. Как это только министр не видит и... как бы ему, наконец, открыть глаза? Без этого ненавистного Крылова не свалишь, министр слишком близок к «самому», слишком обласкан им. И шелестел, шелестел враждебный шепоток по высоким кабинетам, возникали «достоверные» слухи, выискивались «компры», доходили они и до Крылова. Но он, стиснув зубы, работал самозабвенно, на износ и... напролом.

И вместе с ним самозабвенно работали и его сотрудники. Ибо это были в большинстве своем талантливые люди, которых он нашел, сплотил и «завоевал», нет, заразил своей энергией, своими замыслами и своей отвагой. Такого другого коллектива, вероятно, не знало министерство.

Я не раз встречался и подолгу беседовал с Крыловым. Он был всегда подтянут, бодр, полон всяких идей и блистал эрудицией порой в самых неожиданных и, казалось бы, далеких от него областях. Однажды целый вечер он с увлечением читал мне... коран. «Сколько мудрости, ты только послушай», — говорил он. — Сколько страшных идей! Они не умерли». Другой раз он с таким же увлечением говорил мне о Венере, о теориях оптимального управления, о работах академика Глушкова, друга Крылова, главы советской кибернетической школы. Знания, это у него было как вера, как бальзам, он упивался ими, поклонялся им, как язычник, и был неуголим. И идеи, идеи... Словно все только и ждали его идеи.

Но вот какое порой отчаяние владело им, этого никто не знал. Даже близкие друзья, самые близкие. Они это узнают потом. А сейчас — разве что жена. «...Я очень устал, устал до тошноты, до кошмара», — писал он ей в это время. «Но дело не только в работе, — признавался он в другом письме. — От нее не так устаешь, как от удручающей атмосферы непонимания, зависти и травли».

И в это же время Крылов поднимает свой коллектив на завоевание новой высоты, на совершенно иной, куда более высокий уровень работы, придание ей особой значимости и авторитета. нового простора для инициативы и новых прав. Крылов пришел к министру с необычной, но, как всегда, тщательно проработанной идеей: создать вместо рядового управления штаб министерства. Гм... Идея министру понравилась. Дельно, разумно, полезно, ничего не скажешь. И к тому же красиво, впечатляюще, престижно. У него будет штаб. Его штаб.

А надо сказать, что к тому времени управление Крылова, по существу, уже вобрало в себя почти все функции, свойственные штабу. В частности, оно, например, получило право строгого, не зависимо ни от кого контроля, всеобъемлющего контроля и инспекции всех сторон деятельности как местных органов внутренних дел, так и его линейных, оперативных служб. Собственно, это право оно имело давно, но никогда раньше Крылов не использовал его так активно, решительно и жестко. Все это, естественно, не понравилось главному: Крылов вмешивается в их «хозяйства», «выносит сор из избы», влезает со своей якобы наукой, со своим замумным анализом, вреднейшим прогнозированием и каким-то особым планированием. Спокойно ведь жили до сих пор. Положение с преступностью, правда, не улучшилось, ну так его все равно не улучшишь, бились уже над этим и сейчас бьются люди поопытнее, чем этот Крылов. Нет, он никого не устраивал, только вызывал раздражение. Ох, если бы не министр, дался ему этот «карьерист»! Интересно, что больше всех об этом говорили как раз те, кто уже успешно сделал себе карьеру или вполне успешно ее делал.

А тут еще Крылов придумал штаб! И, конечно, этот только что испеченный генерал метит стать его начальником. Да тогда и вовсе жить с ним не будет! И ведь это прямой путь в заместители министра! Такого допустить было нельзя. В ход было пущено все: И идея штаба была взорвана, причем на самом высоком уровне, очевидно. Даже министр ничего не смог сделать в тот момент. При этом аргументы были не самые убедительные: нечего копировать армию, а наукой пусть занимаются ученые. «Мозг министерства» — это мозг каждого из его руководителей. До сих пор, слава богу, хватало!

Противники Крылова не скрывали радости: хоть тут удалось «укоротить» этого «карьериста», ничего рационального в его идеях упорно не замечали.

Зато это заметили передовые люди «на местах», в республиках, краях, областях. Жадно и восхищенно слушали они Крылова, подхватывая его идеи. К министру шли просьбы разрешить хотя бы в порядке «эксперимента» организовать штаб в их областном или краевом управлении внутренних дел. И министр, раздосадованный и уязвленный неудачей со «своим» штабом, дает разрешение на «эксперимент». Впрочем, ему самому, кажется, было любопытно, что из этого получится.

А Крылов между тем продолжал выдвигать все новые идеи. Одной из таких идей было включение в систему штабов — будущих штабов — службы дежурных частей. Тут он, как всегда, ухватил еще один важнейший рычаг в сложной перестройке деятельности органов внутренних дел, которую он начал.

Да, именно в перестройке! И это в тогдашних, невыносимых, казалось бы, условиях застоя, безразличия, стяжательства и открытой враждебности ко всему новому! Опередил свое нелегкое время Сергей Михайлович Крылов и, как часто бывает в таких случаях, жестоко поплатился за это.

Но что же он пока что придумал? Что дали ему обычные дежурные части в милиции с их напряженной, суетной, нервной жизнью, со всей грязью и мерзостью, которую круглосуточно разгребали там работники милиции? Дело в том, что Крылов угадал их никем не замеченные возможности, их исключительную роль не только в работе штаба, но и в повышении эффективности всей милицмейской работы вообще. Дежурная часть могла стать — при определенных условиях, конечно — не только самым быстрым и точным источником информации об оперативной обстановке в городе, области, в стране, наконец, а ведь такая информация — «хлеб» статистики, основа анализа и всей последующей научной работы штаба. Но, кроме того, дежурная часть, которая, как правило, первой сталкивается с происшествием, с преступлением, должна быть в силах, как полагал Крылов, немедленно, по «горячим следам» это преступление раскрыть или, во всяком случае, немедленно начать эту нелегкую работу. Впрочем, как показал даже первоначальный анализ, 90 процентов преступлений составляют так называемые «очевидные», которые и раскрывать-то не приходится, надо только быстро задержать виновных, либо это такие преступления, которые раскрыть можно легко, если принять немедленные меры, пока следы «не остыли», пока не разошлись свидетели и очевидцы, пока не убрали, не выбросили, не унесли какие-то важные улики. Надо было только успеть, но для всего этого... надо было иметь другую дежурную часть.

За долгие годы моей писательской работы я, как вы понимаете, перевидел немало дежурных частей в самых разных городах. Схема их работы всегда была одна. Дежурный, обычно лейтенант или старшина, принимал сообще-

Окончание на стр. 25.

Лазарь
КАРЕЛИН

Рассказ

Рисунок
Петра
ПИНКИСЕВИЧА

ВЛАСТЬ

Можно было уходить в отпуск. В очередной, но с запозданием столь очевидным, что отпуск этот следовало бы назвать чрезвычайным. Умные поймут — и почему такая задержка, и почему все же отбыл в отпуск. В несезон, какой там сезон — к озеру Севан в первой декаде марта, когда на озере этом штормит не хуже, чем на Каспии, а у берегов еще торосится лед. И отпуск-то от прошлого года вместо обычного сентябрьского роздыха в Сочи, этакая замена бархата на лед. Но умные поймут. Иногда нельзя отпускаться, прохлопаешь судьбу, греясь на солнышке. Иногда — почти всегда — надо чувствовать себя пружиной, для рывка готовясь, враскрут чтобы. А отпуск, а в отпуске, — это ты уже раскрутился, прилег, бери тебя голеньким. Именно. Но случается, надо и удалиться в самую что ни на есть напряженную, пружинную пору. Отбег для разбега, чтобы потом рвануть, выждав миг. Все готово, можно и укатить в этот самый отпуск, с глаз чтобы долой. Когда все готово, лучше всего исчезнуть. Для рывка, для рывка потом. Воюют армии. Но воюет и человек. Сам один. Дает сражения, маневрирует, накаливает силы, обеспечивает фланги, отступает, чтобы наступить, смяв зазевавшегося противника. В данном случае, в его случае, настал миг ожидания перед рывком. Все готово, но...

Умные поймут. А лучше, чтобы и умные ничего не поняли. Умных-то и следует обвести вокруг пальца. Не ради дураков же стараешься.

Кстати, а есть ли дураки, существуют ли на свете эти самые дураки — дураки, коих ничего не стоит одурачить? Практика жизни показывает, что в чистом виде эта порода людей не существует. Вроде бы явный дурак, а вдруг и не дурак. Что-то повернулось, приоткрылось — и человек перед тобой оказывается весьма зоркий, смелый, угадливый, хотя и слыл дураком. Нет, надо уважать и в дураке ум. Умнее будет, надежнее. Но, конечно, есть кто и поумней, есть кто и поглупей. Как когда. Смотря в какой ситуации, а еще точнее — смотря в какой среде. Очень важна среда, чтобы выявился человек. Не зря говорят: плавают, как рыба в воде, то бишь в среде. И в своей среде, в привычной, в родной ему, человек раскрывается и, что ли, мудреет.

Но бог с ними, с будто бы глупыми, важно было, чтобы и наверняка умные, осведомленные, — это прежде всего, ибо ум питает информация, — важно было, чтобы и они, все поняв, все же чего-то да и не поняли, не прознали бы до конца, не учили, не рассчитали, прикинув, кто — что — зачем. Туманец во всяком деле, особенно в предрешении дела, просто необходим. Власть должна быть загадочна, предвостие — тоже. Пошел в комнату — пришел в другую. Как еще там? Нет числа всяким присловиям, которые разобьясняют финтежную их жизнь, разлукавейшую эту науку восхождения по лестнице, по этому заоблачному пику, имя которому — Карьера. Где им, всяким там альпинистам, со своими Эверестами и пиками Памира. Ну, ледорубы пускают в дело, ну, веревками обвязываются, страхуют друг друга. Ну, там башмаки с шипами, болты какие-то вколачивают в гранит, замки какие-то изобрели, чтобы перехватывали канат, ну, сильные, ну, тренированные, а уж что смелые, про это и говорить нечего — все так, но у нас потруднее. И срываться нельзя. Еще хуже нельзя, чем со скалы в километр ростом. А сорвался, никто тебя на носилки не подхватит, лубки не наложит. Валийся, подыхай. И никакой ты не герой, сорвавшийся. Ты — неудачник. И это в лучшем случае. А то и вообще нет тебе пощады.

Вот он какой получается альпинизм, где лик для восхождения зовется Карьерой. Какая высота у этого пика? Ни вверх, ни вниз путь не измерен. Но закон короткий и жесткий: не взошел — погиб. Так-то вот, товарищи мастера спорта по альпинизму. Это вы-то смелые? Это вы-то рискованные? Да где вам...

Официантка, настороженно покачивая бедрами — новенький прибыл, какой еще там, — принесла ему чай, настороженно улыбнулась, прикидывая из-под ресниц, в каком ранге прибывший, что-то смекнула — они смекалистые тут! — и улыбнулась ему, но все же сторожась, ибо изучение еще продолжалось. Молвила, разведывая:

— Чай не слишком крепкий?

— Сердце в порядке, — ответил он. Но глаз на нее не поднял, хотя женщина была в самой-самой поре и в той выучке под скромность, которая сулила многое. Но не с официантки же начинать в этом доме. Здесь всему свой ранг. Если и не все указано в «распорядке дома», то все как бы в воздухе начертано, кому как тут себя держать. Он прибыл сюда в переходном состоянии. С годик раньше обязательно бы перекликнулся с этой симпатичной девушкой-дамой взглядами, посулились бы они друг дружке, хотя и не обязательно для того, чтобы что-то потом между ними случилось. Просто так, для порядка, для игры. Извечной этой игры мужчины и женщины, в эту самую рулеточку: «Да» или «Нет». Даже месяцем раньше. А сейчас — «Нет!» И она догадалась — они тут догадливые, впрочем, они везде догадливые — и пошла от стола, отпустив свои бедра на волю, чтобы пожалел, что упустил миг, мстя ему за отказ, за выход из игры.

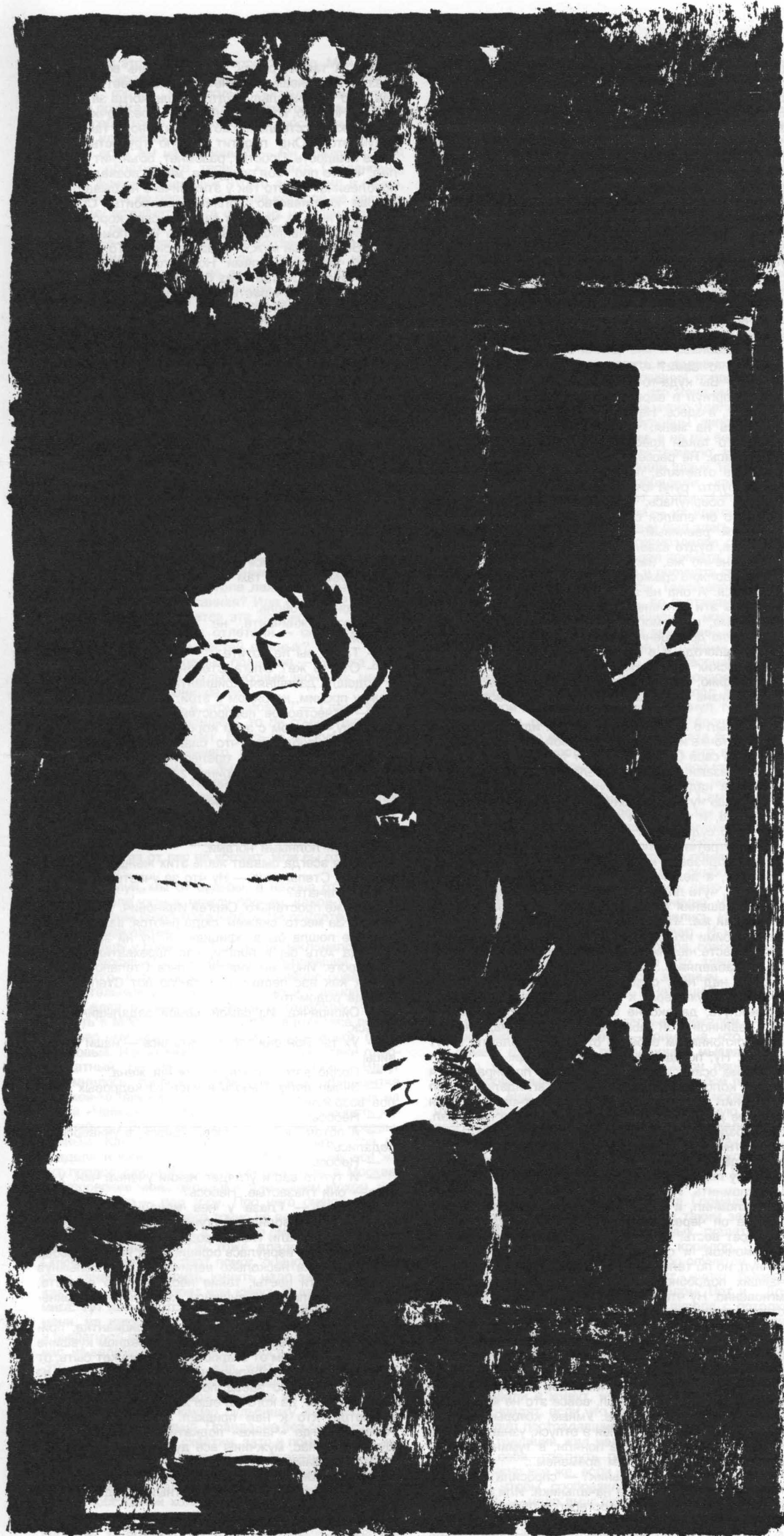
Обеденный зал был пуст. Он прикатил, когда уже все отзавтракали, но и холл был пуст, когда оформлялся, не слышно было голосов и за массивными приоткрытыми дверями в холл, ни на торжественно восходящей лестнице, где по всему второму этажу тянулась парадная балюстрада. В таких домах и не принято громкоголосье. Но, похоже, тут просто почти никто сейчас не отдыхал. Внесезонье. Кому взбретет на ум в начале марта проводить у Севана отпуск, пусть даже и в санатории санупра Кремля? А вот ему взбрело. И это безлюдье ему было желанно, необходимо, оно было запрограммировано. Когда все уже подготовлено, следует отойти в сторонку и — ждать. А не мозолить глаза. Пусть не подумают, что очень ему это все нужно. Пусть подумают, что он вообще в этом назначении не заинтересован. Именно так, он даже отказывался, а если согласился, то в порядке дисциплины, и вот уехал в отпуск, чтобы без него, без него решали. Назначат — ну, что ж. Не назначат — гора с плеч. Конечно, умные его поняли, глупые, каковых не существует, тоже догадались, что к чему. Да и в обряде это было — такое вот исчезновение, когда твое личное дело начинает путешествовать по высоким кабинетам, когда одна за другой возникают заветные росписи в том краешке, секторочке опросного листа, где согласие действительно равнозначно согласию. Все обговорено вроде, но все и на волоске. В тех кабинетах разное случается. Вдруг подпись возникнет не в том секторочке листа, и это будет означать, что подписавший, соглашаясь, на самом-то деле возражает, но его возражение, так сказать, закодировано. А то вдруг кто-либо из решающих, из самых верхних вершителей, возьмет да и перевернет его личное дело. Всего лишь перевернет. Ни слова не скажет, не возразит, не напишет ничего и не подпишет, а просто как бы по рассеянности перевернет папочку. И все! И всему конец! Этот переворот папочки означает, что дальше по кабинетам дело не пойдет, что назначение опротестовано

и протест этот — таков уговор у верхних, среди самых верхних — не подлежит обсуждению. Это принцип единогласия. А единогласие — дело тонкое, наитончайшее в кадровых вопросах. И тут лучше всего не мозолить глаза. Да и нервишки надо поберечь. За сорок уже. Силен, спортивен — все так. А бессонница одолела. А мнительным стал сверх меры. Опасная работа. Слишком велика зона риска. У них, у альпинистов, страховочные крепчайшие веревки, в связке восходят, один подстраховывает другого. Милое дело. У политиков если и есть страховочные связи, то это не более чем связи, некая зыбкость — связи! — разберись попробуй, сколь они прочны и вообще, где и как и с кем увязаны. Вчера были, сегодня нет их, разжался узелок, перекинулась веревочка. Паутинка, а не связи, лабиринт, а не дорога. Альпинизм! Детское занятие, если сравнить.

Но в его-то случае все вроде бы прочно увязано, почти решено. И как раз сейчас — сегодня, завтра, ну еще клади день-два, как раз в эти дни и пройдет его личное дело, листок опросный с его фамилией, свой путь до завершающего росчерка — Генсековского. И тогда... Правда, так называемый «второй хранитель печати» вроде бы не «за», но второй не первый, да он и потеснен, и он не курирует этот отдел. С первым же был разговор, и листок ему положат на подпись, сказав нужные слова, если возникнет необходимость в напоминании. Первый прислушивается к тому, кто положит листок для подписи, напоминание будет четко сформулировано, ибо напоминающий и толкает его назначение, проводит, осуществляет, поскольку считает своим, нет, не другом — что дружба, это малость! — он считает его своим единомышленником. Забавное словосочетание. Единые мысли, так? А порой в башке вообще нет никаких мыслей. И только сверлит: назначат, не назначат?! Единомыслие в назначениях, в восхождениях? А хотя бы и так. Ну, в открытую такого не скажешь, а про себя можно и подумать. Тем более бессонница одолела. И все сверлит в мозгу: назначат, не назначат?! Не спят, бодрствуют сейчас на Москве единомышленники-то, момент уж больно судьбоносный. Звездный час возможен. И для многих. Лишь бы...

Было условлено, что толкающий всего один-единственный пробьет сюда, в Дилежан, звоночек. Днем ли, вечером ли, — словом, когда все свершится. Звоночка этого он отправился сюда, в некое ущелье на армянской земле, дожидаться. Ущелье, притаилось. Какой там отпуск, какой отдых! Все было натянуто в нем, из струн натянутых и даже перетянутых себя всего ощущал. Порой, казалось, вот-вот зазвенит весь или, что верней, застонет тихонечко, прихватывая звук, будто кто ладонью провел по струнам в нем, нетерпеливо, небрежно, мимоходом, как по висающей на стене гитаре. «Последний бой — он трудный самый»... Как в песне поется. Но даже не бой, а миг в бою. Это верно: ждать, когда всего ничего осталось до решения, ну, просто невыносимо трудно. Потому и уехал, улетел, кинулся в еще заснеженный Ереван, с его двуглавием араратским в пронзительно синем, тревожном небе. И сразу в машину — и сюда, в Дилежан, в самое укромное из укромностей Кремлевского санупра. Сюда и летом-то не много желающих ехать. Был как-то тут летом мимоездом, какую-то возил по Армении высокопоставленную зарубежную делегацию. Хмуроватое местечко. Кавказская хмуроватая природа предгорий, деревья, изнемогая, тянутся из ущелья к небу, стволы у них замшевые, а понизу, у земли, какие-то папоротники прорастают. Но небо — все отдай! — какое небо. Синевы в синеве и еще там что-то от божественной синевы.

И вдруг в синеве этой замерший барашек, белый наивный барашек заблудившейся тучки. И непременно защемило сердце, когда вглядишься в эту синеву, в этого барашка. Какая-то ниоткуда взявшаяся мысль вдруг посетит. Про что-то печальное мысль. Что-то вроде вопроса к себе: зачем?

Вон куда прикатил, ожидая решения. А к весне, в начавшемся марте, тут и еще сиротливее, и еще все в природе вопросительней. И тревога, тревога. И сам себя ощущаешь каким-то ничтожным, сверх меры от всего зависящим, ждущим вот до колотья в сердце разливистого междугородного звонка. Ну, назначили, ну, а дальше что? И дальше карабкаться? Именно! И есть куда. Вершина почти еще не освоена. Ползти и ползти. А зачем? Что за небо тут! И еще вот хмурь готических стволов. Нигде такие вопросы к себе не обращал, а тут возникают. Да, ползти. Да, все вверх и вверх. Это и есть смысл жизни, уважаемые небеса. А вы что думали со своими библейскими барашками? Зачем, ах, зачем? Так ведь сладко же властвовать. Чтобы не ты, а чтобы перед тобой. Не вся ли суть жизни в этом, чтобы перед тобой?.. Что — перед тобой? Склонялись, унижались, чтобы льстили? Не так все примитивно, уважаемые небеса. И не надо все называть словами, рассматривать по отдельности. В целом надо все брать, чтобы и это, и то, и грубое, и тонкое, даже и искреннее, даже и не без влюбленности к тебе, а все вместе — власть. Она! Смысл жизни. Мотор, подгоняющий кровь. Зачем? Ах, опять ты, небушко сине-голубое, со своим зачем?! А я и сам не знаю. Знал, но глянул вот в твою синь-просинь и засомневался. А вот затем, что так было всегда, у всех, во все времена. Ну, зачем было Гаю Юлию Цезарю добиваться, чтобы его нарекли диктатором, каковым он и стал, но еще и чтобы нарекли императором, будто мало быть реальным властителем страны? Но все ему было мало, мало, мало. И Бонапарту было мало и генеральской славы, и первенства в триумвирате. Мало, мало! Подался в императоры. И этого было мало. Пошел Наполеоном прихватывать всю Европу, в Россию наведалься. Зачем, ну, зачем ему это нужно было, небушко? Ты все тем же было и в те времена, все тех же овец пасло. Глядело из синевы своей. Бог-то там в тебе есть, разместился где-нибудь? Он что думает по интересующему тебя вопросу?

Да, так свихнуться можно, ожидавши. А не выпить ли? А не приволочнуться вон за той дамочкой, блуждающей походкой идущей по узкой асфальтовой полосе промежду узких, мшистых деревьев? Мила, мила. Из элитных. А здесь иных и не бывает. Но отчего же в такой несезон? Семейные неурядицы? Или со спутником? В такие дома, если вздумали крутить тишком романчик, лучше всего в такую несезонную пору приезжать. Все равно свидетели найдутся, но себя обмануть можно. Мол, никто не узнает, нет никого. Есть, есть. Вот некий москвич припожаловал, звеняющий всеми струнами. Опаснее нет мужиков, чем в такие минуты. И не из последних на Москве товарищ. Остерегись, эй, милая! Эй, задавлю!

Она вошла в вестибюль, а он придержал для нее тяжелую, бронзовомордую дверь, и она кратко улынулась ему, застенчивая, очаровательная, в такой самой почти невесомой шубке из коричневой каракульчи, которая и к фигуре была, и к лицу была вместе с шапочкой светленькой, чуть набекрень, но которая, шубка эта, мигом устанавливала и имущественный, и социальный, и, если угодно, моральный ценз этой милой, молодой дамы, несшей на плечах своих тысяч этак до шести. И шапочка была в цене, тянула тысячи на две. И сапожки, чуть измокшие, обтягивающие стройные, но какие-то застенчивые ноги, встарь сказались бы — ножки, и они тоже утверждали свой высокий ценз, заморскую свою исключительность, ибо даже в спецотделе ГУМа таких сапожек сыскать было невозможно ни по каким там записочкам. Не покупались такие внешторговцами, дороговатыми казались и для щедрой казны. И из турпоездки такие не привезешь, деньги не хватит, если даже сложить и свои, и мужнины грошики. Что за дама? Откедова? Ценз ее был явно высок. Но встречал же он самых-самых из первого ряда на разных там первого же ряда сходах-раутах. Эту не встречал. А встретил бы, запомнил. Боярышня лицом, чудо как хороша, и как прельстительна ее застенчивость, и вдруг этот взмах ресниц, и из глубины, из серо-сине-бездонной, взгляд. Умненькая, сразу ясно. Может, из града Киева? Нет там таких. Может, из недр сих кавказских мест? Не та живопись. Тут любят масляные краски, а эта исполнена акварелью.

Ну, придержал дверь, можно и пособить скинуть мантию, поскольку в этом доме, как в театре, обитатели пользовались гардеробом, где сановно выставляли себя дубленки, манти, шапки боярские или вот такие вот шапочки княгинюшек. Дом был пуст, но все же выставка кой-какая в гардеробной была, кто-то

тут да проживал все-таки, прикатил в эту непогоду, стремясь, как и он, в тишину и безлюдье. У каждого из обладателей этих сановных роб был свой резон здесь остановиться в начале марта. Кто отрешался, кто утешался, кому фигура не велела летом отдыхать — у всякого своя причина. Но эта-то, стройная, молодая, пригожая — когда принимал ее пальто, мановением тончайших духов был пленен, — эта-то зачем себя здесь в такую пору заточает? Вот, нашлось слово: заточает. Из тех женщин, чьих-то там жен из поднебесья, которым мужья не велят показываться на глаза толпе. Дело тут даже не в мужней ревности, хотя в ней, в ней все и дело. Но ревность утаивается, это сокровенное чувство, а на словах объясняется, что, де, грубость мужских нравов нынче такова, да особенно на Кавказе, что лучше, если уж одной ехать, то не в слишком, так сказать, теснотелый сезон. Да, ясно, она здесь одна. Отпущена со всяческими наставлениями и остережениями, но все же отпущена, доверяет ей муженек, столь сам занятый, что самолично сопроводить не смог. А, кстати, что за муженек-то? Велика ли его власть, его ценз власти? А то лучше подальше от нее, могут и наказать за дерзость. Сегодня еще могут, завтра уже и не смогут. Вспомнилось, вздрогнулось внутри. Может, вот прямо сейчас, в сей миг, подпись заветная и вчиняется. Власть! Это еще и вот такие женщины в не-весомых драгоценных одеждах, благоуханные, непредсказуемые. Хватил, вспомнил Гая Юлия Цезаря! Сорвался в небеса. Зачем же туда? А разве громадная машина у подъезда — это пустяк? А разве всякие там блага почти задарма — это малость? А разве чуть ли не каждодневное мелькание имени твоего в газетах так уж и ничего не значит? Незачем возноситься в заоблачные выси, глупость это все, исторические эти параллели. К землице поближе, к малым, пусть малым радостям, но радостям — вплотную. Сегодня он еще какой-то там зам. пред. Тоже весело, но как-то не звучит, если вздумает представиться такой вот небожительнице. А завтра — вздрогнуло все внутри, жаром обдался, — а завтра, глядишь, он уже сможет представиться по такому курсу ценностей, из затонет ранга глянув, что и княгинюшка эта ресницы взметнет, настороженно и прикидывая. Женщины — великолепные оценщицы и только и делают, что выставляют всему цену. И вещам, и людям — внешности, годам, но и должностям. В их небольших головках громадные разместились ценники. И идет работа, неустанно, неостановимо. И идет прикид на себя, на своего мужа, на своих детей. Хорошо, если, прикинув, устанавливает женщина свое превосходство, первенство, подтверждая себе, что ухватила счастья куском побольше; хуже, если прикид и подсчет не в ее пользу, сразу настроение портится. И чего-то вдруг начинает хотеться, перемен, что ли, судьбы. Ну, конечно, конечно, так думать о женщинах — это огрублять их суть, это по поверхности скользить, это даже пошло — так думать. Но пошлость и житейская зоркость — почти синонимы. Убедился, пожито. Но это мысли тайные, для себя. Вслух же мы все любим понакрутить, всякие выдумывая тонкости. Иную бабенку затем и в постель тащишь, чтобы она, забыв свои тонкости, открылась хоть на миг наипростейшей бабой, грубые повадки свои выдала. А иначе ее не распоймешь, когда она через слово все вскрикивает: «Ах, Феллини, ах, Антониони!» И ты тоже сам не свой с ней, твердишь, как попугай: «Ах, Модильяни, ах, Пикассо!» И вдруг затощнит. И тогда — по-грубому с ней. И все сразу встанет на свои места. Зверье мы!

Ну, водрузил ее пальтецо шеститысячное на плечики, уворовав глотком аромат женщины, ухваченный мехом, ну, и все, поклон, улыбка на улыбку — и в разные стороны. Заговаривать, знакомиться еще рано. Тут сперва нужна разведка, чтобы не напороться на какого-нибудь секретаря ЦК республиканского, муженечка если не с длинным кинжалом, то с весьма длинной рукой. Нет, не из этих она кругов. Из дипломатических? Теплее, теплее. Но и там длинноруких навалом. Пока — поостерегись, очертя голову не кидайся. Да и наука учит: ухаживай с лентой. Эту науку он вроде бы постиг. А что, и наука. Как женщину уловить? Наука из наук. И первая из ее заповедей, как и на рыбалке или на охоте, — не спугни. Зверье, зверье мы! Те же повадки, что и у четвероногих или пернатых. Огрубляешь? Не без этого. В таком сейчас состоянии, будто выпил, и столько выпил, что в мозг ударило. Пьянея, грубеешь, или, если честно, первозданнее становишься. Самим собой, что ли? Скидываешь луковые одежды культуры? Именно! С собой-то не хитри, именно так, с самим собой. И все упрощается до изумления. Вот ты, крепкий, статный мужик, который бабам сразу открывается, что от него ждать. Такой и дед твой был — его еще помнишь. Такой, должно, и прадед. Нагловатые мужички были, рукастые. Почему — нагловатые? Просто знали себе цену. А вот баба перед тобой наисладчайшая. Не в одеждах ее дорогих

дело, в ней самой суть. Стать. Краса. Уродилась одна на миллион. Ну, протягивай руки, пошли, забудем! Будто не вижу, что тебе такой я и нужен. Будто ты не поняла, что хочу тебя, хочу, хочу. Звери, звери мы, самцы да самки.

Но это все в мыслях, в промельке оных. А на поверхности — тишь да гладь. Учтивые движения, приглашенные взгляды, осторожные улыбки. Да и мысли уже эти, из главных главные, потеснены другими и тоже из главных главными. Здесь еще глаза, звериное обоняние, если угодно, а мысли — там, в громадном кабинете с приглашенными светильниками, чтобы не бил по нервам свет. Мысли — там, да и глаза туда устремились, к обширнейшему письменному столу с одной-единственной матово светящейся лампой под зеленым абажуром, к листку бумаги на том столе, к нависшей, замершей перед решением руки с пером над этим листком, вчиняющей, может, вот в сей самый миг заветную подпись. И вот тогда...

— Что с вами? — спросила женщина, умненько глянув. — Вы куда-то отлетели в заоблачные дали. Он сморкнул и вернулся.

— Нет, я здесь. Не пойму все-таки, вы только не сердитесь на меня, что спрашиваю, но не пойму, зачем это такая красавица в такой несезон здесь объявилась. Не рассердил?

Она не ответила, пошла от него, кружно поводя рукой, будто рука отыскивала слова для ответа, и вдруг обернулась, зорко-сочувственно поглядев, зная, что он впился сейчас глазами в ее спину.

— Муж ревнивый, — сказала, вскинув ресницы и опустив, будто взвела курки и выстрелила. И сразила, конечно же, наповал.

Как и должно сраженному, он замер, только что не повалился. А она не шутила, шутя. Так оно и есть, ревнивы эти сановные, если уж не могут удержать жену дома, и не могут сопроводить ее, отпускают тогда свою драгоценную половину отдыхать в несезон, в непогоду и в какой-нибудь самый глухой из санупровских углов. Но сановники эти, учтя сезон и географию, не учитывают причуд Судьбы. Реальности. А жизнь наша зависит от его величества Случая.

Он забыл о ней, уходящей, и так идущей, как той официанточке из здешней столовой и не снилось. Он вспомнил свой Случай. Кабинет тот заветный возник перед глазами, лампа под зеленым абажуром, рука, замершая над листком, рука, которая, шевельнувшись, лишь чуть шевельнувшись, чуть поведя пером по бумаге, и окажется свершительницей Чуда-Случая в его судьбе.

Они встретились потом на ужине, и она сама ресницами подговорила его к своему столу, и он, еще не разведав, а велик ли риск, как на веревочке был подтянут, чуть ли не подбежал, склонился, испрашивая разрешения сесть за ее стол. Она разрешила, ресницами же. Что за женщина? Скромница, распутница? Пойми их! Одно было ясно: она уже осознала свою власть над ним, и уже пользовалась этой властью, забавляясь, возможно, даже и потешалась в душе над ним, отведая ему малопочтенную роль курортного ухажера, к каковым наверняка успела привыкнуть, далеко не заходя, — муж ревнивый! — но в невинной этой забаве властвования над очередным поклонником себе не отказывая. Власть, и тут власть. Ну, погоди! Ну, зайнйка, погоди!

Весьма осанистый мужчина, гибко пробиравшийся между колоннами к своему столу, вгляделся, узнал и склонил почтительно голову, но тотчас, учитывая наличие дамы, и отвернулся, мол, ничего не видел, а не поздороваться просто не посмел. Осанистый-то осанистый, а какой-то не без угодливости. Кто такой? Где-то, помнится, встречались. Что-то, наверное, ему подписал, убоготворил. Лицо знакомое, да не вспомнить. Из просителей. Сколько их! Но зато тот вспомнил, и если будет сегодня звонить в Москву, а он через час уже будет звонить, уж он-то разнесет весть. Мол, застукал моссоветовца одного с дамочкой, и с какой! Он на эту дамочку едва глянул, но по телефону станет расписывать до мельчайших подробностей, ибо такие углядывают все мгновенно. Ну что, оно и к стати. Молва от звоночка отсюда пожаром перекинется по всей Москве, будто по той еще, когда вся была из дерева и пожары по ней проносились вихрем. А молва не хуже вихря. Раньше дома горели, вспыхивая, как сухостойные сосны в лесу, нынче так люди сгорают в сплетнях. Но эта сплетня на пользу. Мол, вон зачем он укатил в отпуск-то не в сезон, мол, вообще это не карьерные соображения, а сердечные. Умные, которые все про него поняли, когда сорвался в отпуск, узнав новость, усомнятся, что верно все поняли, в туманец забредут. Вот и хорошо. А тем временем...

— Вы какой-то начальник? — спросила она.

— Какой-то. А тут все начальники. Или их... — Он не стал договаривать, поостерегся облечь в слова свою мысль, угадав, сообразив, что таких слов, чтобы не обидеть, он для этой мысли сразу-вдруг не

сыщет. А такую, обидь только, задень всего лишь, сразу и потеряешь. Замкнется, заледенеет, запрезирает. По тонкому льду будто идешь, когда за такими идешь. Но зато, когда перебрался через речку, когда все силки расставлены, вот тогда говори такой, что вздумается. Она простит любую грубость тогда, даже пошлость. Простит, разомнет, объяснит на свой лад, что-то про тебя придумав, мигом возведя в ранг королевича. Просто так у этих ничего не бывает, они сперва королевство должны выстроить. Спешить с такими нельзя, надо им дать это свое королевство воздвигнуть, напридумать, тебя в нем поместить.

— Вы как мой муж, — сказала она. — То рядом, то куда-то унесло мыслями. Но он-то, я знаю, это он вычерчивает, считает без бумаги, а так, в уме. Ну, а вы что вычерчиваете? Ведь вы не инженер, не ученый? Не похожи.

— Так ваш муж ученый?

Она не ответила, ресницами укрыла глаза.

— А я, стало быть, на ученого не похож?

— Нет, вы начальник.

— Большой? Маленький?

Она задумалась, зачем-то поискала в зале глазами того осанистого, что поздоровался с ним, ответила как-то неопределенно:

— Все-таки... А этот дядя все время посматривает на наш стол. Такой большой, а наверняка сплетник.

— Испугались?

— С чего бы это? Да его и не я интересую, а вы. Нет, вы, пожалуй, достаточно крупный начальник. От вас что-то да зависит.

— А от вашего мужа? Он в каких делах мудрец?

— Дался вам мой муж. А этот дядя даже ложкой мимо рта провел, все на вас поглядывает. Похоже, вы человек где-то там в Москве заметный. Заметный?

— Пока не очень.

— Вот важничаете, не хотите даже представиться.

— Так и вы не хотите.

— Отчего же? Ольга Степановна.

Подошла давешняя официантка, очень миленькая, между прочим, но рядом с этой, с Ольгой Степановной — очертно, ее наимпростейшее, русской угрелой его душу, — рядом с этой королевной официанточкой так разом поблекла, что сдалась без состязания и загляделась на это прелестное, из иного мира существо. И сказала, отринув зависть, ввергая себя в обожание:

— Ой, я таких не встречала никогда! Хотите форежки свеженькой? Шеф для кого-то приберет. А для кого еще и беречь? — И умчалась, некрасиво перебирая полными ногами.

— Мне всегда бывает жаль этих женщин, — сказала Ольга Степановна. — Ну что за участь? А вас как звать-величать?

— Тоже простенько: Сергей Иванович. Участь, как участь. За место, скажем, сюда бьются, взятку дают.

— Не пошла бы в официантки, ну ни за что.

— Да хоть бы и пошли, вас перехватили бы на полдороге. Иной вы участи, Ольга Степановна. Муженек как вас перехватил, такую вот Степановну? Откуда родом-то?

— Сибирячка. Из самой, самой задалщины. Тобольск.

— Ух ты! Вон они где попрятались — наши красавицы.

— Полно вам. Учите, я мужняя жена.

— Знамо дело. Небось в избе из кедровых стволов возросли?

— Небось.

— А потом небось в Новосибирск, в университет подальше?

— Небось.

— И тут-то вас и углядел некий ученый чин. Ученые — они глазастые. Небось?

— Небось. — Глаза у нее менялись, пробегала в них цветная волна, то сгущая синеву, то растворяя — вспоминали глаза про эту самую «небось».

Почти бегом вернулась официантка, неся в высоко поднятой руке несколько величавых роз. Вспыхнув на столе, эти цветы, такие неожиданные в марте, сразу же совпали с женщиной, которой были присены, с цветом ее лица, волос, глаз.

— Это вам от меня, — сказала официантка, пристраивая цветы на столе, — она их в медном кувшине принесла, тусклом от старости, даже, может быть, от древности. — А форельку шеф не дал, кого-то из важных ждет, но заезд почему-то задерживается. Я ему говорю, да кого же еще ждать, ты войди в зал, посмотри, кто к нам приехал. Никто не приехал, говорит, когда «Чайка» подкатит, я в окно увижу. Дурак он у нас, мужичины все дураки. — Официантка повела глазами в его сторону, будто только сейчас увидела. — Вы на меня не обижайтесь, это я так, из личного опыта. Мужчины, известный народ... А вы не муж и жена, правда?

— Правда, — кивнул он. — Не тяну, так? А если бы на «Чайке» подкатил?

— А уж это вы не меня спрашивайте. Мой ко мне на велосипеде подкатывает. Но с любовью.— И ушла, гордая, что гордый сыскала ответ, пусть даже и пригала про любовь, и что эти цветы принесла, от себя отняв, похорошевшей, построжавшей походкой удалилась.

— А если бы на «Чайке»?.. — Он повторил свой вопрос, обратив его теперь к Ольге Степановне, к этой женщине, чей муж что-то да значил в науке, коль мог так ее одевать и краше которой не доводилось ему встречать, хотя он ли их не повидал, этих женщин, пусть даже из самых верхних слоев атмосферы. Ее лицо за цветами таинственным стало, как бы отделилось от него. Но он теперь знал, что она в той среде обретае, где деньги-то есть, их, может, и навалом, но власти, настоящей власти нет и страшился ему, вздумай он всерьез приволокнуться за красавицей, нечего. Не та власть у ученых этих задохликов. Вот его скоро может случиться власть, вот она-то и настоящая. А все дело за одним только росчерком пера, ведь все подготовлено, утрясено, обговорено, только один всего-навсего росчерк, один-единственный и остальное получить. И тогда...

Она ему не ответила: загадочно как-то улыбается и молчит. Все они загадочно улыбаются, но считают, прикидывают, сравнивают и умозаключают не хуже управляющего Государственного банка. И пока баланс не в его пользу. Даже официантка про него все просчитала, сразу поняв, что он не тянет в мужья этой красавицы, увешанной и униженной, между прочим, на большие тысячи. Да, вы правы, бабоньки, пока он не тянет. Пока! Но... Но, может быть, в этот самый миг, вот в этот самый-самый миг... Снова отлетели его мысли туда, к тому кабинету, где матово светилась лампа под зеленым абажуром и где на громадном письменном столе лежала папочка с его личным делом. Подписанная? Или еще нет? Может, как раз сейчас вчиняется эта подпись?

— Вы опять куда-то отлетели, — сказала Ольга Степановна. — Ждете вестей важных?

— Жду. — Он поспешно поднялся. — Звонка жду. Да и есть не хочется. Судьбоносный звончек, между прочим. — Он поклонился ей.

— И там «Чайка» в этом звонке? — Глаза у нее засветились то ли усмешкой, то ли сочувствием. Он понял: она ему не верит. Врать-то на курортах мужички горазды. Ну, ничего, ничего!

— Глупо уговорился. Жду звонка, а о часе не условился. Придется теперь большую часть времени в своем номере куковать, диспетчером быть при своей судьбе.

Она улыбнулась ему, теперь сочувственно.

— Это вы хорошо сказали. Но ведь судьба, если судьба, никуда от вас не убежит. Или вы от нее. Как правильнее?

— Пожалуй, мы от судьбы, а не она от нас.

— А после ужина, между прочим, какой-то фильм американский будут показывать. Не пойдете, останетесь на дежурстве?

— Побуду у себя. — Он снова ей поклонился, в поклоне, скосив глаза, перехватил буравящий взгляд осанистого, который на свой лад сейчас оценит его стремительный уход, мол, поспорила с дамой сердца, и, едва отужинав, кинется к телефону, чтобы пробить в Москву сплетню. Валяй, валяй, все понял!

Номер ему здесь определили, скорее всего, полукосовый. Избыточно роскошный, но все-таки однокомнатный. Не тянул пока на люкс. Пока? Вдруг вспомнилось тревожно, как говорила официантка о какой-то важной персоне, не прибывшей в срок на своей «Чайке». Что задержало? Чрезвычайность какая-нибудь? Время сейчас было тягучим, но чрезвычайным. Как перед обрывом струны, натянутой до предела и уже сверх предела. А номер ему все же тут предоставили явно престижный. Там, в Москве, санупровские чины обладают тончайшим нюхом, кто в гору, а кто — под гору. Про него смекнули, что в гору. Смекнули, ничего точно не ведая. Он сам еще пребывал в неведении, а они уже смекнули. Интуицией сие называется. Он тоже владел этим даром. Обучился. Тут ему спорт помог, бойцовские, борцовские качества. Ударить, кинуть надо за миг до того, как тебя самого ударят или кинут. И даже за миг от мига. Тут начинаются измерения, как в эталоне времени, на какие-то тысячные секунды. Спорт помог и вышагнуть вперед. Стать спортивной. Случаи ведут нас, их величества случаи. Женился удачно. Любовь? Это вы про что? Брак, как учит нас действительность, тоже весьма проталкивающий фактор. Имеются примеры. Его большой приятель начинал во внешней охране. А вон какую судьбушку вытянул, стоя возле дачного крыльца. Правда, не без риска судьба. А мы чуть поменьше схватим, зато и поменьше риска.

Да, номер ему тут выдали, так сказать, на вырост. Все тут — и телевизор цветной, и радиоприемник громадный, хотя наверняка кастрированный, и в прихожей просторной холодильник «ЗИЛ». Он уже проверял холодильник, обнаружил там и пару бутылок коньяка, установив, что и тут, аж на родине этого

напитка, не знают, что коньяк не следует хранить в холодильниках. Выставил бутылки на стол, пусть радуют глаз. А в обширном буфете был широкий набор рюмок, бокалов, всяческих тарелок и тарелочек. Все на случай, если проживающий надумает кого-то принять, угостить. Две кровати-широченые тут были. Зачем две-то? Значит, могут и две пригодиться. Здесь не монастырь, это уж точно. Монашеские, ханжеские времена — хвала всевышнему! — миновали. И здесь бывают, в этом ли доме, в подобных ли, люди, взысканные доверием, успехом. Добились, сумели. А успех кое-что да позволяет.

Но сейчас не до этих бутылок, не до этих кроватей. Хотя... А дамочку-то, дамочку-то какую тут повстречал! И кому досталась?! Какому-нибудь сутулику, которого кинь — и не встанет. Как он там с ней управляет, этот хмырь, со статной-то, с павой-то? Купил, это точно. Но бабе нужны не одни сережки с брильянтами и манто из каракульчи. Рискнуть? Да и велик ли риск? Ученые, они и ревновать-то как следует не умеют, а уж мстить и подавно. Все поймут, все объяснят и даже прощения попросят, слышь? Если ученый муж узнает, что жена ему изменила. Мол, сам виноват, слишком много уделял внимания науке. Интеллигентия! Мудрецы липовые! Это мы-то прожигатели жизни? Они, а не мы ее прожигают. Одну, между прочим, единственную. Ну, нашли там что-то, открыли. Ну, схватили удачу, нарекли их академиками, лауреатами, обрядили, как шотов, в мантии, ну, а зубов уже и нет, чтобы от этой удачи откусить. Так зачем она тогда — их удача?

На письменном столе, который был здесь явно без дела, в угол был задвинут, громоздился старомодный телефонный аппарат. Добрая примета, что такой старец тут ухранился. Из него и получать судьбоносные вести, трубный глас Судьбы. Такой аппарат, еще сталинских времен свидетель, по пустякам своей голос не подает. Кровати эти обширные, монументальные тоже из той поры, и буфет тяжеленный — тоже. И весь этот дом с высоченными потолками, с колоннами, затеснившимися фасадом, с двухстворчатой дворцовой дверью на балкон, с люстрой бронзовой и с настольной и тоже бронзовой лампой под абажуром, с громадной ванной, когда туда заглянул, где можно хоть вдвоем разместиться и где в бронзовом же окладе зеркало во всю стену, — вся эта бронза, вся эта монументальность несдвигаемая, это все от Егоры, от Сталина. Понимал старик. Свой стиль сумел внедрить. Молодцы, что ничего здесь не тронули. Еще послужат вещицы. Им износа нет. Сам стиль Егоры еще послужит. Никуда не денется. А мы ему послушим, ибо основателен и разумен, внушает людям уважение. А иных и в страх, и в трепет вгоняет. И очень хорошо. Уважение и страх в обнимку ходят. Когда еще понял. В боксе, когда в самбо кидал, — тогда еще понял. Имевшие с ним дело уважали, потому что боялись. Говорили, конечно, что уважают, но — боялись, прежде всего боялись. И правильно. Логика жизни. А телефон молчит. И неведомо, что там творится, возле того абажура, совсем такого же, как здесь на столе, разве что здешний под белым колпаком, а тот — под зеленым. Что там, в том кабинете? Свершилось? Нет еще? Жгла тревога.

В ванной, стоя перед громадным зеркалом — кого только оно не наотражало! — приметив, что резьба на раме к фривольным подталкивает мыслям — уж больно там амурчики резвились, — он переоделся в тренировочный костюм, сам перед собой похвалился своей еще спортивной статью. Еще могем, если что! Он вспомнил ту дамочку драгоценную. Он ее разглядывал, но ведь и она его разглядывала, занавешиваясь ресницами. Кого, возможно, такие опущенные ресницы и могут провести, но только не его. Все мы одинаковые — самцы и самочки. В том-то и суть.

Занятная была эта ванная комната. Громадная, в первых, хоть пляши в ней. А перед таким зеркалом и потянет. Но только не в балльных туалетах. Из ванной этой вела особая дверь в коридор. Это на случай, если с постояльцем что-либо случится, когда опустится в воду. Старичья тут много бывает, а жратва жирная, а выпивки навалом. Вот и... Для сигнализации, если что случится, висела с потолка груша. Старомодное изобретение, но дельное. Потянул — и просигналился тревога, распахнется эта служебная дверца, вбежит дежурная, начнут старичка спасать. Все предусмотрено, с любовью к людям дом складывали. С любовью или с трепетом? Ведь тут такие жила и живут, что ошибки не простят. Комиссию учредят, если что. Виновные найдутся. А что жрал да пил пострадавший сверх меры — это не его вина, по традиции жил человек. Кстати, не худо бы разжать себя, глотнуть рюмку. Ждать, когда так ждешь, легче все же, если немного выпил. Но только немного, чтобы сообразил, что не утратить. Ведь если «Да!» — надо вмиг будет собраться и, день ли, ночь ли, кидаться в Москву. К чертям тогда отпуск! Какой еще там отпуск?!

Он вернулся в комнату, пружиня шаг, к чему призвал обтянувший, радующий тело тренировочный костюм. И пузатые старики в таких ходят, и эти ученые сутулики в них дряблыми ляжками трясут. Но эта ужимающая ткань не для них, она для развнутой груди, напрягшихся мускулов, для рывка, а не трусцы.

Он аккуратно повесил костюм в шкаф, который тоже был недвижимого стиля и был еще пропитан запахом дорогих духов, а не гостиничным потным смрадом, ибо здесь селились люди не из толпы, а из избраннического ряда. Он в этот ряд уже вшагнул. Но не в первый пока. Пока? Все вспомнил, глянул на абажур, почти такой же, как в том кабинете, и просто кинулся к бутылкам на столе. Зубами, как в молодые годы это делал, сорвал металлическую напелку, зубами же вырвал пластмассовую пробку — и прямо из горла, а что, можем и так! — стал пить, обжигая десны, зажигая нутро, успокаиваясь. Припал и никак не мог оторваться.

Кто-то постучал в дверь, как-то шаловливо, но и робко, не стук получился, а так, кто-то легонько пробарабанил пальцами по двери.

— Прошу! — крикнул он, оторвавшись от бутылки, рукавом утирая вспыхнувшие огнем губы.

Приотворилась дверь, робко, неуверенно, будто усомнилась, а открываться ли, и даже вознамерилась, качнувшись, затвориться. Но — приотворилась все же, и в образовавшееся пространство вскользнула Ольга Степановна. Она была и смущена, и странной какой-то была, возбужденной, ноздри у нее были поширены, как у норвистой кобылки-двухлетки. Глупый возраст, но нет у лошади краше поры.

— Я ушла с этого фильма, просто фу какое-то! — быстро заговорила Ольга Степановна, не позволяя себе подальше вшагнуть в комнату и сразу углядев, что он только что отставил бутылку, ноздри у нее поширенными сразу же унюхав коньячный тревожный дух. — О, да вы пьете! Сам-один?

— Составьте компанию! — Он кинулся к буфету за фужером, не веря, что эта женщина сама пришла к нему, понимая, что тут ничего еще особенного нет, что пришла, но зная, угадывая — коньяк пособлял этим мыслям, — что тут уже есть и некая надежда, как у рыбака, который видит в прозрачной воде, что рыбка, и не маленькая, подобралась к его крючку с наживкой. Теперь главное не спугнуть! Но и подсесть, не промедлив! Коньяк бушевал в нем, трезвая и напрягая.

— Нет, нет, что вы?! Я не пью! Я заглянула, чтобы позвать вас на прогулку. Гляньте за окна, дивный же вечер. Мне надо бы было позвонить вам, но я понимаю, вы ждете совсем другого звонка и мой бы вас страшно разочаровал. Ах да, вам же нельзя уходить. Вы же тут должны куковать возле телефона. Но какой фильм нам решили показывать? Фу, просто фу! Беспардоннейшая пошлость! Неужели американцы могут пробавляться такими скабрзностями? — Она говорила, говорила, пытаясь скрыть свое смущение, уразумев, когда вошла, что входить не следовало, и уже пытаясь, все пытаясь к еще не затворившейся плотно двери, к тому все суживающемуся пространству, через которое можно было ускользнуть. — А вам идет этот спортивный костюм, — сказала она, прихватывая губами свои слова, досаду явно и недоумевая, что срываются с ее губ такие слова. — Ах вот вы кто, вы тренер какой-нибудь нашей первой сборной!

— Первой все-таки? — усмехнулся он, подходя, протягивая ей фужер, где вовсе не пугающе, а всего лишь украв донельзя масленно колебался коньяк.

Она испуганно отстранилась, отведя его руку с фужером, а он и не настаивал, рыбка-то еще за наживку не ухватилась, еще и дверь даже была не притворена. Вот дверь-то перво-наперво он и притворил.

— Что вы делаете? Зачем? Я ухажу!

Но рядом с дверью теперь стоял он, а она уже вшагнула в комнату.

— Не настаиваю, не пейте, — сказал он. — А что зашли, спасибо. Куковать-то одному тяжело. Уделите хоть минуточку затосковавшему дежурному. Что за фильм-то?

— Гадость! — Вспомнила, и ноздри у нее опять поширились, поскользну и гадость может растревожить. — Есть отношение между мужской и женской, которые недопустимо выносить на всеобщее обозрение.

— А тихом можно? — спросил он и испугался: ведь спугнет же.

Она промолчала, укрывшись ресницами. Ее почти обморочное смущение начинало проходить. Что ж, заглянула на секундочку, но вот сейчас и уйдет, пробыв тут для вежливости две-три минутки.

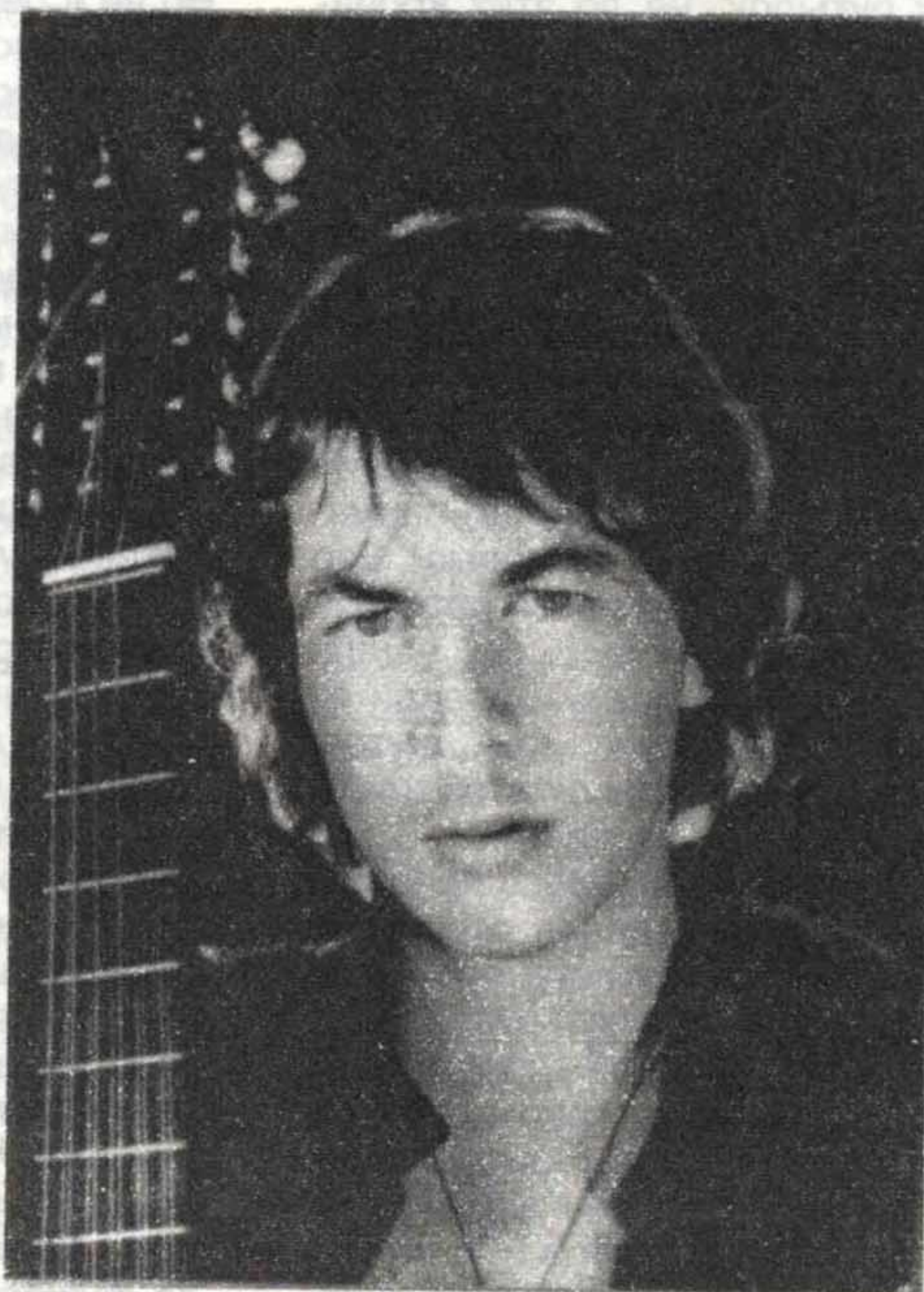
— А я еще выпью, — сказал он и стал пить из фужера, который предлагал ей, но она отказалась, а он и не настаивает, сам пьет из этого фужера. Его ненастырность была оценена, она совсем успокоилась.

— Станный вы народ — мужчины, — сказала. —

ЛЮБЛЮ ОТТОГО, ЧТО БОЛИТ

Александр БАШЛАЧЕВ

Незнакомый молодой поэт должен приходить в литературу не с гладким чемоданчиком аккуратно подогнанных стихов, а с мешком, набитым острыми гвоздями, которые выпирают в разные стороны и задевают меня и ранят, и его боль становится моей болью.

Он говорит об окружающем меня знакомом мире знакомыми словами, но расположенными в необычных сочетаниях, отчего конструкция этого мира предстает передо мной объемной. Он открывает мне многослойный смысл явлений и такие глубины, под которыми не пустота, а новый смысл. Тогда, пораженный его зоркостью, я кричу, плачу вместе с ним и вместе с ним ликую, потому что его мир становится как бы моим.

Так я воспринял стихи А. Башлачева, поэта незнакомое, но истинное, сказавшего свое слово с подлинным вдохновением и неугасающей болью.

Б. ОКУДЖАВА

Александр Башлачев родился в 1960 году в Череповце. Окончив Уральский университет, он переехал в Ленинград и в скором времени удивил и покориł своими песнями молодых слушателей в обеих столицах, принес с собой знание «остального» мира, начинающегося за кольцевыми дорогами мегаполисов. Его голос оказал большое влияние на так называемую рок-культуру, окончательно сформировавшуюся у нас в восьмидесятые годы и получившую, наконец, доступ к средствам массовой информации.

В нынешнем году Александр Башлачев ушел из жизни. Это первая публикация его стихов. Мы выбрали произведение балладного характера. Без гитары, конечно, они теряют неповторимость авторской манеры, но в отличие от многих бардов и создателей роковых текстов у Александра Башлачева, на наш взгляд, энергия содержится в самих строчках, лишенных музыкальной поддержки. В них есть боль — единственная непреложная традиция отечественной поэзии:

Объясни — я люблю оттого, что болит,

Или это болит оттого, что люблю?

Ожидается выход пластинки Александра Башлачева.

ГРИБОЕДОВСКИЙ ВАЛЬС

В отдаленном совхозе «Победа»
Был потрепанный старенький «ЗИЛ».
А при нем был Степан Грибоедов.
И на «ЗИЛе» он воду возил.

Он справлялся с работой отлично.
Был по обыкновению пьян.
Словом, был человеком обычным
Водовоз Грибоедов Степан.

После бани он бегал на танцы.
Так и щупал бы баб до сих пор.
Но случился в деревне с сеансом
Выдающийся гипнотизер.

На заплыванной маленькой сцене
Он буквально творил чудеса.
Мужики выражали сомненье,
И тарасили бабы глаза.

Он над темным народом смеялся.
И тогда, чтоб проверить обман,
Из последнего ряда поднялся
Водовоз Грибоедов Степан.

Он спокойно вошел на эстраду,
И мгновенно он был поражен
Гипнотическим опытным взглядом,
Словно финским точеным ножом.

И поплыли знакомые лица...
И приснился невиданный сон —
Видит он небо Аустерлица,
Он не Степка, а Наполеон!

Он увидел свои эскадроны.
Он услышал раскаты стрельбы
И заметил чужие знамена
В окуляре подзорной трубы.

Он легко оценил положение,
И движением властной руки
Дал приказ о начале сраженья,
И направил в атаку полки.

Опаленный горячим азартом,
Он лупил в полковой барабан.
Был неистовым он Бонапартом —
Водовоз Грибоедов Степан.

Пели ядра, и в пламени битвы
Доставалось своим и врагам.
Он плевался словами молитвы
Незнакомым французским богам.

Вот и все. Бой окончен. Победа.
Враг повержен. Гвардейцы, шашаш!
Покачулся Степан Грибоедов,
И слетела минутная блажь.

На заплыванной сцене райклуба
Он стоял, как стоял до сих пор.
А над ним скалил желтые зубы
Выдающийся гипнотизер.

Он домой возвращался под вечер
И глушил самогон до утра.
Всюду чудился запах картечи,
И повсюду кричали «Ура».

Спихнулись о нем только в среду.
Дверь сломали и в хату вошли.
А на них водовоз Грибоедов,
Улыбаясь, глядел из петли.

Он смотрел голубыми глазами.
Треуголка упала из рук.
И на нем был залитый слезами
Императорский серый сюртук.

Чуть вас что встревожит, и начинаете терять самообладание.

— Ваш, что же, теряет?

Она промолчала.

— Он кто у вас? Знаете, если переименовать: покажи мне твою жену, и я скажу тебе, кто ты. В смысле веса. Похоже, в науке он у вас вес имеет. Имеет? — Потягивая из фужера, он кружил вокруг нее, теснил совсем неприметно, в глубину комнаты впроваживая, туда, где разлеглись широко эти мягкие капканы для человеческих страстей.

Она молчала, ресницы у нее то пугались, вскидываясь, то успокаивались, давая волю пристальному ее на него взгляду, спокойных-расспокойных женских глаз, благоразумнейших, призывающих и мужчину к спокойствию, к благопристойности, пусть даже вот они тут с глазу на глаз оказались, пусть даже и потягивает он этот обезумевший мужчин напиток.

— Я многих из ученого мира знаю, такая работа, многим бываю нужен, — кружил он, взглядывая коротко на женщину, но уже и в себя самого взглядывая, к себе прислушиваясь, к той в нем начинавшейся волне, которая могла подхватить его, захлестнуть. — Фамилия-то у него какая?

Она не ответила.

— Он, случайно, у вас не из евреев?

Она не ответила, лишь вскинулись, заматались ресницы.

— Что же, там, в Сибири, не смогли себе сибир-

ского мужичка подобрать? — Похоже, он начинал спешить, грубить — коньяк — плохой помощник на рыбалке.

Да, он насторожил ее, рассердил.

— Он у меня Герой Социалистического Труда, — сказала она и так поглядела, сравнивая своего и этого, как только женщины умеют глянуть, откровенно презирая. Поостеречься бы ей надо было, но он ее рассердил.

— Вот как? За какие такие заслуги?

— Дважды Герой, — сказала она, хотя муж учил ее никогда не хвастать. Но сейчас она защищалась. — И Ленинская у него есть. Три Государственных.

— Вот как? Ишь ты? Что так? — Он перестал кружить, встал перед ней, коньячный дух грозно опламенил ей лицо.

— У него про это многие спрашивают, а он отвечает только одно: «У меня взлетают...» — Она попыталась попятиться, но пятиться было некуда, за спиной разлеглись капканы.

— Взлетают?... Это что, ракеты, что ли?

— Я пойду... Пустите, я пойду...

— Куда? — Он поставил фужер на стол, приглатываясь, придвигаясь. И вдруг схватил ее такими невероятно, неизведанно сильными руками, что где там было ей вырваться, хоть она и отчаянную сделала попытку.

— Вот ты у меня сейчас взлетишь! — Его руки подхватили ее, перебрались к бедрам, к коленям,

и она взлетела, под потолок, головой выше люстры, мягко осев на его распыленную ладонь.

Еще миг, еще только миг оставалось ей там пребывать, в той высоте. Вознесенная, она была уготовлена для падения. Это был его коронный номер, его коронная подсечка. Что может женщина против такой победоносной силы?

Но тут вмешалась иная сила: хрипло, отрешенно — с небес, что ли? — подал глас старец телефон. Судьба подавала свой голос.

Почти не согнув руки, он просто сбросил женщину с распыленной ладони, туда, на кровать, на пружинный этот капкан, который, как батут, спружинив, принял ее.

А он уже был у телефона, схватил трубку, проник всем слухом, всем существом в странное, тревожное это гудение пространств, ждал голоса, известия.

Женщина вскинулась на батуте, соскользнула, кинулась за дверь. Он ничего этого не услышал, он вслушивался в гул, несшийся из трубки, он читал этот гул, шевеля губами, не умея прочесть. Наконец, впелелся в гул голос. Из невероятной дали, но с убивающей вестью:

«СЕГОДНЯ... В ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЧАСОВ ДВАДЦАТЬ МИНУТ... ОН... СКОНЧАЛСЯ...»

— Не успел?! — спросилось-выдохнулось.

— «НЕТ...» — холодно отозвалось пространство.

И все. Голос смолк и даже гул сник, связь прервалась.

изучение природы, я почувствовала возможность подойти к живописи, через нее передать нашу действительность».

Итак, одним из этапов постижения нового для художницы вполне логично становится работа в стиле кубизма. И, вернувшись в Москву, она участвует в 1914 году в экспозиции «Бубнового Валета». Ее работа привлекает внимание. В 1915 году Удальцова приглашается на 1-ю футуристическую выставку, где она выставляет восемь работ. Наиболее яркой, завершенной среди них является «Ресторан» (1915, ГРМ) — картина, навеянная воспоминаниями о Париже, о его ночной жизни, динамичной и таинственной, как бы увиденной в отблесках оконных стекол.

«За годы 1913—1919,— писала она,— за так называемый кубистический период моего художественного прошлого, наиболее плодотворного, я участвовала на выставках в Петрограде, устраиваемых крайне левыми: «Трамвай В», «0,10», в Москве — «Магазин», «Бубновый Валет».

В известных работах этого периода — «Автопортрет» (1915, ГТГ), «Бутылка и рюмка» (1915, ГТГ) — растет сложность цветовых оттенков, увеличивается тонкость их соотношений, усложняется работа над фактурой холстов...

Ее искусство становится глубоким и сложным. Его смысл не укладывается в привычную меру восприятия. Оно непривычно, как и любое открытие, не сразу поддающееся пониманию.

«Всегда пресса — надо отдать ей справедливость — обливала наши выступления помоями и ушатами грязи. «Хамы, хулиганы» и пр. были самыми распространенными эпитетами по нашему адресу», — пишет Н. Удальцова.

Следующим шагом становится соприкосновение с супрематизмом К. Малевича, накапливаемый им опыт работы чистыми плоскостями цвета.

Сегодня, кстати сказать, нам хорошо известно, как прогрессивно влияли опыты супрематизма на развитие искусства плаката, оформления книги, театра, монументального искусства и т. д. Особенно ярко они проявили себя в 1920-е годы, когда стране, ее культуре, ее быту подобная многогранность оказалась сверхнеобходимой.

«Наши группировки радостно приняли Октябрь,— говорит Удальцова,— и с первых же дней мы пошли работать в Советы, а затем — в коллегию Наркомпроса... Строилась новая художественная школа».

С этого времени путь Удальцовой и Древина становится общим.

Художники не обошли вниманием и еще одно острейшее явление времени — дискуссии по поводу судеб станкового искусства — быть ему или раствориться в искусствах прикладных, производственных, оформительских и т. д. Агрессивность последней позиции всерьез угрожала жизни самого вида искусства — станковой живописи. Древин и Удальцова включаются в борьбу за искусство станковое, наиболее тесно и органично связанное

**А. Д. ДРЕВИН.
ДМИТРОВ.
ПЕЙЗАЖ.
1924.**

*Начало см.
на стр. 8.*

**ПОРТРЕТ
НАДЕЖДЫ
УДАЛЬЦОВОЙ.
1923.**

ДОРОГА В НОРК.
1933.

ГАРАЖ В СТЕПИ.
1932.

с внутренним миром человека, с его душой. И когда ИНХУК начинает действовать под лозунгом замены станкового искусства искусством производственным, они уходят из института.

Далее — естественная увлеченность станковой живописью. Сближение с бывшими «бубновалетцами» — И. Машковым, П. Кончаловским, А. Лентуловым. На «Выставке картин», состоявшейся в 1923 году, выступая вместе с названными художниками, Удальцова и Древин участвуют вполне демонстративно: сама затея, выраженная в названии «Выставка картин», включала в себя прежде всего провозглашение и утверждение прав станковой живописи, «производство картин», противопоставленное «производству вещей», — писал об этой выставке ее современник крупнейший критик Я. Тугендхольд.

Но для А. Древина сближение с «Бубновым Валетом» — краткий этап. В этом соприкосновении он как бы повторяет для себя заново все пройденные ранее этапы. Он уже чувствует достаточность накопленного культурного, технического опыта для выражения новых впечатлений и образных потребностей.

Те же переживания характерны и для Удальцовой.

«Собственное творческое напряжение, — говорит она, — сменилось наблюдением, изучением природы, переживанием природы». Они вновь едины в выборе жанра, который наиболее адекватен их новым идеям, новым связям с жизнью. Это пейзаж, жанр, в кото-

ром художник остается один на один с природой, следовательно, самим собой.

В 1930 году они путешествуют по Алтаю. (Затем по Грузии и Армении.)

«Алтай особенно повлиял на меня своей красивой природой, — расскажет А. Древина, — большими пространствами; его необыкновенная сила света изменила мою живопись».

«Главным организатором холстов того времени был цвет, — говорит Удальцова. — Поездка на Алтай с его четкими формами, прозрачным воздухом, ослепительным, всюду проникающим светом создала коренной перелом в работе... и снова встали те же задачи живописи, которые стояли раньше, только обогащенные двойным опытом — работой над отвлеченной формой и работой с натуры».

Для Древиной, как и для Удальцовой, возвращение «к природе» отнюдь не означало обращения к уже расхожему тогда методу «прямого удвоения» этой природы.

Самое, пожалуй, главное в творчестве художника — его чувство живописи как органического составного реальности. Он смешивает краски прямо на холсте, как бы сублимируя в дополнительных цветах саму действительность, лишь слегка «опредмечивая» ее.

Таковы его герои независимо от сюжетных мотивов картин. Все мироздание вмещается и в образ «Гаража в степи» (1932), «Кораблика» (1930) или «Барки» (1932), а рядом — «Косуля» (1930). Во многих повторах и вариантах они едины в своей непостижимой живописной выразительности. Он пишет с той же позиции «Сельсовет» (1932) и «Соревнование бригад» (1932), «Женщину с листовками» (1933), «Кузницу» (1931). Но если для художника суть восприятия в слиянии жизни с живописью, самого бытия с самой системой его живописного выражения, то как же судить о нем с позиции «особо важных» тем и сюжетов?

В его искусстве явно ощутим момент поэтического созерцания. «Созерцания? Значит, он пассивен и никак не соотносится с бодрой поступью!» Он стремится выразить поистине неисчерпаемое чувство мудрости, величия, поэзии жизни, а его обсуждают как адепта «искусства для искусства». Правда, в его искусстве тех лет, как и в искусстве Удальцовой, в самой острой непосредственности впечатлений, в стремлении подчеркнуть прелесть изменяющегося, преходящего, подвижного, чем полна жизнь, содержался протест против нарастающей силы парадной грандиозности нашего искусства. Практически же его искусство по сути и уровню его образности, профессиональности далеко обгоняло свое время. Видимо, это и послужило причиной того, что жизнь художника оборвалась в 1938 году...

Надежду Андреевну Удальцову мне довелось знать лично. В 1987 году исполнилось 100 лет со дня ее рождения. Всю свою трудную, поистине героическую жизнь художница прожила в Москве — ее, как и Древина, невозможно даже упрекнуть в «эмигрантстве». Ее живопись талантлива, мощна, содержательна. Так в чем же дело? Отчего отсутствует у ней какая бы то ни было информация? Может быть, ответит на это ее жизнь, ее судьба незаурядного художника.

«Наши группировки были в оппозиции современному нам буржуазному обществу. Футуристы-поэты громили его в стихах: мы разрушали в картинах», — напишет позднее Н. Удальцова.

Кто-то из великих сказал, что каждый человек XX века — уникальное хранилище смысла своего времени. И во всех его главных проявлениях. Удальцова — яркий тому пример. Ей сполна была дана радость осознания собственного «я» в искусстве начала века, радость обретения нового мироощущения, мощная художественная одаренность, способная воплотить и драматизм острых парадоксов — не-

избежных спутников сложного бытия.

Пришла Великая Отечественная война — и единственный сын, Андрей (ныне известный скульптор), тяжело ранен в армии, защищаящей блокадный Ленинград. Далее, общая радость Победы и... периодически возникающие после войны «этапы борьбы с формализмом» — охота на ведьм, одной из главных героинь которой время от времени становится Надежда Удальцова. Хотя в годы войны Удальцова в бригаде художников работает в военных частях, где пишет с натуры портреты летчиков... Хотя в 1946 году она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»...

Но изоляция все усиливается — нет выставок, нет закупок, нет признания. Но продолжается яркая, вдохновенная творческая и подвижническая жизнь в искусстве, а точнее — жизнь искусством.

1952 год. Дом ВХУТЕМАСа на улице Кирова. Издавна он был обиталищем многих выдающихся представителей русской дореволюционной и советской художественной культуры. Позднее по чьей-то досужей идее этот дом был превращен в скопище душных коммуналок. Так случилось и с квартирой 51.

Помнится довольно темный, хотя и высокий, потолок общей кухни, выщербленные бело-черные плитки пола, чистота и одновременно какая-то необжитость. Седой, худощавый и сутулый старик с ватой в ушах и в неизменной тюбетейке. Он склоняется над чем-то в булькающей маленькой кастрюльке и, помешивая в ней, непрерывно ворчит.

Это глава футуризма, ныне пробавляющийся торговлей книгами, знаменитый в свое время бунтарь и новатор, яростный разрушитель косности, поэт, художник, библиофил Алексей Крученых. Время от времени на кухне появляется некто пьяный, матерящийся, в незастегнутом нижнем белье. Реже приходит небольшого роста женщина в темном, опрятном, видимо, единственном платье. Она сильно хромает, опираясь на клюку...

Я не знаю, когда и чем питалась Надежда Андреевна (раз жила — значит, питалась). Самое сильное впечатление в ту пору — полная ее независимость от бытовых проблем, полная от них отрешенность. И еще столь же абсолютная и ровная доброжелательность к окружающим. Позднее стало понятно, что столь спокойное отсутствие какой бы то ни было ожесточенности свидетельствовало о компенсирующей все внешние невзгоды внутренней душевной наполненности. Таким компенсатором всегда, а в 50-е годы как бы и в особенности, было искусство.

Мизерная пенсия — и все, что можно, откладывается «на лето», снять хибару в деревне и там — писать, писать и писать. В полном самозабвении, не обращая внимания на признания или гонения. Писать! И так — до конца дней. И нет ничего удивительного в том, что в противовес дискомфорту внешней искусство Удальцовой, и особенно в последний период, проникнуто мощным жизнеутверждением...

Тяжелая травма, полученная в самый трудный период, сделала ее инвалидом. Стали затруднительны не только поездки, но и передвижение внутри квартиры. Но она и здесь находит возможность продолжать интенсивную работу. Натюрморт — единственно доступный жанр в ее ситуации. Трудности не «размагнитили» ее творческую энергию. Именно это способно глубоко взволновать при взгляде на яркие, звучные, мажорные натюрморты «Пижма», «Кухонный стол», находящиеся в Русском музее. «Кухонный стол» — последняя работа художницы. Дописывая этот холст, Надежда Удальцова скончалась...

Творчество Надежды Удальцовой и Александра Древина оставило своих последователей, свою традицию в современном искусстве.

Мюда ЯБЛОНСКАЯ,
кандидат искусствоведения.

ИСТОРИЯ ОДНОГО САМОУБИЙСТВА

Начало см. на стр. 18.

ние о случившемся, в экстренных случаях на место происшествия выезжала оперативная группа, другие сообщения дежурный записывал в особую тетрадь и утром докладывал начальнику. Оперативная же группа попадала на место происшествия порой не сразу, если она выехала перед этим в другое место. Часто сообщение ждало ее возвращения, и дежурный нетерпеливо поглядывал в окно. Никаких других прав и возможностей у него не было. Да и придумать он мало что мог. В дежурную часть обычно назначались работники послабее, а то и за провинность какую-нибудь или уже по возрасту стало тяжело развезжать по городу. Потому и был дежурный, по существу, простым регистратором событий, а решать что-либо по возникшему делу полагалось другим, и срок был для этого — десять дней.

А Крылов ее отчетливо представлял эту другую дежурную часть. Главное, чтобы в ней работали компетентные, умные люди, не регистраторы, а энергичные организаторы, наделенные небывалой властью и правами, по должности приравненные к руководящему составу Управления.

Этот новый дежурный докладывал утром начальнику штаба уже о раскрытых «по горячим следам» преступлениях или о конкретных мерах, предпринятых по его приказу, по расследованию преступлений, еще не раскрытых. В течение «дежурных суток» он руководил, организовывал работу всех служб милиции на своем, самом горячем участке. Следователи, работники уголовного розыска, ГАИ, эксперты, проводники служебных собак, автопатрули в городе, участковые инспектора — все подчинялись ответственному дежурному, когда он комплектовал оперативную группу для выезда на место происшествия — за три минуты, не более!

И что было еще важно — чтобы ни один звонок, ни одно заявление граждан, ни одна просьба о помощи не оставались без ответа. А ответ здесь означал немедленное принятие мер. Тогда, он думал, кончатся жалобы граждан на медлительность, неповоротливость, равнодушие милиции. Но противники его тогда в конце концов взяли верх. Такое было время.

А у Крылова между тем появился новый, могущественный враг.

Собственно говоря, это был ничтожный человек. Совсем еще молодой, дремуче необразованный, распущенный, полный презрения ко всем вокруг, получивший вдруг огромную власть, но алчущий еще и богатства, как мы теперь знаем, в самом прямом, материальном смысле этого слова. Впрочем, пока мы знаем, что он арестован, что закончено следствие, вскрыты огромные взятки и злоупотребления.

Но это все потом. А пока, во второй половине 70-х, он стремительно делал карьеру, этот брежневский зятек, очередной супруг его беспутной доченьки, прославившейся своими похождениями, кажется, на всю Москву. Зятек быстро шагнул по ступенькам своей головокружительной карьеры, шагнул, как говорили, «с хрустом» и за считанное время, всего-то года за три, из подполковника в рядовой должности превратился в генерал-полковника в должности первого заместителя министра внутренних дел. И уже огромная планка орденов, наших и иностранных, украсила его китель, вызывая скрытую и понимающую насмешку у всех вокруг.

Испытание властью, как известно, самое трудное из испытаний. Его порой не выдерживали — мы помним — даже натуры архикрупные, талантливые

и умные. А здесь... мальчишка, ошалевший от гигантской власти над людьми, опухший от разгула, с черными кругами под глазами и капризным изгибом тонких губ, он всех презирал и знал, что ему все дозволено. Как он при мне однажды, ничуть не стеснясь, в бешенстве орал на седого майора за то, что тот вовремя не подготовил костры, когда он с компанией приехал на рыбалку, как он топал ногами, как грозил сорвать погоны и загнать «в тундру». Присутствующие при этой безобразной сцене, кроме двух-трех подхалимов, не знали, куда спрятать глаза.

Какая выразительная примета времени: этот пропойца, которого не раз видели в коридорах министерства хватавшимся за стенки, который пьяным однажды потерял где-то шинель и даже мундир, был назначен... председателем всесоюзной комиссии по борьбе с алкоголизмом! Была, оказывается, и такая в то время.

И вот этот необразованный, разнузданный человек вдруг натолкнулся на Крылова.

Больших антиподов судьба столкнула не могла. И результат тут мог быть только один — взаимная ненависть, яростная и жестокая со стороны Чурбанова и полная презрения и прямо-таки физического неприятия со стороны Крылова.

Говорят, планы у Чурбанова были большие, он якобы намеревался скинуть самого Щелокова и занять его место. Но личного друга «самого», хитрого и опытного чиновника и интригана, «сожрать» было не так-то просто. А тут еще Крылов.

Все, что задумывал и осуществлял новый начальник штаба министерства — а штаб вопреки яростному сопротивлению уязвленный недавним поражением, властолюбивый Щелоков все же создал, видя, кстати, и очевидную его пользу, создал явочным порядком, через голову заупрямившихся вышестоящих инстанций после того, как в большинстве областей, краев и республик штабы полностью оправдали себя. Противники Крылова вынуждены были отступить, — так вот, все, что задумывал и осуществлял Крылов, было абсолютно чуждо, непонятно Чурбанову, все вызывало злость.

И силы были, увы, неравные. Видимо, Чурбанов все объяснял своему высокому тестю куда понятнее, чем Щелоков, передавал «заумные» планы своего начальника штаба, если он вообще осмеливался их передавать.

Сыграло роль и другое обстоятельство. Видимо, Щелокову в конце концов начал надоедать неугомонный Крылов с его все новыми идеями и обширными проектами. Зачем? Положение было уже завоевано. А многочисленные недостатки, червоточины, гниль... Они не дают спать только Крылову. Их же всегда можно преуменьшить, а то и вообще скрыть в шуме всеобщих рукоплесканий, победных рапортов, бесчисленных наград, поздравлений, юбилеев и радостных дат.

А тут Крылов с его неприятными, «больными» проблемами, да еще сумевший нажить столько могущественных врагов. И на заседаниях коллегии министерства Крылов неизменно одерживал победы в ожесточенных спорах со своими противниками, ибо данные штаба, его научный анализ и прогнозы, а отсюда и предложения, и планы всегда оказывались неколебимо верны.

Крылов у себя в штабе умел заразить каждого своей энергией, энтузиазмом и бешеной работоспособностью. Это был редкий тип руководителя, который в случае необходимости делал работу

за своих подчиненных, блестяще делал, давая каждый раз предметный урок. Был такой случай. Срочно готовился важный доклад для министра, с которым тот должен был выступить на ответственном совещании, готовился, конечно, в соответствии с идеями и установками Крылова. Готов был доклад лишь накануне совещания. Поздно вечером он лег, наконец, на стол Крылову и... не понравился ему. Тут же были вызваны «авторы», и Крылов у них на глазах, изредка сверяя с ними какие-то детали, продиктовал стенографисткам совершенно новый, блестящий доклад. А утром перепечатанный, выверенный «до последней запятой» текст доклада Крылов вручает министру, и тот с удовольствием и энтузиазмом зачитывает его на совещании.

И все же Щелокову Крылов стал постепенно в тягость. Да и опасно стало его защищать: с Чурбановым особенно не повоюешь. Впрочем, и сам Щелоков стал уже другим. Это все заметили хотя бы на таком красноречивом примере. Два своих юбилея отпраздновал он за время пребывания в министерстве. Первый из них был отмечен веселым «капустником», второй — «коробками», большими и очень большими, со всей страны, и золотой медалью, конечно. Вот таким стал Щелоков. Зачем же было ему теперь рисковать и причинять себе беспокойство?

Атаки на Крылова между тем усиливались, и министр решил отойти в сторону. Хватит, навоевался Крылов, и никому уже не требуются больше его научные поиски. В стране все больше затягивались болотной ряской, отодвигались, не замечались грозные предкризисные явления в жизни общества. И МВД не было тут исключением.

«Шеф отдал его нам», — ликуя, сообщил однажды один высокий недруг Крылова другому. Чурбанов был доволен министром. И собой, вероятно, тоже, собой особенно. Начинаясь 1974 год.

Но Щелоков, очевидно, решил избежать неприятностей, шума и ненужных разговоров. Зачем лишним скандалом омрачать сегодняшнее столь радостное правление? Помните, еще шесть лет назад Крылов предлагал создать Академию МВД? Так вот, пусть себе займется этой Академией и уйдет из штаба, наконец. Мы ему даже генерал-лейтенанта дадим, оставим членом коллегии, объявим этот переход почетным и важным, лишь бы духу его не было в министерстве.

Так Щелоков и сделал, легко «продвинув» соответствующее решение через все инстанции. Крылов, пересилив себя, подчинился. Он все понимал. Одно детище он заменил другим. Им уже владела новая мечта.

А штаб тем временем стал на глазах хиреть. И кое-кто вокруг вздохнул с облегчением.

За Крыловым в новую Академию ушли многие талантливые и опытные его сотрудники, они жаждали работать с ним. Тут, между прочим, тоже не все обошлось гладко. Одному из этих сотрудников начальник отдела кадров Академии заявил: «Не примем. Только через мой труп». И огорченный сотрудник доложил об этом Крылову. «Ну, так через труп», — жестко и зло, как всегда в таких случаях, сказал Крылов. Начальник отдела кадров ушел, а сотрудник, человек способный и знающий, был принят.

Концепция Академии, разработанная Крыловым, была непривычна: она не готовила юристов! Она из юристов, дипломированных юристов, должна была готовить специалистов управления, организаторов, руководителей высшего ранга, образованных и интеллигентных, последнее Крылов особо подчеркивал.

Консервативно мыслящие ученые-юристы были недовольны, даже, я бы сказал, шокированы: ломались устоявшиеся годами каноны. Зачем нужны в Академии МВД совершенно чуждые

ей дисциплины — философия, математика, биология, социология, психология, педагогика, какие-то специальные кафедры систем управления! Это же нонсенс, извините!

Руководителя, самодовольно говорили противники Крылова «наверху», вырабатывает сама жизнь, вырабатывают интуиция и опыт, вот нас же вырастила, и никакой специальной теоретической подготовки это не потребовало. И насмехались: «Пережили увлечение кукурузой, переживем и увлечение управлением». Крылов гневно восклицал в ответ: «Это нельзя назвать иначе, как кощунством над здравым смыслом, над логикой жизни!» Он открыто и смело мечтал об Академии в одном из своих докладов: «Это одухотворенность великой идеей, это храм гуманизма, сообщество влюбленных в науку творцов, это чистота нравственных отношений, это торжество истины, стоящей на страже справедливости... Можем мы построить такой вуз? Можем! Что для этого надо? Работать! Работа нужна восторженная, работа вдохновенная, работа с любовью и верой в нужность своей профессии, своего места на земле». Я видел, как слушали Крылова, этого нельзя забыть. Впрочем, то был весьма деловой доклад, как всегда, с глубокими идеями, четкими, реальными планами в духе главной концепции, от которой он и не думал отступать. Крылов подарил мне потом этот доклад с надписью: «Мои думы, мои страдания и мое сердце».

А в Академии уже кипела работа. Состоялся и первый ее выпуск, ее радость и гордость, ибо это был в самом деле прекрасный выпуск, о котором помнят до сих пор, хотя не были еще написаны учебники и монографии и многие лекции читались «с листа». Уже действовал в Академии Научный центр исследования проблем управления, постепенно вбравший в себя самые передовые в мировой практике достижения новой науки. Такому центру мог позавидовать любой вуз страны. А целый этаж занял другой центр — по изучению передового опыта; такого еще никогда не было, а он был нужен Академии, как воздух. Словом, кипела работа, с воодушевлением и энтузиазмом, о которых уже начали забываться в эти тягостные «застойные» годы почти всеобщего равнодушия и распушенности.

Постепенно прекрасные ученые сосредоточились в стенах Академии, о ней заговорили в Москве, рос ее научный авторитет. В ее стенах все чаще проводились важные совещания, встречи, симпозиумы, где охотно собирался цвет научной мысли, крупнейшие ученые.

Так, в апреле 1977 года в Академии состоялась объединенная сессия Ученых советов пятнадцати крупнейших научных учреждений страны, посвященная «проблемам повышения эффективности борьбы с антиобщественными проявлениями», как было сказано в официальных документах. Казалось бы, судя по названию, — тема для узкомилиейского совещания. Но это было бы совсем непохоже на Крылова. Блестящий доклад на ней читает министр Щелоков (можно только догадываться, скольких бессонных ночей он стоил Крылову!), а затем необычайно заинтересованно, глубоко и увлеченно выступают директор Института государства и права АН СССР В. Н. Кудрявцев, директор Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР Д. К. Беляев, декан факультета психологии МГУ А. Н. Леонтьев, директор НИИ общих проблем воспитания АПН СССР Г. Н. Филонов, первый вице-президент АМН СССР А. М. Чернух и ряд других крупнейших ученых. И, казалось бы, узкопрофессиональная тема превратилась в соответствии с замыслом ее организаторов в важнейшую и сложнейшую проблему жизни общества, глубоко всех собравшихся волнующую. В заключительном слове академик

П. Н. Федосеев сказал: «Хотелось бы еще раз выразить глубокую благодарность руководству Академии МВД СССР, начальнику Академии Сергею Михайловичу Крылову, всему коллективу Академии, которые проявили большую инициативу в проведении настоящей сессии».

Вот такие научные форумы, организуемые Крыловым, выдвигали его любимую Академию в первый ряд научных учреждений страны, необычайно расширяли кругозор ее слушателей, двигали научные разработки и обогащали учебный процесс, готовя для милиции действительно невиданные до того кадры высокообразованных, интеллигентных руководителей-организаторов.

Надо еще сказать, что в Академии по инициативе Крылова был создан замечательный Университет культуры во главе с выдающимся композитором Арамом Хачатуряном. Концерты лучших художественных коллективов, выставки известных художников, писатели, артисты, музыканты были постоянными и желанными гостями Академии. Это были не случайные встречи, а тщательно продуманная программа нравственного и эстетического воспитания.

Словом, Академия МВД начинала выдвигаться как крупнейшее и авторитетное научное учреждение страны, и ее начальник вел себя все более уверенно и независимо на заседаниях коллегии министерства, рискуя спорить даже с Чурбановым. Побеждать в таких спорах не составляло труда, ибо первый заместитель министра был по-прежнему предельно невежествен. Но и злопамятен он был тоже. А Крылов, видимо, просто не мог себя сдерживать, его душили негодование и презрение, ибо невежество, а тем более диктат невежества он физически не переносил. Нет, он не был дипломатом, он слишком часто шел напролом, словно не видя, чем это может кончиться.

Впрочем, если бы все эти люди могли видеть хотя бы на пять-шесть лет вперед! А ведь, казалось бы, можно было. Кто знал лучше их, как дряхл, болен, как быстро идет к концу «сам», и было нетрудно, казалось бы, интерполировать грядущие перемены, неприятные перемены, может быть, даже драматические для них, для Щелокова, для Чурбанова, для него особенно. Ведь они прекрасно знали расстановку сил. Но нет! Они действовали, словно впереди у них была вечность, словно народ никогда не проснется, ничего не узнает, словно нет у них могучих противников, которые только ждут своего часа. Ведь Чурбанов, к примеру, со своим наглым, жестоким высокомерием и, как оказалось, темными делами был обречен. Вроде бы это могло его заставить хоть сейчас присмиреть, убрать руки подальше за спину, не творить зла.

Но это еще никому не удавалось. Великим и малым злодеям прошлого, от Сталина до ничтожества вроде Ежова или даже последнего самодура и палача на Магадане в те жуткие годы. Никому! Знали они, что их ждет, каков будет конец, какова будет память о них? Нет, не задумывались. Кровавая карусель туманила мозг, раздув все низменные, сжигающие их страсти. Так и потом, через годы и ближайшие поколения, дышала на новых «калифов на час» эта лишь под пеплом затаившаяся адская печь. Крупный русский криминолог профессор Н. Гернет писал, что человек начинает воспитываться за сто лет до своего рождения. Того же Чурбанова начало «воспитывать» поколение, само воспитанное тем далеким и страшным временем. «Тот» аппарат тоже передавал из поколения в поколение свою «нравственную» эстафету, ища и пока еще находя последователей.

Да, если бы они поняли, если бы уловили, что их ждет впереди, совсем близко, за углом! Темные и светлые силы недавнего прошлого. Если бы светлый и чистый умница Крылов мог уловить, что ждет всех нас впереди,

совсем скоро, и не идти напролом! Не смог...

А Чурбанов, к которому примкнули все недруги Крылова, решил больше не ждать. Министр тут же, как и всегда, отошел в сторону, даже уехал срочно лечиться. Опасно было связываться с Чурбановым. Даже ему. Да и интересы дела теперь мало волновали его. Заметно поблекли, увяли многие выступления министра. В другое время ему бы это не понравилось, теперь было все равно. И Крылова он готов был «отдать» Чурбанову в любой момент. В первую очередь следовало думать о себе и внимательно следить за кипящей вокруг тайной борьбой: где-где, а здесь «застоя» не было.

В Академию доходили из министерства тревожные слухи: готовится очередная комплексная проверка, готовится разгром. Председателем комиссии объявил себя Чурбанов, комиссия образовалась неслыханных размеров — семьдесят один человек! — и подбирались особо.

С необыкновенной тщательностью готовился Крылов к этой проверке. Он, умудренный, казалось бы, столькими годами борьбы, так хорошо знавший своих противников, все еще наивно надеялся, что так любимая им наука, очевидные, казалось бы, научные успехи и доводы разума, наконец, спасут его Академию и его самого. Он явно не понимал, какая логика действует на этот раз. И потому составил, как всегда, тщательный, глубокий, всесторонний доклад, блестящий анализ всего сделанного и всего предстоящего. И с ним выступил перед комиссией. «Сколько вам надо времени?» — небрежно спросил Чурбанов. «Час тридцать минут», — ответил Крылов. «Хватит сорока минут», — тем же тоном отрезал Чурбанов.

Во время доклада Чурбанов зевал, брезгливо и враждебно поглядывал по сторонам, потом заявил: «Хочу есть». Немедленно объявили перерыв. Больше уже Крылов не докладывал. Его не захотели слушать.

Все было решено заранее. Концепция Академии признавалась неверной в принципе. Академия, мол, «не туда идет». Она должна стать «юридической», а сейчас в ней кого угодно больше, чем юристов, куда это годится? И вообще Академия «обуржуазилась» — помпезность, картины, зеркала, ковры.

Но главное, на чем решено было «поймать» Крылова, — это хозяйственные вопросы. И Чурбанов, сам погрязший, как теперь выясняется, во взятках и злоупотреблениях, объявил, что Крылову тут ничего нельзя простить, ни одного хозяйственного промаха, а еще важнее, конечно, обнаружить что-то хоть мало-мальски незаконное в его поступках. Да, тут «поймать» Крылова оказалось возможным: хозяйственником он не был, и вокруг него вился разный народ, порой не очень чистоплотный. Да и вообще, как известно, в то время в нашей хозяйственной деятельности без ухищрений обойтись было невозможно, как и без всевозможных «нарушений».

Но на этот раз ничего существенного отыскать так и не удалось. А уж можете себе представить, как искали! Это было унижительное расследование. А не украл ли Крылов казенную мебель? И тут же, у всех на глазах, кинулись искать у него дома, на даче, у родственников. Не нашли. Позвольте, позвольте, а ведь он построил домик кому-то из детей, это точно известно... Кинулись — опять ничего! И новая зарубка на сердце у Крылова, новый удар по нервам. Ведь ищут-то открыто, громко, позорно. А нашли или не нашли — кто знает? Но зато нашли ведомости в бухгалтерии, деньги кому-то выписаны, а пошли на оплату за перевозку и разгрузку мебели. Ага! А по другой вещевой ведомости люди вещи получили, а не расписались, а там еще, оказывается, штакетник пропал,

а в другом месте пропали какие-то «ангары», пять штук (потом они, правда, нашлись, но это потом!). Что, виноваты хозяйственники? Нет, извините. За все отвечает начальник Академии!

Крылов начинает нервничать, он мечется, как затравленный. Он не знает, куда девался штакетник, или казенная мебель из бывшей квартиры его заместителя, или какие-то там ангары. Он не помнит, когда или почему подписал ту или иную ведомость. Он, привыкший обдумывать решение глобальных и жгучих научных проблем, вдруг вынужден барахтаться в этой грязи, а вокруг вьются, вьются, все время норовят ужалить ретивые чурбановские проверяющие.

А сам Чурбанов с послушным ему начальником управления кадров уже начинают шантаж: или вон из органов внутренних дел, или... все вытащим, все докажем, на все найдем свидетелей, и тогда позор и суд.

Мечется Крылов. Министр, конечно, уехал под Москву в санаторий, туда не проникнешь. А ждать невозможно.

Крылов, стиснув зубы, вынужден подчиниться и написать рапорт министру: «В связи с резким ухудшением здоровья прошу освободить меня от занимаемой должности». Дата: «6 апреля 1979 года».

Но он еще на что-то надеется. На какую-то каплю порядочности, каплю благодарности. Крылов вдруг узнает, что министр вернулся, и кидается к нему. Но Щелоков его не принимает. Вот теперь все. Круг замкнулся.

19 апреля Крылова «по болезни» увольняют в запас.

На следующий день генерал-лейтенант Крылов в последний раз приезжает в свою Академию. В парадном мундире, плотно сжав губы, он проходит в свой кабинет, кто-то следует за ним, он приказывает дальше не идти и направляется в комнату для отдыха. Обычно высокое начальство в таких комнатах отдыхает. Но у Крылова там горы книг с бесчисленными закладками, бумаги, рукописи, выписки, черновые заметки. Здесь он работал долгими вечерними и ночными часами, с жадностью работал, с восторгом, с верой. Сейчас все это позади, сейчас пустота в душе, сейчас ни во что веры нет. Невозможно представить это жуткое смещение, это холодное отчаяние. И вот в комнате отдыха, за кабинетом, грохочет выстрел.

Кто и когда возьмется утверждать, слабость это или твердость? Видимо, когда как. Видимо, смотря каков он был, этот человек; что он нес в душе, что потерял.

В последнем письме к другу* Крылов писал: «Скажу тебе в свой предсмертный час: я верил в идеалы, но они растоптаны; я верил в справедливость, но она распята; я верил в то, что только труд и честь определяют ценность человеческой личности, но это оказалось глубоким заблуждением. Я, идеалист и романтик, оказался в этой жизни банкротом... Господи! Как я работал! Как горел, как боролся!.. И за все это я плачу жизнью...» А в конце письма удивительная приписка: «Смерть — ведь это тоже борьба за жизнь».

Смерть Крылова всколыхнула людей. В день похорон в министерстве и Академии была дана негласная команда: на похороны не ходить. Пришли сотни людей, в большинстве офицеры. Впервые, кажется, они нарушили приказ. Многие плакали. Потом были поминки, десятки поминок по всему городу. Эти люди вдруг ясно поняли — кого потеряли, какого человека, какого выдающегося деятеля. И еще они поняли — кто виноват; хорошо поняли, надолго, навсегда. Да, они многое увидели по-новому и в чем-то сами изменились.

Поистине смерть порой тоже борьба за жизнь.

И какое счастье, что об этом можно, наконец, рассказать!

В № 14 мы опубликовали замеченную многими читателями статью народного артиста СССР Эльдара Рязанова, обсуждающую проблемы советского телевидения, критикующую ряд ситуаций и передач. Через некоторое время «Огонек» получил ответ от Гостелерадио. Мы подготовили его к публикации в прошлом номере вместе с подборкой статей и писем, поступивших к нам в связи с обсуждением проблем телевидения. Затем по просьбе Гостелерадио мы сняли из номера их ответ, а заодно решили, что более плодотворным будет продолжить заинтересованное обсуждение, а не ограничиться одноразовой публикацией письма и нашего комментария. Предлагаемые вниманию заметка В. Лейбовского и статья В. Цветова возникли как раз в процессе изучения нами проблем, накопившихся на телевидении и в смежных с ним сферах искусства и жизни.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

КАК ПРОРВАЛСЯ «ТРИНАДЦАТЫЙ»

Мучительно труден оказался путь документального фильма «Тринадцатый» к зрителю. Интересна сама механика торможения, его причины и мотивы заинтересованных лиц. Пыли на коробках с пленкой осело еще чуть-чуть, фильм не потерял актуальности. «Тринадцатый» — лента о Гарри Каспарове.

«Какие страхи могут в наше время удерживать на полке фильм о чемпионе мира по шахматам?» — недоуменно спросит читатель, которому не просто внушают сегодня, но наглядно, на примерах, доказывают: сейчас можно, нужно говорить обо всем.

Может быть, работа сделана неумело? Нет, в начале января нынешнего года фильм был принят руководством творческого объединения «Экран».

Так, может, «беспорность» личности героя вдруг оказалась под сомнением? Нет.

Тогда в чем же дело?

Вот выдержка из протокола комиссии по конфликтным творческим вопросам Союза кинематографистов СССР, подписанного исполняющим обязанности первого секретаря правления А. Смирновым и председателем комиссии, секретарем Союза А. Плаховым:

«Комиссия считает, что фильм обладает несомненными идейными и художественными достоинствами. В сущности, перед нами едва ли не первая попытка вскрыть характер и причины застойных явлений в нашем обществе на примере отечественного спорта, его «высших этажей». Предметом рассмотрения становятся бюрократические механизмы, отсутствие гласности, методы подавления личности, административно-командные приемы руководства, приводившие к аморальным поступкам, забвение основ социалистической нравственности... В картине поднимаются проблемы, требующие незамедлительных действий. Гражданственному пафосу фильма помогает его точное художественное решение, картина смотрится с живым интересом, рисует образ талантливой, обаятельной и яркой личности — нынешнего чемпиона мира по шахматам...».

Вы все поняли, уважаемый читатель? В фильме показана борьба за правду, за возможность честно обсуждать назревшие проблемы. Рассказывается о деятельности администрации Госкомспорта СССР, пытавшейся помешать честному и справедливому выявлению победителя в ходе поединка за шахматную корону.

В фильме нет, казалось бы, неминуемого ожидаемого личностного противостояния, нет выяснения отношений между двумя выдающимися мастерами. Чемпион мира выражает искреннее восхищение талантом своего соперника, его волей и силой духа — в течение десяти лет удерживать звание сильнейшего шахматиста мира!

Так вышло, что Анатолий Карпов оказался одним из действующих лиц

драматического сюжета, связанного с прекращением московского матча. И не секрет, что многие любители шахмат предполагали причастность Карпова к такому решению. Однако в фильме эта мысль даже не просматривается. Именно об административно-бюрократической системе ведется разговор с экрана.

Я беседовал с писателем Даниилом Даниным, с доктором философских наук, мастером спорта по шахматам, председателем шахматной федерации профсоюзов Юрием Васильчуком, с известным психиатром, доктором медицинских наук Александром Вейном. Они единодушны в главном: фильм ставит острые проблемы, далеко идущие за проблемы шахмат и спорта в целом. Фильм — о нас с вами, о проблемах общественных отношений. Он должен быть показан широкой аудитории. Более того, не случайно в приводимой выше выдержке из протокола есть фраза: «...поднимаются проблемы, требующие незамедлительных действий». Вот потому и «замедлили», поставили фильму подножку. И на полку. Кто сказал: «Стоп»?

Фильм был принят руководством творческого объединения «Экран» в первых числах января. Оставалось лишь утвердить его руководству Гостелерадио, что обычно проходит без задержек. Почти формально.

Однако первый заместитель председателя Гостелерадио Л. П. Кравченко в нашем случае оказался яростным врагом формализма. Он сказал: «Буду смотреть внимательно».

Прошел месяц. Акт о приемке фильма первый зам. председателя не подписал. Вскоре руководство творческого объединения «Экран» сообщило режиссеру А. Михайловскому: «Вы сделали не тот фильм, который нужен нашему обществу. Обществу нужен фильм о выдающемся шахматисте, а вы сделали фильм о трудной его судьбе».

Прошел еще месяц, два. Фильм, производство которого обошлось государству в 90 тысяч рублей, лег «на дно». Что ожидало его? Тихие похороны. Как они производятся? Создается документ с обоснованием, с указанием причин, по которым следует совершить захоронение. Но каких причин? Как их формулировать? В наши дни дело сложное. На обдумывание, как видим, ушло уже четыре месяца.

А коли нет документа о захоронении, нужен другой — о завершении работы. Третьего не дано, не может быть, таков порядок.

И «другой» документ был подписан. Название ему — монтажные листы, иначе говоря, развернутый сценарий уже исполненной работы. Вскоре картину тиражировали.

Полный производственный цикл был завершен. Коробки с лентами теперь можно было разослать по телецентрам страны. Однако причин, почему этого сделать нельзя, руководители Гостелерадио еще не придумали. Ко всему, они еще побывали на пленуме Союза кинематографистов, состоявшемся в конце

марта этого года, где услышали от заместителя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС В. Н. Севрука такие слова (хотя речь в тот момент шла о другом фильме):

«...Да, возможно, что художник ошибся. Ну, ошибся. Покажите фильм и дайте комментарий (аплодисменты). Потому что ни работа, ни сам тот, кто трудился, вложил талант, душу, страдать не должны. Это не предусмотрено никакими узаконениями. Предусмотрено это просто заскорузлым мышлением прошлых лет... Давайте вместе менять то, что подлежит изменению, поддерживать то, что нарождается».

В середине апреля редакция «Огонька» обратилась к директору творческого объединения «Экран» Г. Я. Тараненко с просьбой дать возможность посмотреть «Тринадцатый» коллективу редакции. Спустя месяц мы получили такой ответ: «В связи с Вашим письмом сообщая, что руководством Гостелерадио было предложено уточнить решение некоторых эпизодов фильма «Тринадцатый». Поскольку работа над картиной еще не завершена (курсив мой. — В. Л.), мы не можем организовать просмотр, о котором Вы просите. Директор т/о «Экран» Г. Я. Тараненко».

Как видим, причин руководители Гостелерадио еще не придумали. Тянули время, объявляя готовый фильм незавершенным.

Впрочем, даром время они не теряли. Привлекли к обдумыванию людей заинтересованных. В середине февраля фильм «Тринадцатый» был показан первому заместителю председателя Госкомспорта СССР Н. И. Русаку и начальнику управления шахмат Н. В. Крогиусу. То есть тем самым людям, которым фильм и предъявлял самый серьезный счет. И все тянули, тянули время, подыскивая аргументы против — повесомее.

* * *

И, боюсь, придумали бы. Но — время сейчас не то. А этот материал был уже сдан в редакцию, когда из Ашхабада пришло известие: на XI Всесоюзном фестивале спортивных фильмов «Тринадцатый» получил Золотую медаль. С огромным трудом прорвался фильм в Ашхабад. И никто в Ашхабаде не разделил опасений Госкомспорта и Гостелерадио. Все аплодировали «Тринадцатому». Он вел себя по-спортивно. Он прорвался. Да здравствует истина!

P.S. 27 мая в Центральном Доме кино состоялся просмотр «Тринадцатого», затем — бурное обсуждение. Все были единодушны: фильм должен быть показан широкой аудитории. Главный редактор документальной студии творческого объединения «Экран» Р. Андреев встал и заверил собравшихся, что 3—4 июня «Тринадцатый» выйдет в эфир. Раздались аплодисменты.

Увы, напрасно хлопали. Прохлопали. На дворе уже 18 июня. Гостелерадио обвело нас вокруг пальца и на этот раз.

* Л. А. Вознесенский.

«С

воей славой и удачливой судьбой японский бизнес обязан конкуренции. Конкуренция — горячее, приводящее в движение японский индустриальный механизм». Эти слова принадлежат Акио Морита, основателю и главе фирмы «Сони». Думаю, на его свидетельство можно положиться, ведь из лаборатории, состоявшей в 1946 году из семи человек и умещавшейся в одной комнате, «Сони» превратилась в мировой промышленный гигант, как, впрочем, и «Мацусита дэнки», «Тосиба», «Хитати», с кем соперничала «Сони» и кто начинал примерно с одного с нею уровня.

Рецептов улучшения работы Центрального телевидения предлагается много — вероятно, столько же, сколько публикуется статей о его передачах. Но, может быть, стоит воспользоваться одним, проверенным практикой и неизменно приводившим к успеху рецептом: избавить Центральное телевидение от одиночества в эфире. Нам пока не по карману многоголосие, какое существует в печати, но по крайней мере два телевидения вполне возможны. Наряду с Центральным могло бы существовать Второе телевидение — тоже государственное или под эгидой, скажем, Агентства печати «Новости».

Когда Морита выступил, так сказать, за плюрализм технических идей и технологических решений, выраженных в товарах разных фирм, его обвинили в отсутствии патриотизма по отношению к «Сони». Нынешний высокий международный престиж торговой марки «Сони» доказал правоту Мориты. Делаю это отступление для тех, кому не терпится предъявить мне обвинение в непатриотичности по отношению к Центральному телевидению.

Организационно создать Второе телевидение не так уж сложно. Ему можно было бы передать теперешний второй общесоюзный канал. В этом случае общий объем телепередач не увеличится. Значит, не потребуется слишком много дополнительных техники и новых производственных помещений, недостаток которых сдерживает развитие советского телевидения. Если творческое лицо Второго телевидения окажется таким же, как у издающихся АПН «Московских новостей», то ему не придется искать профессиональных журналистов. Они придут сами.

Появление Второго телевидения поможет, как мне думается, преодолеть неправильное понимание сути телевизионного вещания. Газета или журнал излагают свои политические, нравственные, эстетические взгляды на бумаге, которая им принадлежит. Они могут дать на своем бумажном пространстве место для суждений, с которыми их редколлегии не согласны, однако могут места и не отводить. Газеты и журналы нельзя корить за это: бумага выделена им, повторяю, в собственность.

У телевизионного эфира нет и не может быть конкретного собственника в лице государственной или общественной организации, коллегии Гостелерадио СССР или, к примеру, правления АПН. Конкурентная борьба за аудиторию заставит, мне кажется, понять это. И в передачах как Центрального, так и Второго телевидения получают представительство все взгляды, бытующие в обществе, если они не противоречат Конституции и если их оглашение не нарушает Уголовный кодекс. То есть передачи типа «Общественное мнение», которыми поразило и порадовало Ленинградское телевидение, сделаются обычными на всех телевизионных каналах. Конечно же Центральное и Второе телевидение не откажутся от своего права давать оценки тем взглядам, с которыми они не согласны. В результате в эфире воцарится подлинный социалистический плюрализм мнений. И термин «взвешенные передачи» обретет смысл, какой вкладывают в него люди, использующие слова в их истинном, а не обратном значении.

«Механизм торможения» не следует понимать неким чужеродным устройством в сконструированной для движения по пути перестройки машине. В течение «трех недель застоя», как метко назвала «Комсомольская правда» промежуток от публикации статьи Н. Андреевой и до ответа на нее центрального партийного органа, что тормозило в нашем сознании, в наших душах гневный протест, выплеснувшийся так дружно после 5 апреля? «Механизм торможения». Он часть каждого из нас. И работники Центрального телевидения не исключение.

Максим Горький считал, что говорить правду — это «искусство, труднейшее из всех искусств». Я вспомнил горьковские слова, когда смотрел апрельскую передачу «Действующие лица» — о молодых людях, решивших выйти из ВЛКСМ. В передаче было все, требующееся от искусства говорить правду: открытость суждений, горечь и боль, вызванные трагедией — иначе не скажешь! — комсомола, и озабоченность судьбой перестройки, потому что ее будущее в огромной степени зависит от молодежи.

И рядом передача о Н. И. Вавилове, из которой вырезаны подробности убийства ученого. Автору передачи публично поставили в вину попытку увлечься рассказом о «лысенковщине», о репрессиях. Получается, что уничтожение миллионов безвинных лю-

ПРОШУ СЛОВА!

Владимир ЦВЕТОВ

ТЕЛЕПРОГРАММА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

НА ЗАВТРА

дей, дискредитация социализма, обречение огромной и богатой страны на отсталость способно всего лишь «увлечь», а не вызвать возмущение и яростное желание докопаться до всей правды, чтобы не допустить повторения прошлого.

Будь у нас два телевидения и, следовательно, обладая автор возможностью выбирать, с кем из них сотрудничать, вряд ли кто осмелился бы проехать бульдозером по труднейшему из искусств. На Центральном и на Втором телевидении быстрее выдавливали бы из себя «механизм торможения», и не по капле, а более крупными дозами.

В газете «Советская культура» москвич А. Сахаров следующим образом откликнулся на телевизионный сюжет, посвященный жителям Рязани, которые вынуждены ездить за продуктами в Москву: «Авторы не нашли концовки к этому репортажу. На мой взгляд, нужно было спросить у «отцов города», где и чем они отовариваются сами». В условиях соревнования телевидение, вызвавшее справедливое наре- кание телезрителя, в другой раз не допустит недосказанности, прекрасно понимая, что конкурирующий канал тоже сделает вывод из критики. Согласных вести передачи в пустоту не станет ни на Центральном, ни на Втором телевидении. До тех пор, пока в телевидении существует монополизм, телезрителью ничего не остается, как смотреть то, что ему предлагают, — выбора-то нет, а монополист не чувствует особой необходимости прислушиваться к замечаниям.

Уверен, что передача о движении в Киришах за спасение среды обитания, оборвавшаяся, по мнению «Московского комсомольца», слишком рано — на экологии, в обстановке конкуренции двинулась бы дальше — к проблеме демократии. Необходимость завоевывать аудиторию побудила бы журналистов мыслить смелее и острее и, значит, гражданственнее.

В тундру, где корову видели только на картинке да в кино, и понятия не имеют, как к ней подходить, пришло из Москвы указание завести молочное стадо. Подчинись оленеводы приказу и начни производить коровье молоко, на каждом литре теряли бы рубль. Репортаж об этом клиническом случае рецидива командно-административного руководства привел, без сомнения, в негодование телезрителей. Единичные в эфире позволили, однако, остановиться лишь на констатации возмутительного факта и не подтолкнуло выяснить, в чем бюрократическом мозгу нагноился циркуляр, какое ведомство освятило его своим официальным бланком и исходящим номером?

При наличии соревнующихся телевизионных организаций, вероятно, ни одна из них не расценила бы истинной в последней инстанции мнение Ю. Бондарева, В. Белова и В. Распутина, изложенное в статье «Легко ли быть молодым?». И Центральное, и Второе телевидение, думаю, не стали бы торопиться оповещать, что отныне намерены поступать только так, как требуют три писателя. Испытывая уважение к их литературному таланту и к их активной общественной деятельности, оба телевидения тем не менее учли бы, что в обществе высказываются и иные, чем у писателей, воззрения по поднятой в статье проблеме. Подборки читательских писем в «Правде» подтвердили это. Не исключено, что и на Центральном, и на Втором телевидении почувствовали бы: вознесенная как знамя статья «Легко ли быть молодым?» придаст, пожалуй, силы тем, кто готовился выступить, прикрывшись фамилией Н. Андреевой.

Два телевидения встанут перед необходимостью образовать беспристрастную службу изучения популярности или неуспеха своих передач. Они отберут указанное социологами количество семей-мониторов, представляющих все вместе точный срез общества. Телевизоры этих семей соединят с компьютерами, которые будут фиксировать, что, когда и сколько времени смотрят семьи-мониторы, и подсчитывать смотримость передач в процентах. Выведенные научными методами и потому объективные данные о смотримости превратятся в главный критерий назначения или отставки ведущего, автора или режиссера передачи, сохранения ее в программах или отмены.

Если на шоссе, позволяющем разогнаться до 100 километров в час, тащиться с сорокакилометровой скоростью и мешать ехать другим, это движение или торможение? Сравнивая с прошлым, когда по такому шоссе проползали за час едва пять километров, можно сказать: да, движение. Но соотнеси сорокакилометровую скорость с возможностью, что предоставляет дорога, приходишь к выводу, что это, конечно же, торможение. Два телевидения станут соревноваться друг с другом в скорости и одновременно усилят внимание к тому, чтобы лихачеством не перегреть моторы. Ведь авария отбросит в соревновании далеко назад.

Решай мы задачу либерализации общества, одного Центрального телевидения было бы вполне достаточно, и телезрители, видимо, не предъявляли бы к его передачам существенных претензий. Но речь-то идет о демократизации, то есть о коренной пере-

стройке общества. Телевещание резко усилит содействие этому процессу с появлением Второго телевидения. Хотел бы напомнить высказывание М. С. Горбачева: «Через обсуждения, дискуссии, иногда, быть может, горячие... через сопоставление взглядов и точек зрения, раздумья проходит перестройка и в мышлении людей, и в психологии понимания своеобразия современного момента».

В 9 часов вечера в редакционных комнатах Центрального телевидения включают пять мониторов. По первому идет программа «Время», по второму — основной выпуск новостей Второго телевидения, по другим каналам — московская, образовательная и ленинградская передачи. Что дают коллеги из московской, образовательной и ленинградской редакции, следим вполглаза. Подавляющее большинство телезрителей предпочитает информационные выпуски любому другому телевизионному зрелищу — таков вывод службы изучения аудитории. Но от монитора Второго телевидения не отрываем глаз. Чьи новости окажутся интереснее, полнее и оперативнее — «наши» или «их»?

Заставки и музыкальное сопровождение к ним разнятся по форме, но одинаковы по воздействию: они не создают в домах телезрителей атмосферу вручения верительных грамот. Ведущие «у нас» и «у них» глядят с экранов добрыми, живыми и веселыми глазами. Внешний вид — на Центральном телевидении один ведущий даже в свитере, — свободная манера общаться и двигаться, готовность рассмеяться вместе с телезрителем над оговоркой настраивают поудобней устроиться перед телевизором и послушать увлекательный и заинтересованный рассказ о событиях дня.

Корреспонденты обоих каналов в Сыктывкаре и Нью-Йорке, в Гомеле и Токио, в Охе и Буэнос-Айресе начинают свои сообщения одним и тем же словом: «сегодня». В Сыктывкаре так же, как и в Буэнос-Айресе, «наши» и «их» корреспонденты соревнуются в оперативности.

Информации о деятельности аэропорта Внуково-2 заметно убавилось. Она включается в выпуски новостей лишь в наиболее значимых случаях. Сегодня как раз такой случай. С досадой видим, что соперники со Второго телевидения сообщили не только, кто и куда отбыл — это сказали и мы, — но и сумели взять короткое интервью о цели поездки. Помечаем для памяти: при возвращении делегации опередить Второе телевидение с интервью об итогах визита.

И мы, и Второе телевидение передаем сюжет о перевыполнении шахтой плана добычи угля. Наша новость длиннее. К торжествам по поводу рекорда корреспондент добавил, что железная дорога от шахты до потребителя угля плана не перевыполняла да и не собиралась нарушать ритмичность перевозок, как, впрочем, предпочел рассматривать план незыблемым законом и потребитель угля. На экране заключительный кадр: добытая энтузиастами с большим напряжением сил гора угля выдувается ветром. Мы довольны. У нас новость приобрела подлинное общественное звучание.

Но потом опять завидуем Второму телевидению. Их корреспондент не ограничился показом открытия выставки художника, чье творчество десятилетиями замалчивалось. Корреспондент завершил сюжет фотографиями гонителей художника — страна должна знать своих «героев» в лицо. Снова помечаем для памяти: подумать, как сказать это самое в следующий раз, не подражая конкурентам, однако столь же остро и броско.

Несбыточные грезы, скажете? Ну почему же. Разве сам факт, что вы читаете эту статью в журнале, издаваемом почти двухмиллионным тиражом, не свидетельство огромных изменений в нашей жизни? Так и мечта о Втором телевидении, разве она не осуществима? «...По поводу чего еще год назад мы, безусловно, заняли бы негативную позицию или дали бы уклончивый ответ, — написал М. С. Горбачев в книге «Перестройка и новое мышление...», — становится сегодня не только привычным предметом обсуждения, но и вполне естественным компонентом повседневной действительности».

Вернусь к японским впечатлениям, с которых начал. Акио Морита рассказал, что, будучи вице-президентом, крупно поспорил с тогдашним председателем фирмы Митидзи Тадзимой. «Мы расходимся во взглядах, — сказал председатель Морите. — Я не желаю терпеть у себя людей, имеющих отличное от моего мнение и публично их высказывающих». «Господин председатель, — возразил Морита, — если мы будем думать совершенно одинаково по всем вопросам, то наше пребывание в фирме бессмысленно. Или я, или вы должны тогда подать в отставку. Ведь именно столкновение разных взглядов уменьшает для фирмы риск впасть в опасную ошибку». Тадзима подумал и ответил: «Вы правы. Приказ о вашем увольнении или мой уход оказались бы одинаково нелюбимыми по отношению к «Сони»».

Любая организация имеет тенденцию к деградации или к совершенствованию. «Сони», как мы хорошо знаем, неизменно совершенствовалась.

ДЕТЕКТИВЫ ИЗ ТАМОЖНИ

Отношения между моряками и таможенной никогда не были безоблачными. Не отличаются они особыми симпатиями и в настоящее время. Для этого есть основания: методы охраны «экономических рубежей нашей Родины», как высокопарно изволят выражаться работники таможенной, весьма часто напоминают нравы и обычаи «лихих людей» с большой дороги времен Ильи Муромца и Соловья-Разбойника.

7 февраля мы пришли в Калининград после тяжелого рейса поздно вечером. Три часа усиленная бригада таможенников произвела на судне павальный обыск. На следующее утро, не успев, что называется, «протереть глаза», как снова нагрянул отряд таможенников с трехчасовым обыском. По их признанию, целую ночь за нашим судном из укромных мест и складов следили специально назначенные группы. Но и в этот раз детективы из таможенники оскандалились: не нашли контрабанды.

Иногда после процедуры обыска и допроса (что купил, когда, для чего и для кого и т. д.), видя, что хозяин каюты недоволен их действиями, в Ленинграде прибегают к следующему трюку. Из шкафов и ящиков извлекают вещи иностранного происхождения, не имеющие значительной ценности. Таких за месяцы плавания накапливается немало, так что не хватает места в таможенной декларации. Или выгребают из карманов, ящиков и т. п. мелкие монеты. После этого составляется акт «о попытке провоза нелегально через границу», в котором владелец «предупреждается о недопустимости, и т. д.». Затем ввиду малочисленности собранного все это возвращается. На вопрос, для чего это делается, таможенники отвечают: «Если вздумаете на нас пожаловаться, мы предъявим акт»...

По специфике своей работы мы часто встречаемся с таможенной в иностранных портах и ничего подобного не видели. Нигде за рубежом методы «охраны экономических границ» не сопряжены с такими унижительными процедурами, оскорбляющими человеческое достоинство. Стражи экономических рубежей ссылаются на таможенный кодекс, где записано, что они «имеют право на личный досмотр». С другой стороны, мы имеем тоже права, которые указаны в статье 57 Конституции СССР, где записано: «Уважение личности, охрана прав и свобод граждан — обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц». В том числе, полагаю, и Главного таможенного управления, и Министерства морского флота, и соответствующих общественных организаций — парткомов, профкомов и т. д., и т. п. Но мы что-то не слышали, чтобы кто-то из них нам оказывал содействие. Более того, по их указанию на судах созданы группы «общественной таможенники», которые добровольно-принудительным голосованием выбирают на общих собраниях и призваны обыскивать нас за границей, когда возвращаемся с берега. Этим мы как бы добровольно отказываемся от гражданских прав, данных нам статьей 57 Конституции СССР.

Хотелось бы через ваш журнал разыскать «государственные органы» и «общественные организации», призванные защищать нашу честь и достоинство.

Владислав Петрович ТАРАТЫНОВ,
капитан теплохода «Ангарсклес»
Ленинград

Мы несколько раз встречали утверждение, что в так называемый период застоя страна онемела, обездвижилась и ответственность за такое состояние должна быть разделена поровну между всеми современниками. Давайте не будем соглашаться с такой категоричностью. Высокий дух справедливости, ленинский революционный дух жил с нами; перестройка рождалась и вызревала в недрах застоя, сопротивлялась ему. В эпистолярных и устных дуэлях ожесточенно сталкивались мнения, идеи, теории. Публикуя приводимое дальше письмо, хотим напомнить, что написано оно «в первый пик застоя», когда обострились отношения не только внутри страны, где начали ставиться под сомнения даже иные из решений XX партийного съезда; обострились отношения со многими коммунистическими и рабочими партиями, с Китаем, ввергаемым в кошмар культурной революции, переживавшим пароксизмы собственного «культа». Заботой о судьбе страны и революции проникнуто это письмо, которое четко показывает, что ответственность за страну и народ никогда не покидала нас. Поэтому перестройка встретила сегодня столь естественную поддержку миллионов людей в Советской стране и за ее пределами.

Итак, новая рубрика «Азбука гласности».

14 февраля 1966 г.

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!
В последнее время в некоторых выступлениях и в статьях в нашей печати проявляются тенденции, направленные, по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина.

Мы не знаем, насколько такие тенденции, учащающиеся по мере приближения XXIII съезда, имеют под собой твердую почву. Но даже если речь идет только о частичном пересмотре решений XX и XXII съездов, это вызывает глубокое беспокойство. Мы считаем своим долгом довести до Вашего сведения наше мнение по этому вопросу.

Нам до сего времени не стало известно ни одного факта, ни одного аргумента, позволяющих думать, что осуждение культа личности было в чем-то неправильным. Напротив, трудно сомневаться, что значительная часть разительных, поистине страшных фактов о преступлениях Сталина, подтверждающих абсолютную правильность решений обоих съездов, еще не предана гласности.

Дело и в другом. Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества. На Сталине лежит ответственность не только за гибель бесчисленных невинных людей, за нашу неподготовленность к войне, за отход от ленинских норм партийной и государственной жизни. Своими преступлениями и неправыми делами он так извратил идею коммунизма, что народ этого никогда не простит. Наш народ не поймет и не примет отхода — хотя бы частичного — от решений о культе личности. Вычеркнуть эти решения из его сознания и памяти не может никто.

Любая попытка сделать это поведет не только к замешательству и разброду в самых широких кругах. Мы убеждены, например, что реабилитация Сталина вызвала бы большое волнение среди интеллигенции и серьезно осложнила бы настроение в среде нашей молодежи. Как и вся советская общественность, мы обеспокоены за молодежь. Никакие разъяснения или статьи не заставят людей вновь поверить в Сталина; наоборот, они только создадут сумятицу и раздражение. Учитывая сложное экономическое и политическое по-

ложение нашей страны, идти на все это явно опасно.

Не менее серьезной представляется нам и другая опасность. Вопрос о реабилитации Сталина не только внутриполитический, но и международный вопрос. Какой-либо шаг в направлении к его реабилитации безусловно создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения, на этот раз между нами и компартиями Запада. С их стороны такой шаг был бы расценен прежде всего как наша капитуляция перед китайцами, на что коммунисты Запада ни в коем случае не пойдут.

Это — фактор исключительного значения, списывать его со счетов мы также не можем. В дни, когда нам, с одной стороны, грозят активизирующиеся американские империалисты и западногерманские реваншисты, а с другой — руководители КПК, идти на риск разрыва или хотя бы осложнений с братскими партиями на Западе было бы предельно неразумно.

Чтобы не задерживать Вашего внимания, мы ограничиваемся одним лишь упоминанием о наиболее существенных аргументах, говорящих против какой-либо реабилитации Сталина, — прежде всего об опасности двух расколов. Мы не говорим уже о том, что любой отход от решений XX съезда настолько осложнил бы международные контакты деятелей нашей культуры, в частности в области борьбы за мир и международное сотрудничество, что под угрозой оказались бы все достигнутые результаты.

Мы не могли не написать о том, что думаем. Совершенно ясно, что решение ЦК КПСС по этому вопросу не может рассматриваться как обычное решение, принимаемое по ходу работы. В том или ином случае оно будет иметь историческое значение для судеб нашей страны. Мы надеемся, что это будет учтено.

ПОДПИСАВШИЕСЯ:

Академик Л. А. АРЦИМОВИЧ, лауреат Ленинской и Государственной премий.

О. Н. ЕФРЕМОВ, главный режиссер театра «Современник».

Академик П. Л. КАПИЦА, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий.

В. П. КАТАЕВ, член Союза писате-

лей, лауреат Государственной премии.

П. Д. КОРИН, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии.

Академик М. А. ЛЕОНОВИЧ, лауреат Ленинской премии.

Академик И. М. МАЙСКИЙ.
В. П. НЕКРАСОВ, член Союза писателей, лауреат Государственной премии.

Б. М. НЕМЕНСКИЙ, член Союза художников, лауреат Государственной премии.

К. Г. ПАУСТОВСКИЙ, член Союза писателей.

Ю. И. ПИМЕНОВ, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии.

М. М. ПЛИСЕЦКАЯ, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии.

А. А. ПОПОВ, народный артист СССР, лауреат Государственной премии.

М. И. РОММ, народный артист СССР, лауреат Государственных премий.

С. Н. РОСТОВСКИЙ (Эрнст Генри), член Союза писателей, лауреат премии Воровского.

Академик А. Д. САХАРОВ, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий.

Академик С. Д. СКАЗКИН.
Б. А. СЛУЦКИЙ, член Союза писателей.

И. М. СМОКТУНОВСКИЙ, член Союза кинематографистов, лауреат Ленинской премии.

Академик И. Е. ТАММ, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, лауреат Нобелевской премии.

В. Ф. ТЕНДРЯКОВ, член Союза писателей.

Г. А. ТОВСТОНОГОВ, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий.

М. М. ХУЦИЕВ, заслуженный деятель искусств РСФСР.

С. А. ЧУЙКОВ, народный художник СССР, лауреат Государственных премий.

К. И. ЧУКОВСКИЙ, член Союза писателей, лауреат Ленинской премии.

Публикация Д. Фирсовой из архива М. И. Ромма.

ТЫ

**ТЫСЯЧА ЛЕТ
МИНУЛО С ТЕХ ПОР
КАК КИЕВСКИЙ
КНЯЗЬ ВЛАДИМИР
ПОДОБНО ПОВОДЫРЮ
ВЫВЕЛ СВОЙ НАРОД
ИЗ ЯЗЫЧЕСТВА
И, ОКРЕСТИВ
В СТУДЕНОЙ
КУПЕЛИ
ДНЕПРА —
ЭТОЙ ИОРДАНИ
ОТЕЧЕСТВА НАШЕГО,
ВЛОЖИЛ В ЕГО
СЕРДЦА И ДУШИ
ХРИСТИАНСКУЮ ВЕРУ.**

Минувшие времена вместили в себя трехвековое азиатское иго, сотни малых и великих войн, Бориса Годунова, Петра и других Романовых, революции, культ личности, перестройку, достаток и голод, копия и атомную бомбу, праведников и злодеев, миллионы и миллионы предков наших.

Но, пройдя сквозь катаклизмы веков, вера осталась жива и ныне празднует свое тысячелетие.

...Всего шестьдесят лет назад по всей стране рушились, превращались в руины величественные храмы, сжигались в кострах иконы, всего пятьдесят лет назад десятки и сотни священников шли этапом в сталинские ссылки и лагеря, еще совсем недавно в верующих видели людей второго сорта.

Сегодня же Патриарха Московского и всея Руси Пимена и членов Синода Русской православной церкви принимает в своем кабинете Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, а президент США Рональд Рейган беседует

с наместником Свято-Данилова монастыря архимандритом Тихоном, сегодня в подмосковном селе Городок открывается памятник Преподобному Сергию Радонежскому, а Советское правительство передает во владение Русской православной церкви Введенскую Оптину Пустынь, Толгский монастырь, часть Киево-Печерской Лавры, сегодня разрабатывается новый законопроект о свободе совести.

Всего несколько лет назад подобное даже трудно было представить. Нынче же — это свершившийся факт, данности, естественный результат перестройки, которая коренным образом затронула самые сокровенные глубины нашего сознания, сделала нас разумнее, терпимее и гуманнее.

Отвечая на вопрос вашего специального корреспондента о месте Русской православной церкви в новых исторических условиях, в частности о ее благотворительной функции, митрополит Киевский и Галицкий Филарет, патриарший экзарх Украины сказал, что возлагает большие надежды на происходящие в стране перемены и полагает, что

церковь могла бы приносить ощутимую пользу в делах, касающихся милосердия, сострадания, благотворчества. Эта традиция Русской православной церкви насчитывает многовековую историю. Но теперь, в период перестройки, подобная деятельность обретает совершенно особый характер.

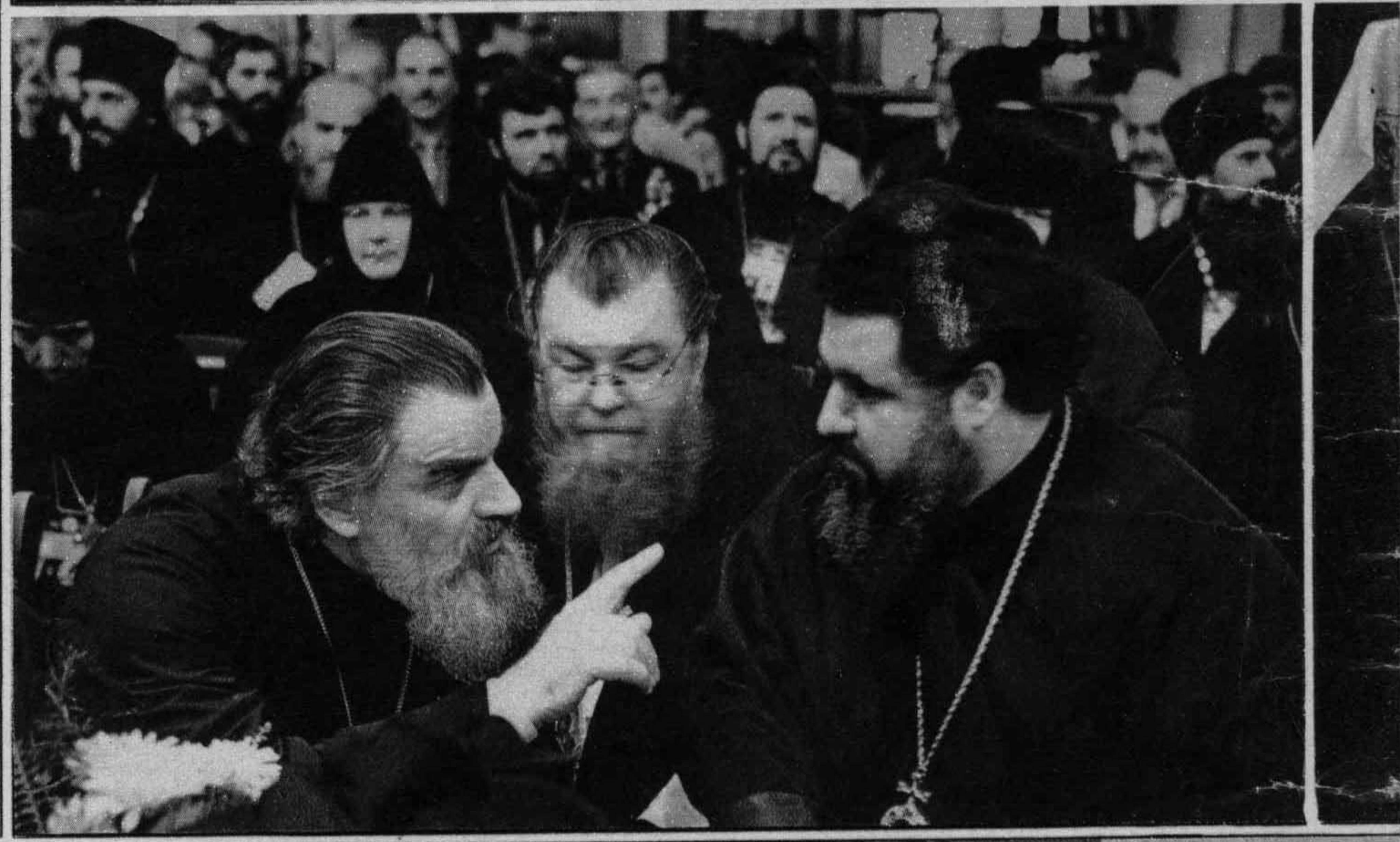
Лучшим подтверждением слов митрополита Филарета стал проходивший в рамках празднования тысячелетия крещения Руси концерт хорового пения, весь сбор от которого пошел на строительство реабилитационного центра раненых воинов-интернационалистов.

С митрополитом Сурожским Антонием мы встретились в одном из номеров гостиницы «Украина». Ему семьдесят четыре года. В начале двадцатых вместе с родителями (мама — родная сестра композитора Скрябина, отец — генеральный консул в Тегеране) выехал на Запад. В 1925 году лишен гражданства. Окончил медицинский институт в Париже, участвовал в движении Сопротивления. Ныне же ведет пастырскую деятельность в православных церквях Великобритании. И хотя

СЯЧЕЛЕТИЕ

в России бывает не каждый год, за событиями, происходящими на Родине, следит с неослабеваемым интересом.

— В нашем народе,— сказал митрополит Антоний,— сокрыт огромный потенциал духовности и жертвенности. К сожалению, он не всегда был должным образом востребован. Однако решительные действия Советского правительства, направленные на гуманизацию общественной жизни страны, позволяют надеяться, что вопросы вероисповедания отныне будут решаться взвешенно, продуманно, всесторонне, корректно...

В эти дни в Москве, Киеве, Ленинграде, Новгороде как никогда звонко пели колокола, облаченные в торжественные наряды входили в храмы члены Синода и почетные гости из более чем ста стран мира, заседали в Троице-Сергиевой Лавре юбилейный Поместный Собор.

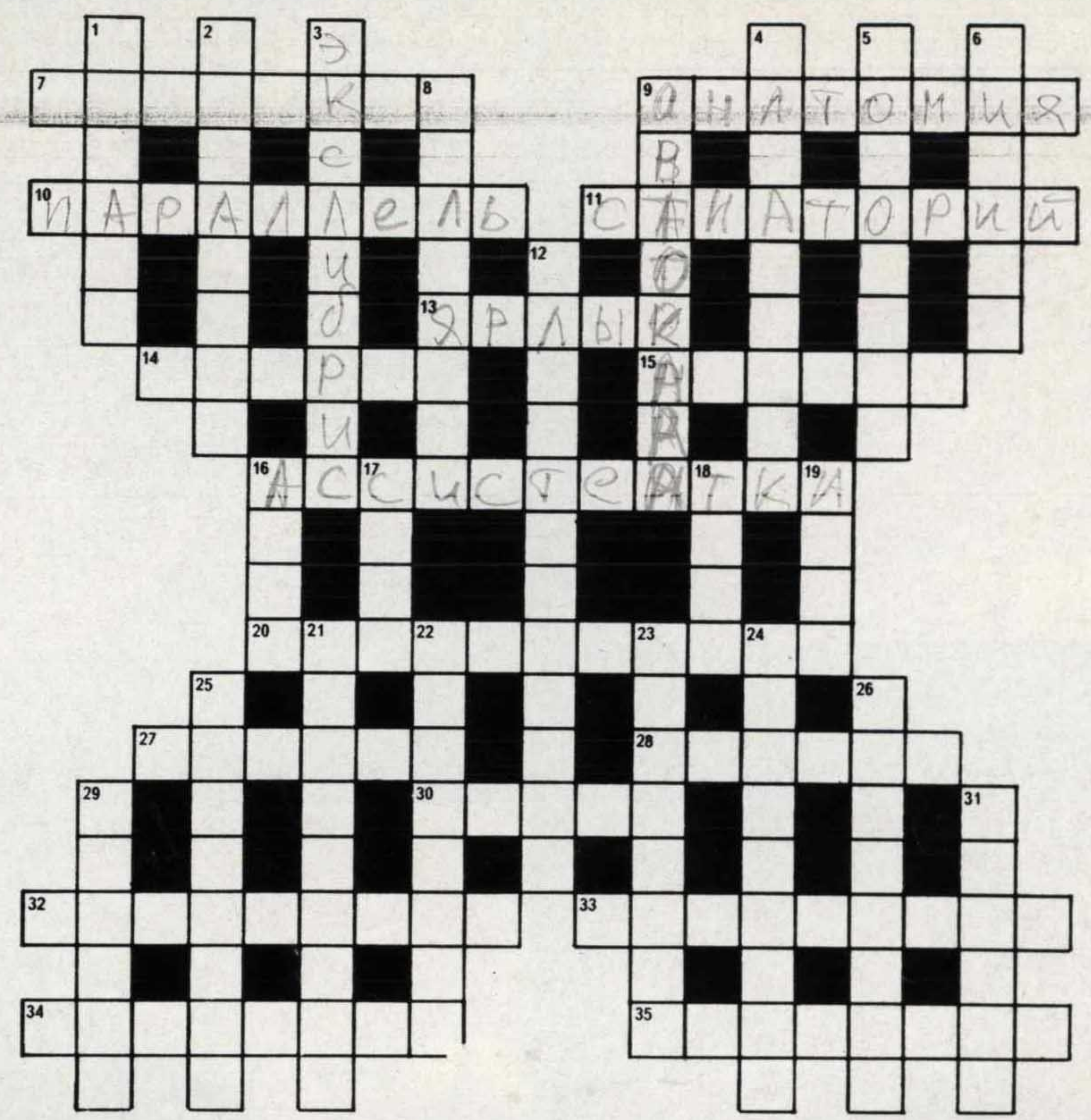
Праздники праздниками, но православная церковь жила в эти дни и своими будничными делами. Вместе с фотокорреспондентом Павлом Кривцовым мы приехали в подмосковное село Никольское-Трубецкое к полудню. Возле

церкви Рождества Богородицы нас встретили протоиерей Иоан Мухин и староста Любовь Афанасьевна Гусарова. Что принес сегодняшний день? С утра была служба, потом совершали обряд крещения. Теперь вот надо причастить старушку. Что еще? Церковь надо прибрать, полить цветы, просвиры испечь и напести венков, конечно же. Праздник у нас, великий праздник.

В будничных, на первый взгляд незначительных заботах этих людей было все же нечто духовно неполноценное, такое, что связывало небольшую, затерявшуюся среди подмосковных дорог и полей церковь с иными — малыми и большими храмами, а человека с человеком.

Дмитрий ЛИХАНОВ,
Павел КРИВЦОВ (фото),
специальные
корреспонденты
«ОГОНЬКА»

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Готовый продукт. 9. Наука о строении организма. 10. Прямая линия, не пересекающаяся с другой прямой. 11. Лечебное учреждение. 13. Наклейка на товаре с указанием качества, места изготовления. 14. Столица государства в Западной Азии. 15. Театральный художник, народный художник СССР. 16. Помощница профессора, врача. 20. Оптическое устройство, применяемое в экспериментальной физике, фотографии. 27. Немецкий поэт, драматург XVIII—XIX веков. 28. Федеративная единица в Швейцарии. 30. Точка небесной сферы, к которой движется Солнце относительно звезд. 32. Южное созвездие. 33. Чертежный инструмент. 34. Минерал, синяя краска. 35. Вскрытие пластов земли в поисках предметов древности.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Действующее лицо оперы А. С. Даргомыжского «Русалка». 2. Тренер по футболу, заслуженный тренер СССР. 3. Художественно выполненный книжный знак. 4. Рыбообразное морское животное. 5. Русская мера веса. 6. Один из первых зерносовхозов РСФСР. 8. Порт на Куйбышевском водохранилище. 9. Самоходная погрузочно-разгрузочная машина. 12. Лечебный метод воздействия на организм током. 16. Осенний сорт яблок. 17. Монета Западного Самоа. 18. Черная краска для черчения, рисования. 19. Река на юго-западе Франции. 21. Лекарственное травянистое растение. 22. Врач. 23. Прибор для измерения освещенности. 24. Спортсмен. 25. Озеро в Восточной Африке. 26. Действующее лицо пьесы М. Горького «Враги». 29. Рассказ А. П. Чехова. 31. Элементарная живая система.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Эксперт. 7. «Паровоз». 8. Туркенич. 9. Эмануэль. 11. Суверенитет. 15. Шейк. 16. Ария. 17. Ротатор. 18. Ролл. 19. Темп. 21. Альтани. 23. «Гора». 24. Реле. 25. Самокритика. 30. Прогресс. 31. Кондиция. 32. Пластик. 33. Никелин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Скрюббер. 2. «Дереву». 3. Фрунзе. 4. Послание. 6. Трике. 7. «Помни». 10. Редактура. 11. Скуодас. 12. Варлаам. 13. Тартини. 14. Таймура. 20. Контроль. 22. Алюминий. 26. Атрато. 27. Отсек. 28. Троян. 29. Кодекс.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Романа ЕФИМЕНКО (Донецк).

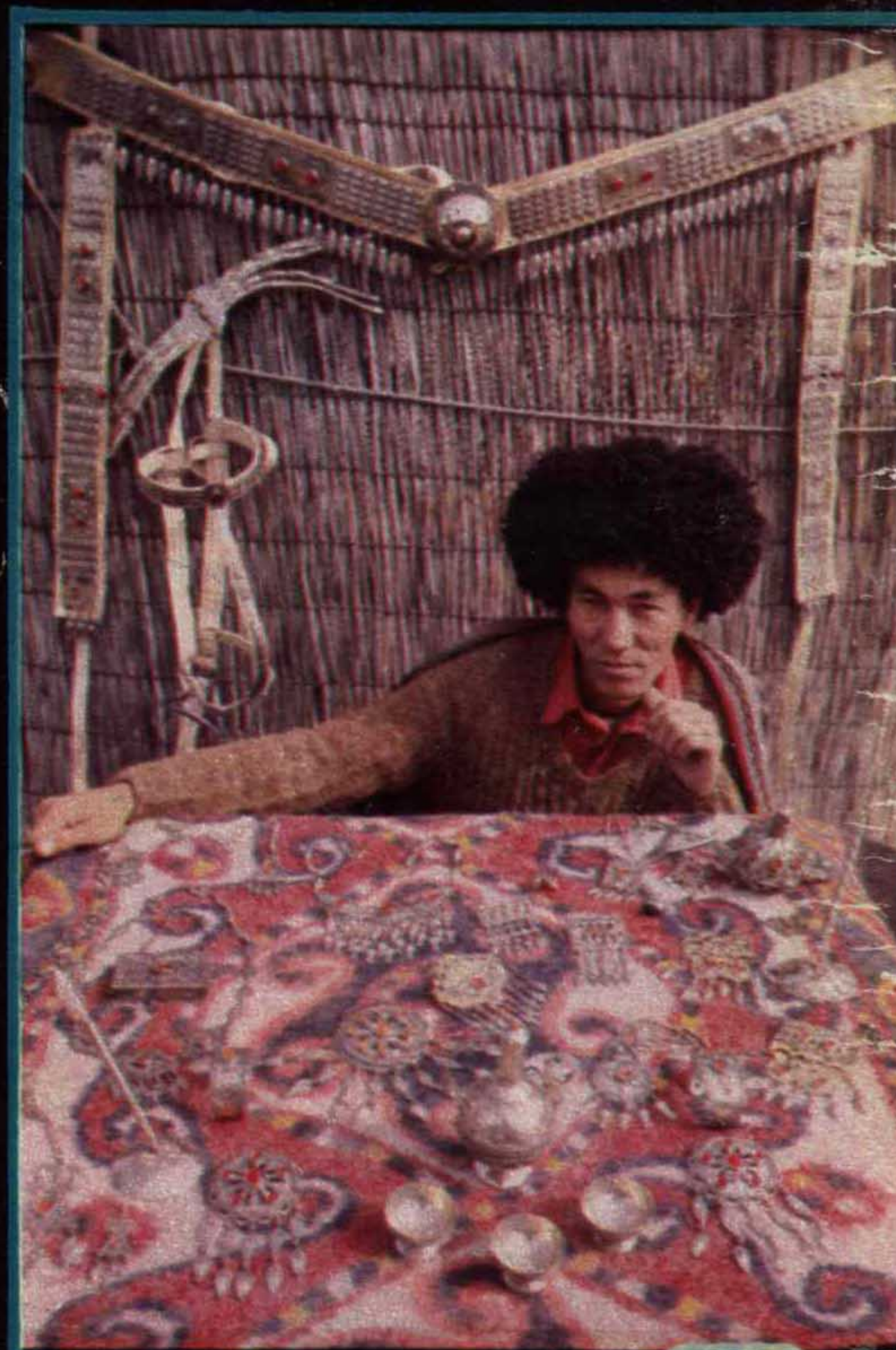
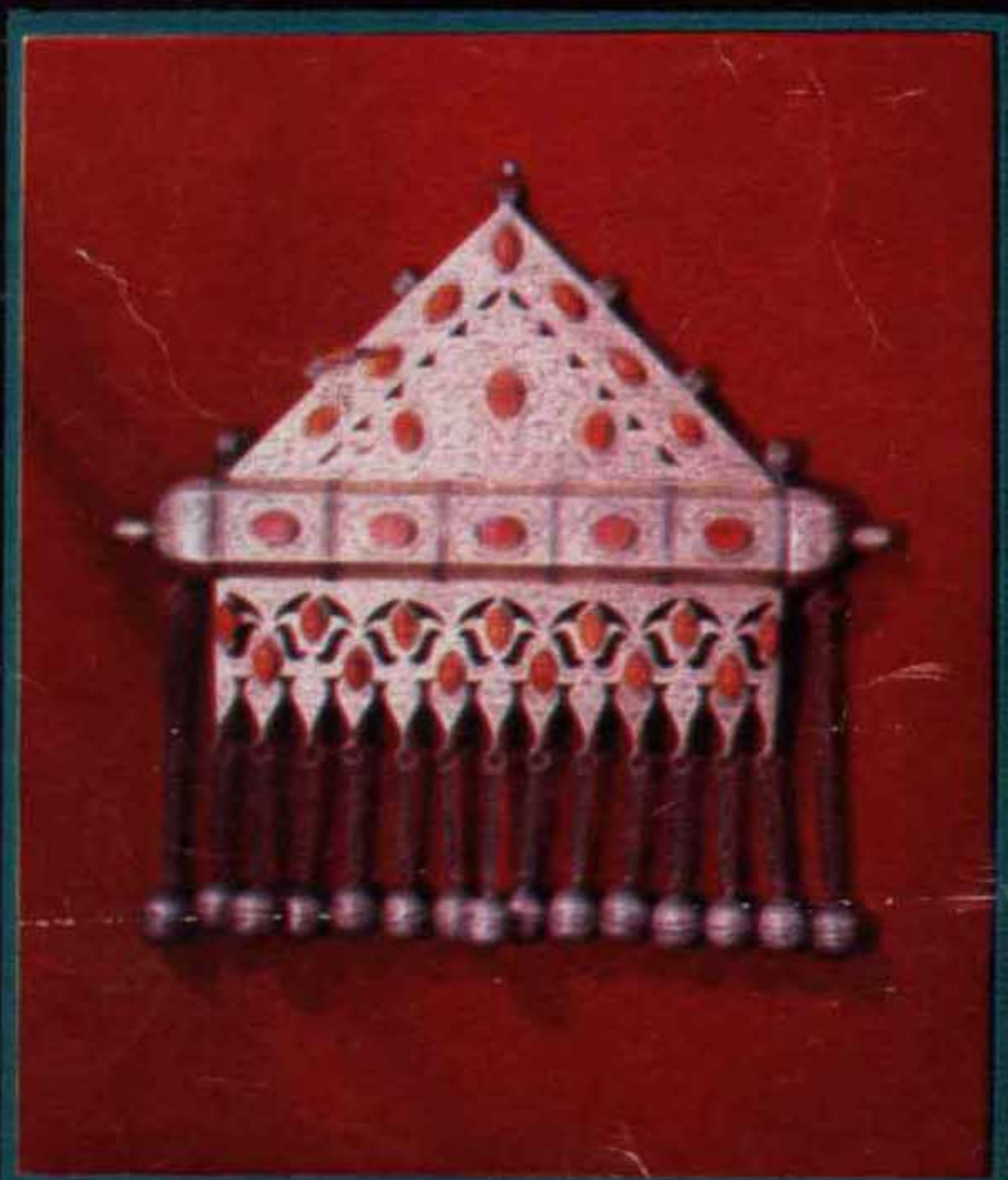
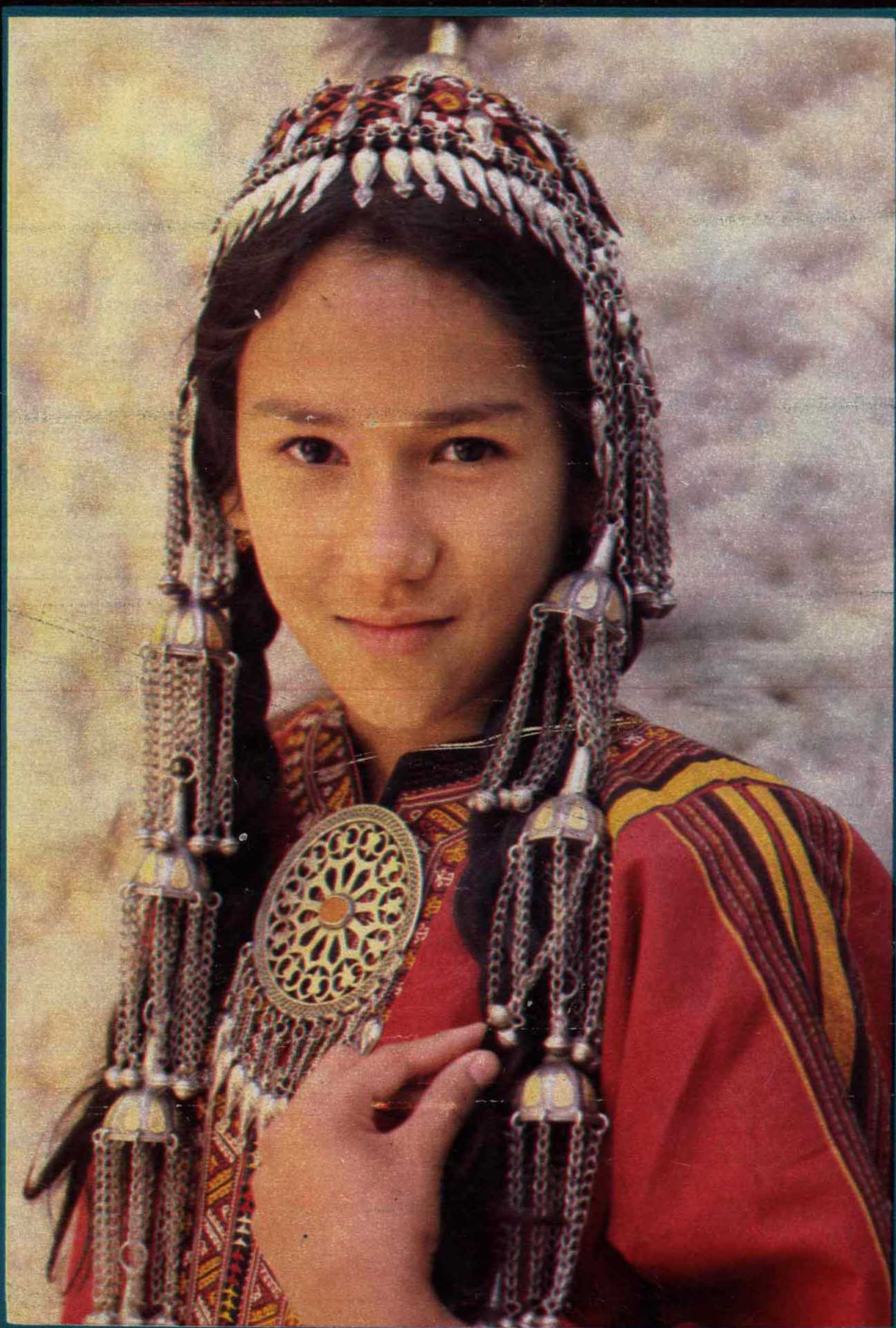
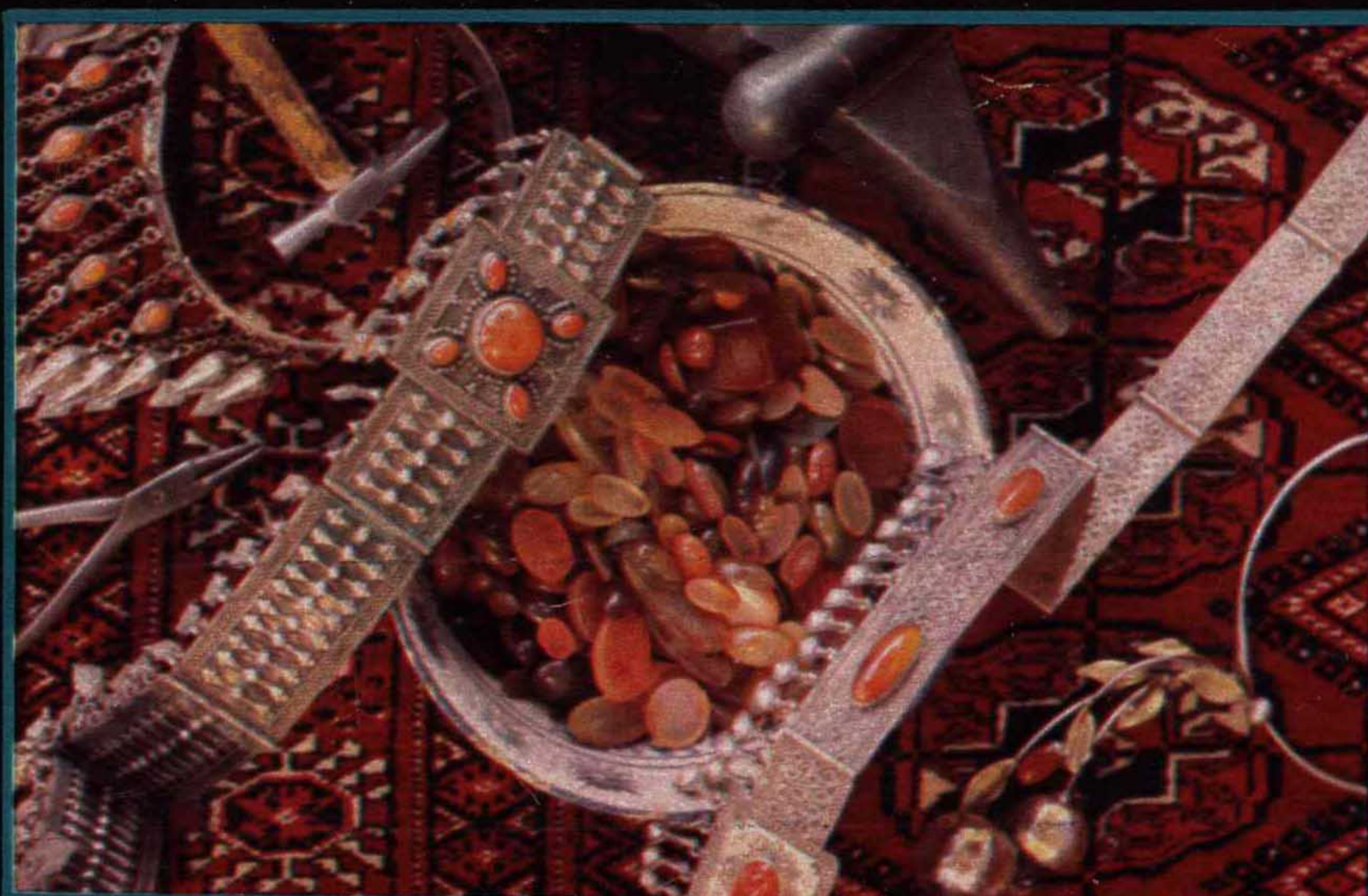

ОГОНЁК

ТУРКМЕНСКОЕ СЕРЕБРО

Нагрудное украшение — тумар, головные — манлайлык и эгме, височные подвески — тенечеры. А еще разные застежки, пояса, браслеты. Один лишь браслет может потянуть не менее килограмма, а все украшения уважающей себя женщины — десятки килограммов искусно отделанного серебра, полудрагоценных камней и даже цветного стекла, но тонко подобранного по цвету и форме, игре поверхности. Издревле известны изделия сереброкузнецов Туркменистана. В народе помнят имена таких знаменитых ювелиров, как Оразе Полтусса, Хезил-усса из аула Гырын Кяризи, Посман-усса из Безмеина, Шадурды-усса из Карадамака, и многих других... Мастера-ювелиры — зергары — из поколения в поколение изготавливали украшения для девушек и женщин, богатое оружие для мужчин, затейливую сбрую для лошадей. В арсенале мастера и поныне простые орудия — горн, наковальня, щипцы. Но это лишь видимая часть арсенала. Тонкость вкуса, виртуозность и вдохновение, умение чтить традиции и обновлять их — вот подлинная сокровищница искусства мастеров древних и художников наших дней...

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663